

БОЛИВАР И СЕКАЯ

АЛЕКСЕЙ БОГОРОДНИКОВ

Annotation

Немножко аниме, побольше фэнтези, легкий флёр юмора, убивай-кавай и другие прелести магического средневековья.

Главный герой всегда знает чего хочет и не стесняется в этом признаться. Работает психотерапевтом у принцессы. Воспитывает лисодевочку. К врагам королевства беспощаден. Характер нордический, местами тряпковатый. Беспринципный гедонист. Стиль одежды экологический. Хобби: спасение мира, гитара и симпатичные девочки. Изобретателен. Стартапит многоукладную экономику с помощью соплей и (магических) палок.

Часть первая

Дмитрий Бухалкин с самого рождения был чем-то недоволен. Выразилось это в истошном крике, будто младенец уже тогда предчувствовал зловещую развязку собственной судьбы. Ближе к тридцати Дмитрий по привычке к своей фамилии, неудачам и мистике, что окружали его жизнь, но недовольство моментами вырывалось из него истерическим смехом, суматошными фейспалмами и нервным прикусыванием нижней губы.

Дмитрий никогда не выигрывал конкурсы — занимал вторые места. Убил полжизни на легкую атлетику, но получил только второй разряд в спринте. Девушки динамили уже на втором свидании. Работодатели кидали через одного, смартфоны терялись и бились с такой же регулярностью, а на день рождения к нему никто не приходил. Ведь люди второго января пытаются тупо выжить, а не поразить своим радушием в сущности неплохого парня.

— Суки! — иногда грозил бессильно кулаками в небо Дмитрий, — настанет время, и я отыграюсь на всех вас! Но всеильные Сущности лениво молчали и жизнь, полная нереализованных мечт и воплотившихся страданий, продолжалась.

До второго сентября этого года.

Дмитрий шел на основную работу, вторую в его жизни естественно, и как оказалось вскоре — последнюю.

Переходя светофор он замешкался, вспомнив что забыл то ли выключить чайник, — электрический сегодня сторел, — то ли закрыть на замок дверь своей квартиры. Начал охлопывать карманы, когда тронувшийся грузовик с «Кока-Колой» недовольно загудел на нерасторопного пешехода. Бухалкин решил сманеврировать, перейдя на перпендикулярную улицу, но там вынырнувшая из-за грузовика маршрутка резко затормозила истошна гудя, отчего Дмитрий отпрыгнул на середину улицы.

— Эй, — нервно сказал он, — никаких там маршруток-кунов. «И уж тем более грузовиков», успел он подумать, когда спину обдало предчувствием беды.

Он еще успел развернуться, увидеть белое как мел лицо водителя во втором грузовике сзади, когда тело младшего научного сотрудника одного известного института расплющило об переднюю панель фуры.

— Морфиус, — недовольно прокряхтел Виндикт, заедая горечь пива соленым маттхи. — Знаешь, что с тобой сделает этот новенький? Он тебя сдаст Главе Комиссии.

Морфиус — старший мирапplikатор Комиссии по распределению в параллельные миры сектора SBbc, на это только промолчал.

Два другана находились в местном баре мира LHS 1140 b, на рабочем перерыве. Телепортация вещь удобная, сойти за аборигенов труда не составляло, а таверны этого мира славились своими печеньками и уютненькой атмосферой. Морфиус грустно крутил в руках крионитовую соломинку, приятно охлаждающую напитки, склонив седую голову над столиком.

— Нафига этот Дмитрий тебе вообще сдался, — не прекращал нудить Виндикт, — до пенсии пару лет, а после нее, как своего через Комиссию проведем — со льготами! Будет тебе и гарем с эльфийками, и ездовые драконы, и царство в придачу. Для своих-то льготы по

схеме «три за один». А выкинут с работы, на хорошее перерождение и не надейся. Мы же двадцать лет уже дружим, да ты знаешь что теперь с тобой будет?

Морфиус не отвечая, катнул через соломинку джина и скривился.

— А я тебе скажу, что будет, — не унимался Виндикт, — залезет этот новенький, племянник зама Главы, в твой голограммник, найдет перерасход, постоянные правки и кривые коэффициенты на перерождение Бухалкина — и досвидос Комиссия! Приличной работы не найдешь, встанешь на пособие, а после смерти переродишься в уличного факира, где-то в третьем секторе, какой-нибудь поганой страны, без личной памяти, за пять минут до местного Апокалипсиса.

— Знаешь, — глухо сказал Морфиус, — Дмитрий ведь должен был умереть на второй год от укуса бешеного хомяка. Пришлось корректировать. А потом я заглянул в его сморщенное младенческое лицо и клянусь Камухари Камусиси он мне подмигнул!

— Ну эй, — занервничал Виндикт, — ты поосторожнее с главой альтернативного японского пантеона. По слухам, богиня способна пробивать реальности вплоть до балки Вселенной.

— И всю его жизнь, — продолжал Морфиус, не слушая Винда, — я жил с ощущением вины. Его карму забрали в спецфонд Комиссии, а коэффициент удачи срезали начисто! По самым удачным раскладам Дмитрий был должен давно уже спиться и умереть в заброшенном коллекторе, но он живет и борется. Каждый его день для меня похож на прием у стоматолога.

Винд глотнул пива.

— Ты, че несешь, — сказал он тихо, — Комиссия тогда срезала карму у целой страны, мы тут все крайние. И было за что: чем больше человек верит в ложь, тем больше можно снять кармы без шума. Просто вот так — чтоб у целой страны — запрещено. Но рефлексируешь здесь только ты.

— А в двадцать пять, — с надрывом протянул Морф, — его бросила девушка прямо на день рождения и ушла с другим. Он тогда молча просидел два часа за столом с её единственным подарком — кружкой с принтом Хикигая Хачимана, а потом посмотрел вверх и сказал: «Я прошагаю Небеса, но найду тебя и спрошу — за что?»

— Отлично, лять, — не выдержал Винд, — и часто он так с тобой разговаривает?

Ничего не отвечая Морфиус хрустнул крионитовой соломинкой, откинул сломанные остатки в сторону и заглотив полстакана джина разом, даже не поперхнувшись.

— Хорошо, — сдался Винд, — отлично, борода ты многогрешная! Пойдем под трибунал вместе, ты ведь уже надумал что-то противозаконное?

— Заброшенный Создателями мир, в Забытом секторе, — пожал плечами Морф, — идеальное место для скрытия перерождения.

— Не считая того, что именно оттуда чаще всего вылезают всякие Повелители, Властелины, Владыки, Кхалы и другие злобные сумасшедшие, — едко произнес Виндикт.

— Он не такой, да и случилось подобное, пусть голова болит у Главы Комиссии, мы уже уйдем на перерождение, — безучастно сказал Морфиус, заканчивая с джином. — По времени успеваем сегодня вечером на дежурстве.

Винд, поднял палец вверх, намекая официанту, что пиво нужно повторить и откинулся на диванчик. «По крайней мере его хандра пройдет, — подумалось ему, — пока сегодня новенький сотрудник проставляется для коллег, есть время для левого запуска сансатрона».

Дмитрий недолго летел в полной темноте. Потерю ориентации закончила вспышка сверху и капли дождя. Бухалкин ощутил себя на твердой земле, в уши ворвались какие-то крики, звон, а прямо перед ним какой-то чужак в кожанке навернул мечом... чувака с рожками?

В его груди противно хлопнуло и Дмитрий ошалело увидел вылезавший из него наконечник чего-то острого. Сзади с чьим-то хеканьем пришел толчок, мгновенная боль затопила все тело. Руки с зажатой в них... длинной палкой (чего-чего?) ослабели. Разворачиваясь вокруг оси, Дмитрий полетел на землю и снова умер.

Темнота снова оказалась крошечной, но теперь сквозь нее доносились голоса.

Один, металлический бубнил: «соединение отказано, расчет новой точки захвата», два других суетливо переговаривались.

— Кармы восемь тысяч накинули, кей-лак двенадцать установили, а он умер через полторы секунды, что за херня?

— Видимо, остаточные флюктуации родной кармы, — неуверенно отвечал ему второй голос, — его страну точно следует закрыть для перерождения, как опасную для всех типов попаданцев, включая универсальные классификации мессианского типа.

— Что с запасным объектом, почему отказано? — встревожился первый

— Проверяю настройки, отключи помощника, — скомандовал второй.

Дмитрий почувствовал себя словно в дурном аниме, но чувства отказали все, кроме слуха — да и слух ли это был, понять было сложно.

— Функционал усеченный, — наконец ожил второй голос, — запасной объект тоже маг, но с другой стихией. По условиям мира разные потенциалы аннигилируются при попытке каста в одной системе. В том мире даже легенда по этой фиче есть с большим бадабумом. А его сознание уже заякорено на Тьму.

— Рандомный сброс? — встревожился первый, — времени расчета новой точки нет, а на той поляне идет бой.

— Я его не для того через три реальности тащил, чтобы запулить в кошкодевочку, — холодно отрезал второй. — Выжигай напрямую предохранительную Печать на мана-точках, потом дашь какой-нибудь разгоняющий толпу каст, а я пока внесу поправки в систему.

— Готово, иницируй сансатрон, — отозвался первый, спустя несколько минут, — запускаю импульс Страх 100 уровня.

— Прощай, Бухалкин! — сказал, помедлив второй голос. — все же не могу удержаться напоследок... Димооооооон!!!

Под этот ободряющий рёв Дмитрий влетел в свою новую жизнь.

Телу было неудобно: что-то кололо в левом боку, холод пробирал до костей, при попытке пошевелиться в ногах закололо.

Дмитрий сдержал стон и воровато закопошился, оценивая повреждения. Руки-ноги целые, голова трещит, а осторожная пальпация показывает корку подсохшей крови на затылке.

Новое тело лежало в кустах, очевидно в лесу, а вызов памяти прошлого абонента неожиданно принес двойную дозу воспоминаний, отчего Дмитрий немедленно впал в сенсорный шок и беспамятство.

Второе пробуждение было ничем не лучше: все также ломило тело, а к горлу накатывала тошнота. Дмитрий осторожно присел оглядевшись. Вокруг царила тишина и легкий налет безумства.

Сакура зеленоигольчатая, лилейное дерево, пассифлора ежевичная — память прошлых магов исправно вызвала дендрологический гербарий. Буйство расцветок и запахов ударили по глазам и обонянию. Дмитрий скривился. Новизна впечатлений хороша для туриста, но не для потенциальной жертвы. Для начала надо выжить и разобраться в ситуации.

Дмитрий нашарил на кожаном поясе деревянную флягу, немедленно отвернул затычку и глотнул холодноватой водицы со вкусом лайма или его подобия. Задрал рубаху снизу и обнаружил на теле красные татушки в виде фигуры похожей на паука с надписью А в n-степени — слева и аналогичного рисунка с А в s-степени — справа от района солнечного сплетения.

Мыслей о произошедшем было бесконечно много, но Дмитрий отбросил эту информацию как ненужную сейчас и сосредоточился на важном. В кого он попал и что делать.

Первого мага, тёмного стихийника двадцати двух лет, звали Пилам. Пилам Адэртад из Самоцветного Урочища. Входил в команду авантюристов, отправившихся в Заболотный лес тупо на заработки. Здесь он и полег от копья дикаря, в трех метрах от кустов, где сейчас Дмитрий в теле второго мага, восемнадцатилетнего Джерка Хилла анализировал ход событий.

Второй маг был адептом Света. Это значит быстрые раскастовки на подольше пожить, сниженный урон по всем монстрам кроме нежити и околонулевая бесполезность в сражении один на один.

«Да в общем, здесь все маги\воины не выделяются, с их убитой системой прокачки — прикинул Дмитрий. — и пора уже привыкать к Джерку.»

Не самое приятное имя на старте. Впрочем, местные его так и звали, словно догадываясь о заложенном в имени смысле — «Сопляк».

«Обо всем подумаю в Самуре». — как коротко называли свой городишко местные, решил Дмитрий-Джерк, осторожно поднимаясь, со своей магической палочкой наперевес — «сейчас следует собрать все ценное с поля боя и как можно быстрее покинуть место схватки».

Он осторожно высунул свой нос из кустов и оглядел место побоища. На искаженной поляне, облюбованном месте для гибридных растений и деревьев со вкусными ресурсами, — таких мест в Заболотном лесу было немного и потому они ценились, становясь ареной

схваток, — вповалку лежали трупы.

Дикарь, приложивший Джерка дубиной, лежал ближе всех со стрелой в ухе. «Работа нашего эльфолучника Арканара», — прикинул Дима, брезгливо переворачивая носком сапога мертвеца.

От дикаря несло амбре из трав, немытого тела и испражнений, раздражая нежный нос мага.

После получаса мародерки, судорожных глотков из фляги, отгоняющих тошноту и легкого матерка Джерк стал обладателем пары неплохих луков, четырех бронзовых топоров, маскировочного оберега, хлама из метательных дротиков, трех мечей и кучки монет.

На поляне остались тела четырех авантюристов и пятерых дикарей. Арканара изрубили просто в куски, мечников Ивара и Стронга стоптали словно ВарОрком — в фарше вмятой брони с трудом угадывались человеческие фигуры. Пилам лежал в окровавленном кожаном жилете, с дырой в груди, уставившись невидящим взором в небо.

Джерка передернуло от воспоминания. Кстати, лук разведчицы Каи Аисаки хотя и валялся на поляне самого тела лисодевички он не нашел. Это внушало осторожный оптимизм. Джерку Кая не очень заходила, но Дмитрию — образ рыжей, бойкой, солнечной обаяшки из памяти Джерка — струнки души задел.

— Как пострадавшая от произвола всесильных Сучностей личность, требую подружку зверотянку, — веско произнес я, вознеся взор в небеса.

Небеса согласно промолчали.

«Расклад конечно херовый: четыре к пяти... хотя — стоп, Пилам же успел «Тёмную Погибель» кастануть на группу отступников пока его прикрывали мечники — думал я, заканчивая сборы. — Задело отряд из шестерых дикарей, поскольку шамана в их составе не было видно, вряд ли они прожили хотя бы час после заклинания. Где-то в радиусе километра валяются их сгнившие трупы».

Но искать я их конечно не буду. Вещи с дикарей или отступников, как их называли, не особо ценны. А вот искаженные иголки, лилии и ежевику соберу, они дорогие.

Через час Джерк торопливо отдалялся от места гибели команды авантюристов Самура. В инвентаре лежали дорогие ресы и лут погибших. С инвентарем получилось забавно: он оказался двойным, словно задуалился после смерти первого мага со вторым.

Вторым сюрпризом оказалось сложение магических сил Пилама и Джерка, плюс способность качать обе ветки магии и, как подозревал Дмитрий, возможность постройки совместного билда.

Вообще, очень похоже, что Дмитрий-Джерк оказался единственным в этом мире, у кого была хоть и кривая, но какая-то система. Остальным рандомно падали навыки, даже не с каждым левелом, из которых собрать правильный билд получалось далеко не у всех. Плюс аборигенам сильно резался опыт, а еще они не могли получить карму (с монстров падал опыт и карма) и закинуть в навыки, делая этакую заточку. Создание группы отсутствовало. Местных же мобов отсутствие системы никак не затронуло: они регенились все такими же мощными, а выедавая свой ареал обитания устраивали грандиозные набеги на города и деревеньки, за которые местные обильно платили кровью.

Магия была доступна всем, но здесь начинались нюансы. Были одаренные и остальные. Можно было стать воином или магом не имея способности, но лет десять, повторяя или медитируя одно и то же заклинание или удар. Потом столько же — второе: в итоге суммарный путь на профессию занимал лет двадцать, когда с неба падало с легким «пух»

серебряное облачко, признавая объект одаренным. При этом дикий перекося в сторону воинов и лучников был неизбежен. Одно дело — разучивать удар мечом, воинские искусства были развиты, действие простое или тренироваться с луком. Другое дело, управление стихиями. Прачка стиравшая белье и медитировавшая на тему «это я гидрологией поверхностных вод занимаюсь, акванизирую со страшной силой» — дар получала в разы с большей вероятностью, чем прачка, делавшая это просто так.

Но таких образованных женщин, тем более прачек, не было не то, что в Шайне — во всем мире.

Двадцать лет медитировать энное количество часов — задача нетривиальная. Хотя возможная, но начальная Магия Воды к тридцати-сорока годам, когда развиваться уже поздноватенько, не ахти какой бонус. Правда, как дополнительный источник дохода — бонус приятный. Соседский огород за пару медных монет всегда полить можно.

Таких, сумевших пробить упорством и трудом, своим воображением — барьер, пренебрежительно прозывали «полударами». Только после нее начинал капать какой-то опыт от сражений с монстрами. Сравнивая такой путь с одаренным, которые сразу получали основную профессию и первый уровень с вероятным навыком — настолько трудный путь был доступен только местной знати и детям купцов.

По местному исчислению шел девятисотый год от Исхода Создателей. Как я понимал, так прозвали время, когда Создатели (игроки?) покинули этот мир, оставив вариться его в собственном соку. После их ухода рухнула экономика, мир между королевствами — их на секундочку — на этом материке было около двадцати плюс пару империй. Войны и передел территорий продолжались сто лет. Затем было Нашествие. Со всех сторон отожавшиеся популяции монстров, до которых никому дела особенно не было, накинудись на королевства. Затем гражданские войны. Обезлюдившие страны, выбитая элита — хаос длился лет пятьсот. До каменного века не скатились, но было грустно. Последние лет триста люди, эльфы, гномы и другие расы от всего отходили, воевали немного, но о Возрождении говорить не приходится. Темное средневековье, с повсеместно процветающим рабством. Пара уцелевших Академий Магии на материк размером с Европу, зачаточные технологии, еле уцелевшие после всего бардака, ремесленные гильдии, строго следившие за оборотом своего искусства.

О родном королевстве Шайн, что Пилам, что Джерк знали: а) дружит с соседней Рошпией б) ненавидит Южную Каталию, в) помогает Эсвани. Где-то дальше вольные баронства, за ними злобно гадит всем королевство культа Изиборна, еще дальше племена хреноголовцев и Оркотроидная с Оркоэдренной Империи. Вот и вся геополитика.

История Самура была известна больше. Самоцветное Урочище раньше был полноценным городом. Город был расположен в основании почти сходящихся буквой «V» двух горных хребтов и процветал, разрабатывая редкие металлы, самоцветы в нескольких шахтах по обеим сторонам внутри V-образного хребта.

Но после ухода Создателей началась полнейшая дичь: вылезли големы и отпинали как наскоро собранную стражу, так и присланное королевское войско. Шайн с потерей шахт не смирился, попытки выжить големов и продолжить рудное дело под охраной продолжались все сто лет, добыча упала кратно. Затем началось Нашествие. Город вырезали монстры, его отбило подошедшее войско с двумя архимагами, но оказалось это только авангард Нашествия.

Маг Воздуха из разведки взлелитировал на горный хребет и доложил о второй волне,

которая уходил за горизонт событий. Да-да, так и сказал: «уточнить численность нет возможности, волна уходит за горизонт событий». Скорее всего Шайн так и пал бы под напором мобов: всё же уже тогда было известно, что появилась сухопутная перемычка между двумя материками, рейнджер обнаруживший появившуюся землю там, где раньше была вода, успел об этом доложить. Выходило так, что это был маршрут Нашествия мобов с другого континента на пути которого стояло обреченное королевство, но Подвиг Влюбленных спас страну.

Два архимага Огня и Воды — козырные тузы правящей династии Шайна, не особо участвующего в повсеместных войнах, благодаря расположению на конце континента, вышли навстречу монстрам.

- Вот Шай за руку Айну взял и молвил, не тая
- Мы клялись честью защитить и землю, и крестьян
- Ни бурь, ни гроз я не боюсь, — ответила она
- С тобой я с радостью умру, раскрыв свои уста
- Злой век вспахал бедой страну — они сказали всем
- От гари — дым, от горя — бред и счастье лишь мираж
- Но всё пройдет... утерши пот, ты вспомнишь подвиг наш

Сама баллада большая, когда менестрели начинали её петь в тавернах, к середине обычно редко кто оставался в трезвом уме. Так что Джерк концовки не знал, но в исторических хрониках теряясь в догадках, что такого невообразимого предприняли два архимага, писали: «разверзлись земные хляби, упала Бездна с неба» и все в таком духе, намекая на «Кузькину мать» в пару десятков мегатонн. Хребты обрушились, а где-то наоборот — вылезли новые горы. Самур стерло в песок, завалило лавой, половину королевства засыпало пеплом. Город отстроили заново, но, когда начали пробивать проход через возникшую на месте бывшего прохода гору, обнаружили пещеру с вездесущими големами. Так Самур и захирел: из тридцатитысячного населения осталось полторы тысячи. И то, благодаря Подвигу Влюбленных, привлекавшему тоненький ручеек паломников к горе Двоих.

Что странно, аннигиляционный эффект двух стихий, а Дмитрий был уверен в этом, вспоминая сказанное голосом — больше никак не проявлялся. Маги бились друг против друга, с монстрами, заводили семьи с магом противоположной стихии. Совместно, накладывали друг на друга плетения, били заклинаниями: все было в порядке. Но две стихии в одном человеке — ни-ни. Значит в одной системе, то бишь человеке — две стихии грозят взрывом, но при совместной волшбе двух магов просто дополняют эффектами друг друга. Словно частицы магии меняли свои свойства выходя из мана-точки, становясь безопасными. Что же такого сделали два архимага, сотворив «Кузькину мать» из своих двух стихий?

Джерк выдохнул, взобравшись на пригорок перед Самуром. Вечерело. За рассуждениями прошло четыре часа, он добрался до городка. «Здоровая бадья с тёплой водой и полноценной ужин», — взмолился он, — «Господи, неужели я так много прошу?»

С северо-востока Самур окружало болотце. С гор стекали родники, щедро утапливая водой почву. Предприимчивые селяне рассадили здесь рис, но его пожрал лютоцветик. Лютоцветик загеноцидили, но за ним пришел злоедея. Этой борьбе не видно было конца, но люди не сдавались. За болотцем был луг с ужаснокроliками — здоровыми и питательными сволочами с зубастой пастью. Забить ужаснокроliка дубинкой мог даже подросток, но штук шесть монстров могли сбить с ног и сожрать вполне себе взрослого и, скажем прямо, туповатого мужчину. Что они регулярно проделывали с местными любителями спиртного, отчего королевский наместник скандалил с Гильдией Авантюристов, требуя полной зачистки.

«Аха, лезть в норы ужаснокроliков за пару медяков? Собрал бы свою обленившуюся, вороватую стражу и увлек личным примером», — цинично подумалось мне. — «Как плюс в городишке нет бомжей и алкоголиков, а бедняки, при некоторой отваге и наличии подручного материала, всегда могут позволить себе сочное мясо. При этом некоторое количество богатых потенциальных «полударов» тренируются на живых мобах, считается так больше шанс получить Дар. Иногда они заезжают к нам, поднимая окрестную экономику».

Здесь я впервые увидел свое, теперь родное, лицо в отражении темной воды.

Джерк Хилл был вполне себе симпатичным малым: мог вести свой влог или сниматься в кино. Его внешность, второе оружие после магии, только срабатывает на «других монстрах». Русоволосый, кареглазый, жилистый парниша с приятными кубиками на животе, парой уже нажитых шрамов, еще не заострившимся от житейских проблем подбородком и печальными глазами школьника, опоздавшего в столовку.

Я решил пройти с края луга, зацепив себе пару кролей на ужин. Марта — хозяйка таверны «Улыбка Фортуны» неплохо готовит их с грибами в горшочке.

Подходя к месту возможного обитания, я вытащил тяжелый посох Пилама: метровый тонкий металлический штырь из скарлетита и серебра, снаружи будто обернутый деревом породы биоллант — здесь все магическое оружие было из сплавов, а покрытие его биоллантом усиливало флаттерный эффект магии — и зашагал осторожнее. В принципе, таким и без каста можно смертельно приложить.

Вода хлюпала слишком громко, нервы — подорванные смертями и переносом — слегка пошаливали.

Первый ужаснокроль сидел в зарослях криптокорина и жрал то ли крысу, то ли бобра — понять на расстоянии было трудно. Видимо, инстинкт ему сказал что-то вроде: «эй, сейчас у тебя отберут ужин» и он, мгновенно подорвавшись, широким дуговым прыжком ринулся на меня.

Я встретил его «Разрядом Света», отчего кроль дернулся, перевернулся и неловко упал ушами вниз в траву. Полоска хп упала на четверть. Заклинание было первого уровня, Джерк сам дошел до восьмого и мне было интересно увидеть эффект его применения на мобе. Очень слабо, учитывая огромную разницу уровней, неплохой посох в руках и прибавленные характеристики. Но Джерк его и не затачивал кармой ни на скорость, ни на урон, а само заклинание было скорее «разогревающим дебаффом», дающим уязвимость к последующим маг-атакам и вводя жертву в состояние шока.

Затем я использовал «Разряд Тьмы» на уже вставшего соперника... ладно, назовем его жертвой эксперимента... вследствие чего, собравшийся громко заверещать, призывая сородичей, кроль поперхнулся, блеванул, прилег и тихонько умер.

«Скотина, — вознегодовал я, — мне что, отмывать твою заблеванную тушку?».

Магия — это хорошо, но ужин из нее не сварить. Я вытащил меч убитого товарища из инвентаря и оглушительно засвистел. На шум из нор с любопытством высунулись три ушастых головы. «То, что надо», — улыбнулся я и прогулочной походкой направился к своей дичи.

Открывая двери таверны «Улыбка Фортуны», я был морально готов к расспросам, игнорированию, визгам, безразличию — пришел живой и ладно, крикам «мочи зомби!», но жаркие объятия Каи стали сюрпризам. Таверна находилась рядом со зданием Гильдии Авантюристов, наши заседали там постоянно, обеспечивая доход и некоторую охрану посетителям. Муж Марты сам был авантюристом, пока не сгинул где-то в походе и всю оставшуюся любовь хозяйка перенесла на нас.

Таверна была полна суровых мужиков и симпатичных девушек с разнообразным набором колюще-режущих предметов. Юноша в претенциозном камзоле в центре зала, толкавший речь перед компанией наемников, осекся и с некоторым страхом взирал на меня.

Стояла мертвая тишина, прерываемая бессвязными всхлипами Каи.

— А я стрелу в ВарОрка под колено и назад бегом, а там тебя дубинкой — шарах! — Ивар кричит: «хила спасай!», а там с копьём урод Арканару в спину, а я... а ты... а мы... Лисодевочка плакала, хвостик уныло повис, словно снятый с флагштока флаг.

«Система кривенькая, но вдруг», — подумалось мне, — «создать группу!», — скомандовал про себя. Повторил в нескольких вариациях и ничего.

Я погладил роскошную огненную гриву лисодевочки одной рукой, скинул мешок с кролями на пол, выразительным взглядом показывая бледной Марте на содержимое, обнял Каю и зашептал её на ушко.

— Всё хорошо, сестренка, всё будет хорошо. Верь мне, я уже придумал план.

Она рыдала у меня на груди, но во мне только было глухое раздражение. Всегда нужно утешить человека, потерявшего близких, но я-то — черт возьми! — знал их исключительно по памяти покойного. Что я могу сейчас сделать?! Актер из меня плохой, оратор для этой аудитории неизвестный, а уж психолог-то вообще так себе.

Лепеча какую-то ободряющую чушь, я осторожно отцепил Каю и передал её подошедшей Марте.

Кинул золотой кругляш девушке за стойкой, взяв тёмную бутылку с неизвестным, но качественным судя по рисованной королевской семье, содержимым и толкнул речь.

— Мы авантюристы! Наша жизнь трудна и опасна. Полна лишений и боли. Она коротка, — если вы встретите седого авантюриста он либо лжец, либо Идомей Хромоногий. (Присутствующие робко улыбнулись, по легендам старец был основателем Гильдии Авантюристом, таинственно исчезнувшим в период расцвета мира) Мы умираем в болотах, пещерах, лесах и пустынях. На солнце, под звездами, на глади воды. Мы — те, кто защищает мир, последний оплот разумной жизни и по-другому никогда не сможем! За погибших товарищей, чистой им встречи с Создателями!

По легендам все умершие после смерти попадали к Создателям, а неполученная ими, во время жизни в мире, карма определяла быть ли встрече чистой: хлеб-соль и семьдесят две гурии — что-то в этом роде. Либо встреча будет тёмной: с Кожаным Властелином, орудиями

пытков и прочими атрибутами бдсм.

— Тебе бы отмыться, сынок, — шепнула подошедшая Марта, — весь в кровище словно упырь.

А я-то думал, что на меня так смотрят. Ну, извините, пять кролей без брызг крови на лице не бывает.

— Гномья водка за мой счет, — громко крикнул я в зал, — почтим товарищей!

— Купальня открыта, Марта? — торопливо спросил я, расстегивая маскировочную накидку.

— Да, но сначала может в номере вещи оставишь, ведь...

Не дослушав её, я выскользнул с чёрного входа, по пути расстегивая ремень, расшнуровывая кожаный жилет и сдирая рубаху. В купальне таинственно мерцала пара свечей, а хлопнув дверью я немедленно обнаружил там Каи Аисаки с красными глазами перед умывальником.

— Прости, — залилась она краской, — уже ухожу. «Хотя бы одетая, — подумал я, — врут всё, эти стереотипы из аниме».

Мне и до этого было её жаль, в группе она была самой младшенькой, боевой путь начала сравнительно недавно и тут же потеряла всех друзей. Не находила себе места весь день от горя и переживаний, винила себя в трусости, что кто-то из-за нее погиб, а тут еще её гоняют из угла в угол. И вообще — она моя боевая сестрёнка!

— Кая, дай мне личную клятву ученика, пожалуйста, — мягко попросил я.

— Что-о-о?! — немедленно возмутилась она, — да ты маг, а не разведчик и маг... «она хотела сказать посредственный, но вспомнила что в этой бойне я все же выжил, — подумал я» — маг в общем, — закончила надувшаяся Кая, — или ты нехорошее чего задумал, — сузила она свои прелестные янтарные глазки.

Вздыхнув, я открыл инвентарь и достал из него её лук, передавая Кае.

— Невозможно! — вскрикнула она, выпучив глаза на фиолетовую дыру, с появляющимся оружием, — инвентарь был только у Создателей.

Чтобы прекратить панику, я снял рубашку и, сверкая оголенным торсом, прошел к огромной бадье в углу зала.

— Нечестно, подло, отвратительно! — доносились сзади эмоциональные выкрики лисодевички. — Джерк Хилл, остановись и сейчас же расскажи, что всё это значит!

— Снимаю штаны, — устало предупредил я.

— Нееееет, — долетело сзади и хлопнула дверь.

«Тишинааааа», — я немедленно окунулся в бадью, омыл голову и распластался с края, словно этакая здоровенная медуза-цианея в заливе Монтеррей, свысока, глядящая на своих обычных товарок.

Какова главная задача попаданца? Люди хотят гаремов, силы, власти, далее по списку — не понимая, что всё скоротечно. Завел ты наложниц, наплодил бастардов, а в народной памяти после смерти остался «Мохнатоногим». Весело? Или «Зайцегубым». Соседнее королевство нагнуло, а прозвали «Импотентом».

Ну ок, ты бессмертный маг пол-страны поубивал, пол-страны запугал, ходишь такой довольный — а все тебя ненавидят. В глаза не смотрят, лежат в догэдзе, ползают там где-то, муравьи надоедливые, молят царя — помоги, бояре воруют! Каждое поколение — восстание, приближенных потихоньку режут. И ненавидят. Ты — им образование, они тебе студенческие бунты. Ты — им реформу церкви, они заговор с миной. Кого такое житие

развлекает — только маньяков. Или поклонников «Оверлорда». Вот уж там комплексы — так комплексы.

Нет, дорогие мои сограждане. Личные хотелки — не повод для попадания. Обездоленным, нищим, рабам, ремесленному и торговому сословию, военным и дворянам нужно одно — цивилизация! Комфорт, безопасность, достойная жизнь и пенсии, свобода и дешевизна передвижения, право защиты и представительства своих интересов — и только так! Вот главная задача попаданца!

Увлечшись, Бухалкин погрозил невидимым оппонентам указательным пальцем.

В эту же секунду дверь в купальню отворилась, в ней возникла Кая, с луком наизготовку, стрелка твердо целила Дмитрию в лоб, а напряженное лицо лисодевочки и нервно подергивающийся хвостик говорили, что это не шутка.

— Ой, — приглушенно воскликнула Кая, увидев грозящий ей палец.

— Вот так всегда, — грустно сказал Дмитрий, — ты несешь людям цивилизацию, а они приходят к тебе со стрелой.

— Ты пока кроме кроликов ничего не принес, — насупилась Кая. — кто ты такой и что сделал с Джерком!?

— Точно не монстр, ведь согласно бестиарию Создателей, разумных монстров не бывает, — ответил лже-Джерк. — Но, если я могучий и злой волшебник, вряд ли бы я занял место слабенького светлого мага. Есть люди поинтереснее: королевский наместник в Самуре, например. Но даже если так получилось: я могучий, злой волшебник, отмеченный Создателями.

Дмитрий открыл инвентарь и достал из нее посох Пилама, скастовав круговой щит Тьмы на помещении купальни. Щит Тьмы можно было кастовать как защитный, поднимающий сопротивление к магии и немного физзащиты, так и растягивая в круговой, превращая заклинание в маскировочное в сумерках или ночью.

— О-о-о, — смешно округлила губки Кая. Дмитрию вдруг сразу захотелось к ним припасть.

— Невероятно! Волшебный посох Пилама у тебя в руках! Даже Создатели не могли использовать несколько стихий! И такой быстрый каст! — возбужденно выкрикнула Кая

— Аха, — расслабленно сказал Дмитрий. Визуально-акустический щит скрывал происходящее, так что за шум можно было не беспокоиться.

Кая опустила лук. — Поклянись, что ты Джерк, — без угрозы, скорее просяще, выдохнула она.

— Клянусь, сестрѐнка, я — Джерк, очень-очень усталый Джерк, немного побитый, грязный, поумневший, с двумя Стихиями и решимостью изменить этот мир в лучшую сторону, — без промедления ответил я. — Ученическая клятва нужна, чтобы защитить в первую очередь тебя. С ней ты не сможешь сболтнуть лишнего, а попади ты в беду, по ней всегда можно будет тебя найти, сестрѐнка.

— По клятве, мастер может заставить ученицу всякому-разному, — сказала Кая, покраснев и потупив глазки.

— Всякому-разному злой, могучий волшебник может заставить и без клятвы, — сварливо отозвался я, — а добрый братик Джерк на такое не способен.

— Нет, — жалобно сказала Кая, — нет-нет-нет! И в доказательство своей решимости она даже топнула ножкой.

— Хорошо, — устало согласился я, — видимо, на этом наши пути расходятся, возьму

другую ученицу.

На этом добром слове я окунулся в бадью, мысленно кляня Каю за упрямство, а себя за неспособность быть жестоким. Дальше со мной будет тяжело: примерный план, который я выработал, обещал такой экшн, что не каждый, рядом со мной находящийся, выживет.

Вынырнув из бадьи я нос к носу столкнулся с Каей. Жестокий, холодный взгляд ее янтарных глаз пятидесятым калибром расстреливал меня в упор.

— Это кого это ты там в ученицы собрался брать? — низким, лающим голосом спросила она

Дмитрию стало страшно. Она же и уши прижала, настолько рассвирепела. А бежать некуда.

— Кая, — мягко попытался я объяснить, — мне не нужна никакая ученица. Но со мной будет опасно. Я должен помочь любому поверившему в меня. Сделать его сильнее. Защитить. Это всё, что я хочу.

Кая с минуту посверлила меня глазенками. Потом вздохнула.

— Не могу поверить, что я это делаю, — пожаловалась она куда в сторону. — Но на обращение сэнсэй даже не рассчитывай!

— Ты всегда будешь моей сестренкой, — елейно поклялся я.

— Водой и хлебом, первым днем мира и своим последним, солнцем и кровью, я, Каи Аисаки добровольно даю ученическую клятву Джерку Хиллу служить, защищать, не предавать и следовать по пути, указанному мастеру.

— Водой и хлебом, первым днем мира и своим последним, солнцем и кровью, я, Джерк Хилл подтверждаю ученическую клятву Каи Аисаки и клянусь, что проведу её по своему пути, не устрасаясь лишений.

— Да найдут Создатели с нашей помощью путь обратно, — хором закончили мы.

— Облобызни меня горный великан, — неподдельно изумилась Кая, — что это?

— Охренеть, — сказал в свою очередь Дмитрий, глядя на золотистую надпись в воздухе «Клятва подтверждена, дополнительные пятьдесят процентов от опыта и кармы учителя отныне, с каждого монстра, передаются ученице Кае Аисаки. С этого момента Кая Аисака в группе мастера Джерка Хилла.».

— Это, — внушительно произнес я, — твой путь к успеху! Что надо сказать, кохай?

— Что случилось на полянке? Как ты выжил? Чем тебя одарили Создатели? У нас теперь настоящая команда как у Создателей? — закидала его вопросами Кая, игнорируя коварный призыв от мастера.

«Не очень-то и хотелось», — подумалось мне, — «пусть азиаты такой вертикалью балуются, для меня главное, что могу определить, где находится моя ученица по метке на карте».

Аисаки без умолку забрасывала меня новыми вопросами, так что пришлось прибегнуть к запрещенному оружию.

— Я встаю, сестренка, подай мне полотенце.

Вжууух, шух и только удаляющийся крик: «Братик — извращеееееенец!»

Да я такой, но только волей пославших меня Сущностей. Был бы мир гражданской войны в США — стал бы генералом Грантом. Умным конечно, а не таким солдафоном как оригинал.

Я умял свой кусок кроля, поручкался-погрустил с пацанами в таверне, отбоярился от продолжения тризны и добрел до номера. Авантюристы небогаты, по крайней мере — начинающие. Номер типичный: с кроватью и ночным горшком под ней. Стоил копейки, вместо стекол — деревянные ставни. Проверил Каю по ученической метке — находилась через номер от меня.

«Надо купить дом в столице, — думалось в полудреме, — завести котика, собачку и гулять вечерами с Каей у фонтана Трех принцесс. Что может быть прекраснее такой дружбы. Котик будет мять меня лапками на ночь, собакен преданно облизывать носик, а лисичка хлестать утром хвостиком по щекам. Что?»

Я открыл глаза. В открытые ставни врывалось рассветное солнце, а в мою личную жизнь — Кая.

Раскрасневшись от бесплодных попыток меня разбудить, сидя на мне верхом, она продолжала нежно бить меня ладошками по щекам, приговаривая что-то вроде: «проснись тюлень, утро наступило». Янтарные глазки пылали, ротик гневно выговаривал, губки красиво изгибались, грудь колыхалась, волосы развевались: раз — и слева направо, два — справа налево. Моя голова моталась от этих ударов с согласной амплитудой, щеки уже горели. Утреннее шоу «Лисодевочка будит». Жаль, что не хвостиком, было бы приятнее. И зачем я только замок в двери запираю? От такой пройдохи-разведчицы не спрятаться.

— Да, — согласно закричал я под весом лисички, — утро нас тупило, смотрю ты по мне скучала?

Но издевательски поднятые брови не играли против уверенного третьего размерчика и искренности юности. Что вы можете сделать, когда вас будит красавица с ушками? Вариантов немного, а если убрать «накинуться и зацеловать до смерти» — вообще не остается.

— Я, человек свободный, — сказал хитро, — когда встал — тогда и утро.

С этими словами я сграбастал Каю в захват, придавил набок и продолжил делать вид, что сплю. Было подозрительно тихо. Из окна доносился бодрый гогот гусей, залихватые трели птиц, скрип телеги, корова довольно мычала под руками Марты — а рядом со мной

было тихо. И никакого трепыхания и писка от столь грубого домогательства до невинности лисодевы!

Не выдержав я перестал притворяться, раскрыв глаза.

Кая мирно дышала, расслабившись в моих объятиях. Лицо расслабившееся и спокойное, губки слегка приоткрылись. Её нежное дыхание щекотало носик, грудь обжигала сквозь ткань рубашки. Картина была настолько горячей и невинной, что гормоны сдетонировали словно гексоген.

— Нет, нет, нет, — забормотал я, используя лечение Света, — никакой крови из носа.

Но давление переместилось к центру тела и пришлось срочно покидать кровать, подсунув Кае вместо себя подушку.

Выдав на отжимании от пола тридцаточку, собравшись и помахав на прощание спящей Кае рукой, я спустился за завтраком в таверну. День предстоял быть нелегким: надо было вернуть жетоны убитых авантюристов в гильдию, сдать трофеи с поляны алхимику и навестить артефактора.

Джерк Хилл с соединенной силой Пилама Адэртада, стал магом выше прежнего: поскольку посмертная передача заклинаний, сил и навыков девятого уровня Пилама превратило формальный восьмой Джерка с нюансами, но уже в семнадцатый. С повыбитыми за шестьсот лет высокоуровневыми персонажами в мире повсеместно — это был запрос на элиту. В Шайне, с населением около двух миллионов разумных, что делало его довольно мощным государством, было около тысячи одаренных. Из них под триста магов, со средним уровнем около двенадцати-четырнадцати.

Двадцатого уровня из всех одаренных Шайна достигли только трое.

Принц Шайна Шилнагаил, дар — мечник, уже прозванный народом Молниеносным, придворный маг Турукан Смеющийся, дар — воздух, прозванный так за шрам (стрела орка сбоку прошила ему челюсть и разорвала губу) и Глава столичной гильдии Алхимиков Келард Троар — про него не было слухов, так, тихоня с пробиркой. Шилнагаила Молниеносного называли гением, в свои двадцать три он лично участвовал в зачистках монстров, по слухам был умен, вежлив и учтив, нравился народу, короче говоря, опасный тип.

При этом в королевской семье подрастал второй ребенок, четырнадцатилетняя Аиша, которая, как передавали шепотком, вполне составит конкуренцию принцу в части Дара. Обычно Дар спадает на ребёнка от нуля до восьми, событие радостно отмечаемое всеми — защитник растёт. Абсолютное большинство получает его в районе лет пяти, как и Пилам, например, и сам Джерк. А вот с рождения упавшее серебряное облачко Дара на младенца — феномен, встречаемый раз в сто лет.

Аиша была таким младенцем. Прозвище она еще не заслужила, девочка росла под строгим присмотром, охраной и наблюдением. Её специальность — водяная стихия. Крайне важная для Шайна: оставшись без добычи самоцветов и металлов, он выжил только благодаря своим урожаям пшеничных культур, в культивации которых большую роль играли маги Воды. Уровень принцессы был неизвестен, интересоваться таким было небезопасно.

Король Шайна — Шайред Четвертый правил последние пятнадцать лет: в войны не влезал, потихоньку опутывал кредитами близлежащие королевства, поднимал экономику, строил дороги — этаким средневековым аналогом Си Цзиньпиня. Про королеву Найзирию Джерк ничего не знал кроме: «бывшая принцесса Роштии, красивая тетка».

База знаний так себе, да и нужна просто для ориентира. Главное сейчас — выжить, усилиться, создать\взять под контроль что-то генерирующее доход.

С такими мыслями я подошел к Гильдии Авантюристов.

Самур, отстроенный на некотором расстоянии от прошлого, для полторы тысячи настоящего населения был великоват. Выразилось это в широких улицах и избыточных зданиях. Строили с претензиями, да вот с шахтой и населением не заладилось.

Ратуша, здания гильдий внушали своей монолитностью и малолюдностью в них находящихся. Обслуживание, хоть и не влетало в копеечку, со льготами на ремонтные артефакты, но напрягало прежде всего взносами самих членов гильдий.

Гильдия Авантюристов стояла на центральной площади, метров через триста, парадным входом к городской ратуше. Двухэтажное просторное здание с мезонином наверху, с косой крышей и шпилем. Парадный портик с красными ступенями выдавался вперед, сверху он продолжался аркадными арками с балконом и парой столиков. Всё это было как-то игриво, словно намек Создателей: не нужно быть таким серьезным, пусть даже в таком солидном месте. Стиль синдена с римской прямоотой форм.

Я взобрался по ступеням, раскрыл дверь и зашел внутрь. Ресепшн был слева от входа, за ним скучала Сура Чариара, двадцатилетняя брюнетка с подвешенным язычком, пронзительным взором и скверным характером. Ну, это я так думаю — сам Джерк от нее тащился и даже брал у нее тупые задания вроде истребления крыс на мельнице у юга за Самуром. Квест нубский, выхлопа ноль, а дочка мельника, которая подружка Суры довольна. Обе уплетают булочки с маком, а Джерк в крысином помете и соплях пускает на них слюни.

— Воу-воу, Сопляк в здании, — прокомментировала она мое появление, — как же ты выжил? Притворился кучкой никчемного мусора и тебя никто не заметил?

Наверно ей кто-то даже нравился из группы. Резкая реакция на чудом выжившего авантюриста.

Сидящие за столиками, среди них были вчерашние собутыльники, запереглядывались. Вот так формируется общественное мнение. Вчера — полугерой, сегодня — трус и отброс общества. А всего-то попался на глаза злой бабе.

— Рановато для образа бабки на скамейке, Сура, — не остался я в долгу, — или решила подсидеть «Треску» из лицедеев?

Треска была прозвищем главы Гильдии Лицедеев. Занималась гильдия песнями и плясками, театральными представлениями, но была знаменита прежде всего эскортными услугами. Глава была сухонькой старушкой, что вообще удивительно — пожилых людей встретить было не так часто, не доживали до такого возраста. Треска увлекалась омолаживающими процедурами из-за чего, в конце концов, кожа ее высохла, стянув череп обладательницы. На образ её жизни это не сказалось, но выглядела старушка своеобразно.

Сура вспыхнула, хотела было что-то сказать, но сдулась, когда я шмякнул перед ней жетонами авантюристов.

— Возвращаю, память сильнее смерти, — выдохнул я ритуальную фразу.

Бирки погибших авантюристов, вплавляли в железный столб, такой стоял в каждом отделении гильдии. Каждый мог убедиться: авантюристы платят жизнями, защищая народ. Новички перед Столбом Памяти давали торжественную клятву служить.

— Запрашиваю использования полигона, — добавил я, добывая её.

Приближения левела авантюристы чувствовали заранее. Игрок мог это увидеть на своей панели, знать и отслеживать свое количество опыта, а местные, лишённые системы могли только развить свою чуйку. Так что было в порядке вещей, кроме редких тренировок, — редких потому что ничего они не давали, кроме опыта слаживания новичков в группе, —

тестить свои скилы и урон перед, и после получения уровня. Что изменилось, как стакать урон, если повезет с выпавшим хорошим навыком и остальное.

В остальном полигон не то, чтобы пустовал: новички, желавшие обрести дар постоянно туда заходили как было время, но сколько таких новичков? Сейчас Гильдия потеряла четверых из двадцати пяти своих членов, а новичков на примете всего трое: Сура, которая уже лет десять занимается с мечами перед и после работы, и два щегла лет восьми-девяти, имена которых прошлый Джерк банально посчитал даже ненужным запоминать. Когда они заменят павших?

— Джерк, ты молодец, — раздалось тихо сзади, — готовишься к возвышению?

К нам неслышно подошел глава местной гильдии Килтил Роштийский. Рыцарь из свиты принцессы, ставшей женой Шайреда Четвертого, приехал в Шайн двадцать с небольшим лет назад, заскучал при дворе и выхлопотал назначенье поближе к боевым миссиям. Начинал заместителем, с пришедшим опытом стал главой. На задания ходил регулярно, беря с собой парней или девчонок из подающих надежды авантюристов.

— Надеюсь всё получится, — обтекаемо сказал я.

— Жаль парней, — вздохнул Килтил, — хорошие были бойцы.

— Тепло их душ согреет Создателей, — скорбно согласился я.

— Пойдем, пообщаемся за столиком, — предложил Килтил, а Суре, показывая недовольство, строго сказал, — Занимайся своей работой.

— Да, глава, — потупила она глаза.

Мы прошли на небольшую галерею второго этажа: обычно там заключались сделки или принимали важных гостей. На галерее на большом расстоянии друг друга были расставлены два столика с диванчиками, а с противоположной стороны был размещен тот балкон над парадным портиком. Вип-место для переговоров и просто кайфушных посиделок с друзьями.

Один столик был занят двумя монументальными фигурами, каждая в полном латном доспехе для пешего боя. «Черт, сколько пафоса, да они даже забрало не подняли», — подумал я. Третья фигура, совсем маленькая на их фоне, с черными волосами сидела в золоченой полумаске: ноги вместе, рука творчески крутит вилку перед тарелкой-кокиль с каким-то морским деликатесом.

— Это мои друзья, — уловил мой взгляд Килтил, — шан Дахам, шан Марди и его племянник. Собираются возвысить парня на импах у побережья.

Если на севере Самура было болотце, потом Заболотный лес, то к югу, через несколько километров возделываемых полей, находилась небольшая бухта. Далее на запад тянулась небольшая полоска земли — все остальное место занимал хребет, левая сторона буквы «V». Через километра два тропинка сменялась плато, из хребта выходили пещеры в которой жили, бесились и умирали импы. Не самый серьезный соперник, но их огненные стрелы могут задать жару. Во время Нашествия ту узкую полосу держать не стали и просто срыли тропу нафиг. К пещерам импов можно было пробраться по спускаемому канатному мосту, но кому эти монстрики нужны? Бывали наёмники, решившие возвыситься на них или сопровождающие важное лицо, но добыча с импов скорбная, личности они раздражающие: овчинка выделки не стоит.

Приставка же шан к имени означала титулованное дворянство. Так же как в Роштии — рош, в Эсвании — эс. То есть реально тут сидело или два барона, или графа, или герцога? Хотя в Шайне герцог был один.

Что-то неуловимо неправильное царапнуло мой взгляд. Мысль еще не оформилась, еще не успела занять свое место в голове, как её вышиб Килтил.

— Не станешь моим замом? — прямо спросил бывалый вояка, не став выдавать в качестве затравки прогнозы о погоде и видах на урожай. — Моего забирают в столицу.

Я поперхнулся принесенным работницей чаем и закашлял.

Эти рояли главному герою меня напрягают. Чем расплачиваться буду? Хотя, как бонус так себе: общение с наёмниками, подготовка новичков, может еще что-то накинут, но мне это нафига? Пять лет на должности, потом главой гильдии в тьмутаракань? С одной стороны — всякие секретки, связи. С другой стороны, неполученный опыт и лут. Тут выбор расти как управленцу или как силовику? Ответ очевиден: надо совмещать, но получится ли у меня?

— Ценю вашу искренность, шан Килтил, — попытался я сформулировать ответ, — но ведь есть люди опытнее меня. Как Ридлтрен из Хлазинга.

Ридлтрен «Кровавый» — был тот самый парень, в камзоле в таверне Марты. Лидер второй пати, что осекся в таверне при взгляде на мое окровавленное лицо. У него была проблема: не любил вида крови. Странная фобия для мечника, но не трусость. В мирной обстановке он просто бледнел и морщился, в боевой свирепел и ему заносило башню. Не самое приятное свойство для воина, но такое не выбирают. Кличку ему ехидно придумала Сура.

— Думаю Рилдтрена скоро и заберут в Хлазинг, — поделился своими соображениями Килтил. — Дакс Хлазинг не молодеет, а баронству нужен хозяин.

Я развел руками, показывая, что бессилен.

— Шан Килтил, может дадите хоть немного времени такое осмыслить? И потом с чего вам доверять мне, трусливо выжившему в бойне на искаженной поляне?

— Ты не обижайся на Суру, — проницательно ответил Килтил, — у нее там близкий друг погиб. А по поводу трусости: у тебя же хватило мужества собрать жетоны и оружие. Даже под остаточной аурой страха от Горного Палача. Признаться, я даже не ожидал, что он забредет так далеко от своего места обитания. Стоит ли нам начинать беспокоиться?

Горный Палач — существо с дикой ментальной способностью ауры страха. С телом красноватого цвета подобно крокодильему, заканчивающееся гибким хвостом. Четыре лапы твари похожи на жабы, с присосками, что позволяет ему ползать по скалам. Вдобавок — когти, жало на голове похожей на птичью. Выжить после встречи с ней невозможно. Аура пробивает любую артефактную ментальную защиту, жертва бежит, падает в расщелины, ломает кости, позволяя лакомится Палачу своим телом без малейшего отпора со своей стороны.

Ожидаемо, другого объяснения почему уже победившие дикари, Аисаки и даже ВарОрк — здоровенная, тупая и бесстрашная машина смерти, — так спешно покинули поле боя ни у кого, включая главу гильдии не нашлось.

— Я его не видел, — признался я, — кажется, он даже не на нас и охотился. Просто мимо проходил. Аисаки вам рассказала как всё вышло? Её вины там нет, первая группа залегла под маскировочным оберегом, очень неплохим, — «я продемонстрировал трофей с дикаря главе» — а вторая с ВарОрком была наготове. Фактически, мы попали между молотом и наковальней, при этом отступники потеряли десять своих.

Килтил, задумчиво покивал головой. Содержательная часть беседы на этом закончилась. Посидев и рассказав пару бородатых баек времен службы в Роштии он со мной распрощался. Я же направился в полигон на заднем дворе гильдии.

Полигон состоял из двух помещений: боевой арены и одиночного зала. Как реализована защита я не знал, да и не старался понять, но использовать там можно было любые заклинания, без опаски разрушить здание. Условности мира, защита Создателей — плевать. Там я собирался точить заклинания и примерно понять, чем обладаю.

От Пилама мне достались «Разряд Тьмы», «Щит Тьмы» и «Тёмная Погибель». Неплохой набор из дамажного дебафа, бафа или маскировки, потому что «Щит Тьмы» при растягивании на область применения становился «Куполом Тьмы» и массАоЕ. Хотя всего три заклинания за восемь левелов, маловато. Обычно бывает больше. Конечно, разряд уже устарел и в схватке не поможет против равного и выше оппонента, но это мы сейчас заточкой исправим.

Я протыкал разряд до десяти и от восьми тысяч кармы осталось семь тысяч шестьсот двадцать три. Рекурсия Фибоначчи, с третьего ряда. Грубо прикинул, что заточка на + 15 забирает больше четырех тысяч и это оправданно только для вероятного хорошего комбо и лечения. Хотя может я и так начну крушить мобов как Кобейн свои гитары на сцене?

На таблице отобразились приятные изменения в скорости каста, длительности и мощи.

Ок, примерно понятно. А что с опытом? За него ведь можно купить те заклинания, которые Пилам-Джерк не получили до своих восьмого-девятого уровня. Сейчас до девятого Джерку по шкале опыта осталось немного, а в шкале набранного опыта цифра чуть меньше

17 тысяч.

«Куплю «Ветер Тьмы», — решил я, — «селфбаф на перемещение и скорость каста».

Сказано — сделано. Первоначальное использование заклинания показало незначительное увеличение, но заточка на десять прибавила ощутимо к скорости творимой волшбы и перемещению. Грандиозное ощущение своего величия окутали меня. Перед глазами замелькали миражи величественных дворцов, университетов, заводов и театров. А зачем еще нужна сила если не сделать мир умнее, богаче, культурнее и жить в гедонистическом удовольствии?

— Отлично, — потер я лапки, — но дамажить то, чем будем, AoE ведь от гибели отложенное?

А дамажить больше было нечем. Не веря своим глазам я смотрел на «Шар Тьмы», «Пламя Тьмы», «Град темных стрел» и понимал — да, эффективно. Да больно, но они больше дебафы плюс урон по одиночной цели. Что толку, залить монстров «Тёмной Погибелью», снять почти всё хп, если любой из них, добежавший до меня, с удара сломает мне хребет. Формально Пилам с каста шестерых отступников убил — практически ему копые в груди провернуть еще успели. Мне такой кривой баланс не нужен.

Магия Света у Джерка состояла из пяти заклинаний: разряд, лечение, стрела, щит и лоза Света. Разряд дебаффал на светлую магию, стрела дамажила по одиночной цели, щит прибавлял к физзащите, лоза замедляла противника, лечение — понятно, что делало.

Как с этим жить и бороться за темно-светлое будущее — непонятно.

«Ну ладно, своего уровня монстры, они не такие страшные, — думал я, — но восьмого в округе то и нет. Они где-то в Роштии. Здесь первый, третий, двенадцатый и от двадцати плюс. Големы в заваленной шахте с двадцать пятого начинаются. Мне же нужна ультимативная магия для быстрого развития. Жить в Самуре и тянуть лямку зама гильдии пять лет я не собираюсь.

И так ломал голову и этак, но двенадцатый — это импы, начинать нужно с них. Жаль «Буря Света» будет еще не скоро. Мгновенное, хоть и несильное AoE, но заточенное и в сочетании с «Тёмное Погибелью» бить начнет — только трупы выноси.

Оставалось проверить еще одно: я забафался щитами, натянул старые ржавые перчатки: одной закрыл лицо, второй взял между большим и указательным пальцем пластину меди и дал самый слабый — на уровне частицы, импульс одновременно двух стихий, на указательный и большой палец.

Импульсом считается манипулирование частицей магии своей стихии, на уровне микровзаимодействия. Такой слабый сигнал не сотворит магию — а просто покажет возможность ей оперировать. Импульс ловят медитацией желающие стать «полудары», им тренируют контроль и концентрацию в своих занятиях маги, а также запускают работу настроенных на свой импульс артефактов. Ведь параметры импульса у каждого мага индивидуальны.

Долбануло так, что я отлетел ко входу, фиолетовый шар плазмы разбился о стенку напротив, за ним облако плазмы поменьше — зеленого цвета, перчатки слетели, а пальцы чуть не оторвало. Пластинка меди исчезла. Спешно применив лечение, я долго сидел у входа, размышляя о том, что надо было учить физику вместо всяких-разных гуманитарных наук.

Ну ладно, над рельсотронами я еще на ютубчике угорал, но это ведь не электромагнитное взаимодействие. Ученые на Земле из нее магию за двести лет не сделали.

Хотя... Любая продвинутая технология не отличима от магии — по словам сэра Кларка. Здесь значит, про гравитационное, электромагнитное, сильное и слабое взаимодействие никто не в курсе, а сразу используют пятое.

Магомагнитное например. Магнитный заряд в 67.5 раз сильнее электрического. Магнитный монополю в 4 700 раз сильнее ионизирует атомы окружающей среды. Вот эти монополю маг каким-то образом использует в качестве энергии, творя свои чертовы магические делишки.

Выйдя из полигона я чекнул карту. Аха, Кая уже проснулась и несется на всех парах к Гильдии. Время сюрпризов наступило!

Кая ворвалась в гильдию, словно лисичка в мышкину нору, с криком «Джееееееер, кха-кха»

Это я, стоявший наготове у двери ловко пропихнул ложечку мангового джелато в её открытый ротик. Глаза Аисаки гневно сузились, но в то же время нежный, сочный вкус мороженого достиг вкусовых рецепторов. «Мм-мм, — невнятно прочавкала она, — вкусно. Никогда такоо не ела»

Это да. Изысканное угощение для любимых дам, завтрак королевских особ и другая, приятная обывателю маркетинговая чушь, сопровождала продажи этого, конского по цене, деликатеса.

Кая облизнулась. Хвостик подлетел вверх. Я закаменел.

— Бросил меня, бессовестный, — сказала она, поглядывая на рожок мороженого в моих руках.

— Не бросил, а поспешил забронировать столик с угощением для лучшей в мире разведчицы, — парировал я, отмирая.

— Ладно, — тряхнула Кая головой, рассыпав огненную гриву по плечам, — прощаю. В честь чего такие вкусности, братик?

— В честь первого утра, проведенного вместе? — предложил я.

— Ты! — аж отпрыгнула от меня Аисаки, — ты воспользовался моей беспомощностью!

— А ты моей наивностью, — не остался я в долгу, — я-то думал, жилище неприкосновенно. Но может разлижем по мороженому и заключим мир?

— Два, — сказала Кая торопливо и убедительно выпятила вперед два аргумента.

— Всё, для моей сестрёнки! — с достоинством капитулировал я. Отдам ей своё, я не такой сладкоежка.

Разговор в дверях послужил триггером, к нам стали подходить другие авантюристы: здороваться и обсуждать последние новости. Пробравшись скоренько сквозь них, мы поспешили к столику.

Столик на балконе был уже сервирован, видимо, слухи о моем будущем заместительстве придали рвения обслуживающему персоналу. Рассказал Кае о предложении Килтила и был вознагражден огромными глазками.

— Это же здорово, — воскликнула она, — через пять лет — дворянство, льготы на обслуживание у ремесленников, проход в храмовые комплексы без очереди и бесплатное проживание в гильдии.

— А к старости можно скопить на домик в деревне, — поддержал я, — и сарай для рабынь.

Но мой модернистский юморок Аисаки не оценила.

— Каких-таких рабынь? — спросила она, опасно раздувая носик.

— Для сельхозработ и доению коровы, — удивился я, — для чего еще нужны рабыни?

— Приличные девушки такого не знают, — накуксилась Кая.

— Рабство, вообще плохо, — сказал я серьезно, — не стимулирует производительность, тормозит развитие технологий и социальных институтов, выступает против религии. Единственное, что рабство индуцирует — это хаос постоянных восстаний. Стану королем — отменю рабство.

— О-о-о, — ответил мне раскрытый ротик Каи.

Удивил — победил. Рабочая схема свидания с девушкой. Работает только в фэнтези, современные слишком циничны. Пока удостоверение короля не показал — не канает.

— Завтра иду возвышаться на импах, — раскрыл я современную диспозицию, — приглашаю с собой. Форма одежды вольная, боевой макияж приветствуется, приставания разрешаю.

— Вдвоем? — удивилась Аисаки, — они дистанционники и больно пуляются огнем. И взять с них нечего.

— Дистанционники, не отрицаю, — согласился я, — но я их замедлю. Насчет «взять нечего» будет опыт. Сейчас это важно.

— Как скажешь, братик, — промурлыкала Кая, — за эту мороженку я... — тут она осеклась и задумалась.

— Маскировочную накидку под местность замени, — сказал я, деликатно не замечая её задумчивости, — и стрел побольше подготовь.

— Ты ни капельки не Джерк, — вынесла приговор Кая, — слишком умный, слишком заботливый. Сильный, уверенный и слова непонятные говоришь. Но почему-то мне так даже больше нравится.

«Просто я видел много аниме по исеКАЯм, — хотел бы я пошутить, — но кто меня поймет в этом мире?»

— Мне интеллект повысили и мудрость, — раскрыл я свой секрет, — тут я и понял, хватит так жить. Это же болото — оглянись вокруг. Монстры, схватки, а потом тебе ногу откусят и сидишь на пеньке рыбу ловишь. Или как в Южной Каталлии в огороженном доме жить?

В Южной Каталлии был культ грубой силы. Инвалидов там держали в гетто, чтоб не смущали взор честных граждан. Руку отрубили? Сам виноват, раз такое допустил. И вообще — это тебя Создатели за грех наказали. Хотели очень мрачного средневековья? Просто добавьте немного нацизма.

— Везде так живут, — вздохнула Аисаки

— Да-да, — покивал я головой, — и все так говорят. Так что кое-что я уже изменил.

После посиделок с мороженкой мы разошлись. Кая ушла за накидкой и стрелами, а я отправился в Гильдию Алхимиков. Удачно скинул цветки, плоды с искаженной поляны, поболтал с бородатым алхимиком Ремом о том, как лучше убивать ВарОрка — слухи о стычке разошлись по всему Самуру.

Он склонялся к напичканной росталийским Телатиумом колбаске, которую следовало натереть чесноком, взгромоздиться на лошадь и искать ВарОрка. При встрече, следовало с размаха, смачно приложить колбаской по харе и дать в шпоры. ВарОрк, почуяв чеснок, не сможет устоять перед соблазном сожрать искомое, потому будет обречен.

— Во влажной среде Телатиум быстро разлагается, — добродушно гудел Рем, — мгновенно преодолевает гематоэнцефалический барьер и напрямую дает в мозг. Начинаются конвульсии, пациент сдирает с себя кожу и перестает интересоваться внешним миром.

Я вежливо выразил сомнения в наличии мозга у ВарОрка. Рем задумался.

Расстались мы все же на хорошей ноте. Я пообещал заходить еще, а алхимик придумать новые способы отравления.

К Гильдии Артефакторов я подходил с некоторым волнением. Второй день в новом мире, а уже сделал открытие на нобелевку. Что тут будет — держите меня, академики!

Здесь я заказал полигон у симпатичной девушки за административной стойкой, сходил к мастеру артефактов, заказав распил посоха Пилама на две равные части, покрытие из биолланта, пару артефактов и прикупив два разделителя магчастиц. Разделитель — простая игрушка, что делит твой магимпульс, одновременно, разгоняя получившиеся в несколько раз, полезный для контроля и тренировок. Для состоявшегося мага он по большей части — забава, они тренируются уже с заклинаниями, возвышают силу. Но правильные маги тренируют и тело, и пальцы. Хотя без подпорки в виде палочки или посоха заклинания на порядок теряют силу и скорость, но кастовать без них возможно. Поэтому правильные маги постоянно разрабатывают пальцы. Вроде того племянника шана Марди, оставившего во мне странное чувство.

Через полчаса скучания на диванчике с серебряной кружкой ароматного напитка из мёда и земляники, ко мне вышел подмастерье со свертком и с легким поклоном передал его мне. Уж не знаю, что думал мастер артефакторики, выполняя мой заказ, но вслух он мне ничего не сказал, хотя косился. Я тоже ничего не стал объяснять: сам не до конца понимаю, что в итоге выйдет.

Зайдя в комнату предоставленного полигона, я развернул сверток, взглядевшись в искомое. Передо мной было что-то вроде большой тридцатисантиметровой серебряно-скарлетитовой вилки с двумя наконечниками, которые обернули биоллантом. В начале этой поделки мастер установил два разделителя импульса, с заглушкой на три оборота. Снизу был прикреплен ремонтирующий артефакт и артефакт облегчения веса. Вот и весь рельсотрон. Тяжелый, сука, килограмм на пять, даже после облегчения веса!

— Должно сработать, все же разделенный импульс будет раза в два-три послабее, — сказал я сам себе, больше для успокоения.

Открыв заглушку в начале трубы, я поместил медную болванку между рельс. Поставил щиты, нацелил на каменный манекен в метрах пятнадцати от меня и подал импульс.

Грохотнуло уже негромко, отдача не сильно качнула, облако плазмы быстро исчезло, а от каменного манекена напротив остались ноги, оседавшее облако пыли и мелких осколков. Спohватившись, я дал импульс ремонтному артефакту, а потом открыл заглушку. Рельсы сверкали идеальной чистотой, никаких расплавленных частиц, борозд и других деформаций.

«Вы создали новое оружие Посох Черной Звезды!» — мелькнула перед глазами надпись.

— Да, — сказал я с глубоким чувством удовлетворения, — так и назову его — Посох Рианны.

Итак, у меня есть ультимативная пуха: медленно стреляющая, но очень мощная. На основе каких сил — непонятно, выполненная по принципу электромагнитного ускорителя, но работающая. Надо бы сказать: слава Амперу или Тесле, а может Максвеллу с Фарадеем.

— В науке нет места для догм! — вслух произнес я. Было бы странно переносить физические законы бывшего мира на фэнтезийный. На раскрытие его секретов уйдет не одна человеческая жизнь. Такой роскоши у меня нет. Буду причинять добро тем инструментом что под рукой, а овладев ресурсами, начну раскрывать секреты.

Подождав пока манекен восстановится, — зачем давать повод для слухов о чудной силе или предмете, — я засунул вундервафлю в инвентарь, вышел, вежливо распрощался с администратором и направился к кузнецу. У него я ненадолго задержался, придирчиво оформил свои пожелания по размерам снарядов к рельсотрону, постоял вместе, наблюдая как он режет заготовки на двадцать брусков, примерил чуть отойдя в сторону, чтобы никто не видел инвентарь. Пару он подточил на месте, подгоняя под нужный мне размер, затем направился в родную таверну.

Пора подбить бабки: осталось три золотых Шайна, с десятков серебряных и куча медных, что я даже не считал. Инвентарь отображал — 3,12 золота, для степени понятия много это или мало можно прикинуть расходы — доходы. Тризна в таверне по товарищам — золотой. Два манговых джелато обошлись в золотой. Такую же сумму я оставил в Гильдии Артефакторов. Распродался я на четыре с половиной золотых, все же ресурсы с искаженных полян очень дорогие. «И оплачены кровью», — добавил бы я. На эти три золотых было реально прожить полгода не шикая, но и не бедствуя. А вот строить государство или там для начала торговую империю было рановато.

Монеты погибших товарищей я передал в конце разговора Килтилу. Гильдия присовокупит к ним взносы желающих и отошлет получившуюся сумму родным. Сам Джерк за несколько лет работы авантюристом скопил почти два золотых. Продукты были недороги, а вот одежда уже снимала прилично. Комната у Марты стоила дешево, все развлечения — бродячий цирк, приехавший в летние сезоны, за посмотреть — брали медяками. Качественное спиртное было дорого, но Джерк им и не интересовался. Букет цветов девушке можно было нарвать за околицей деревни. Посещение в бордель выливалось в серебряный, но тут зависело от фантазии клиента. Небольшой и приличный домик можно было урвать золотых за сорок. И хотя с монстров местным не падали монеты, но какие-то ресурсы с них дропались. И даже очень редко — раз в год-два, но какое-то оружие.

Так Джерк и скопил пару золотых, а потом умер на искаженной поляне.

Я зашел в «Улыбку Фортуны» и с наслаждением присел за столик. Надо что-то менять уже в этой жизни: что за дурацкие сапоги — эй, Создатели?! Хочу кроссовки и модное худи с капюшончиком вместо дурацкой рубахи со шнуровкой.

Дочка Марты — Грета, веселая пышная девица в веснушках, по прозвищу «Булочка» подошла и мило поинтересовалась моим заказом.

— Ласари вернулся с обхода пшеничных полей, принес пару травяных панд. — проинформировала она меня. — В мятном базилике будет особенно вкусно.

Вот за это я люблю Марту. Выбор блюд вроде небогатый, но каждый день она пытается удивить клиентов новеньким.

— Или хочешь ужаснокролика повторить, — истолковала по-своему мою заминку Грета, — будет бесплатно. Мама сказала еще три порции твои.

— Спасибо, Грета, попробую панду в базилике, — выбрал я, — надеюсь она не мучилась.

— Это же Ласари, — улыбнулась Грета, — попал в глаз первым выстрелом. Квас или морс к блюду?

— Пожалуй кваса, — решил я, — еще не могла бы ты найти большой зонтик, горшок для маринада, пару кило свинины и немного специй? Завтра в поход, нужно подготовиться. И да, — Кае ни слова!

Так я провел ближайший час: покомандовал Гретой, отдохнул, насытился, а потом за мной пришли бандиты.

Вернее, бандит был один, группой бы их в таверну Марту не пустили. Группа — это безобразие, попытка давления — такого ни Марта, ни авантюристы бы не потерпели. А так, в соло ты свободный человек, хотя и под подозрением: на тебя косятся, пива не предлагают, разговоры не разговаривают.

Но Гудишу «Придурку» было плевать. Огромный, с несуразно маленькой головой, бычочеловек присел за мой столик и нагло отхлебнул кваса из моего кубка. Впрочем, моментально скривившись, он выплюнул его на стол.

— Что за кислятину пьет молодой победитель ВарОрка, — заржал он, серьга в ухе согласно затряслась — надеюсь еда у тебя получше пошла. С этими словами Придурок залез в мою тарелку рукой, доставая последний кусок мяса, что я не доел из-за чувства всемерной сытости, окутавший мой желудок.

Но сытость — сытостью, а наглость — наглостью. Не знаю чего он ждал: жалоб, гнева, торга или моей депрессии, но я просто спросил.

— Скажи мне Гудиш, а если бы у тебя была нормальная работа, достойная оплата — ты бы себя так по-хамски не вел бы?

— Работа для рабов, — сказал он, отрывая мне в лицо, — ты чё мне тут гусей гонишь!

Я человек толерантный: ест человек руками, может у него традиции такие. Но не в моей тарелке. А если не хочешь создавать продукт в моем, потенциально будущем, королевстве, но хочешь отнимать его у других сословий — я могу и в Родриго Дутерте превратиться ненадолго.

Я покрутил большими пальцами переплетенных рук.

— Ну, пошли, Гудиш, — сказал я вставая, — чего тут канитель разводить. Пообщаемся с Миресом.

— Давно бы так, Сопляк, — хлопнул он меня по плечу, отчего я снова присел, — там или договоришься, или, — он подмигнул. — Сам знаешь, ужаснокролики могут и лицо отгрызть.

Намекал он на одну тёмную историю с молодым авантюристом Ралехом. Якшался тот с этой бандой: ходил с ними на вечерние посиделки, на монстриков заглядывал иногда — всё из-за Нилаи, знакомой их главаря Миреса. Стал выпивать и хвастаться, что скоро заживет на широкую ногу. Закончилось тем, что обглоданные остатки Ралеха нашли в болоте. Вот что

глупая любовь не к тем девушкам, плохие знакомства и экология делают.

Шайка Миреса, гордо именуемая Ночной Гильдией, на самом деле официальной структурой не являлась. В Шайне, да и во всех нормальных странах Ночные Гильдии были запрещены. Просто потому, что грабить подданных может только король. Если издержки возрастают, подданные отдают мзду «ночным», меньше остается короне. Какой король такое потерпит?

Не-не-не, финансовые потоки должны быть консолидированы.

Это не мешало собираться разным шайкам по городам и селам, просто гоняли их по взрослому. То есть, железом и магией. Но иногда, умные главари уходили под крышу к вполне себе официальным лицам. Те их прикрывали в обмен на услуги, охрану и разные темные делишки. Вот лично мне кажется, раз за банду серьезно не взялись, королевский наместник что-то такое придумал.

Мирес уже обложил налогом крестьян, крышевал попрошаек, пару раз грабил паломников за городом, судя по слухам. Подбирался к другим гильдиям, завел себе осведомителей. Активно влезал в деловую жизнь Самура. Правда, что там от активной жизни — крохи, но нарыв рос.

Придется его вскрывать, меня они в покое не оставят. До гибели команды Мирес пару раз подкатывал с мутными предложениями, но был отшит. Теперь, после гибели команды, Джерка считают легкой добычей, а осечку Мирес не позволит — ударит по нарождающемуся авторитету. Заартачусь, прирежут в уголке по-тихому. И если собой еще можно рискнуть, то Каей рисковать я точно не стану.

У местного гетто, — места проживания банды на окраине Самура, между южным выходом и западным (для паломников к горе Влюбленных) было шумно. Три дома были samozaxвачены бандитами, домовладельца по-тихому свели в могилу, любил он выпивать и однажды, напитком поперхнулся. Рядом тянулась улочка, выходящая к низенькому, полуразобранному валу из камней и с оградой из бревен, вертикально вставленных в землю. Самур был по периметру обнесен таким валом, кое-где уже разрушенным. Служило это больше психологической защитой и как помеха для передвижения крупного транспорта вроде телеги.

Ведь средневековье — это учет и воровство. Или контроль и воровство.

Играла гармонь, гнулись пальцы: банда сидела у среднего дома, попивая винцо и комментируя пляски двух девиц с низкой социальной ответственностью. Мирес, углядев меня за Гудишем, гадко заухмылялся и салютанул своим пойлом. Он сразу понял, что я пришел с миром. Магпалочку все маги этого мира держали, как меч, у бедра в специальных ножнах, кто-то извращался для ножен у подмышек — при короткой палочке, но полностью зачехленной волшебную палочку держали только в особенном случае. Показывая, что намерения абсолютно мирные.

— Пришел вступить в нашу банду, — издевательски спросил он, — знаешь какой будет взнос?

— Друзья, — восторженно сказал я, демонстрируя энтузиазм, — коллеги и просто собутыльники! Сегодня счастливый день воссоединения нашей команды. Нас ждут великие дела, но прошу вас держать в секрете то, что я вам поведаю.

На меня непонимающе посмотрели все.

— Есть сведенья о богатом купце, — тихонько шепнул я Миресу, — но не при этих же. Я глазами показал на девиц.

— Так, вы обе, — скомандовал Мирес, — бегом в дом, готовьте жрать. Отойдем за стену, — сказал он уже всем нам.

Мы перелезли ограду, его шестерки отодвинули подпиленное бревно и вся банда вышла за Самур.

«Одиннадцать будущих трупов», — отстраненно подумал я. Не было особенных чувств: ни в жар, ни в холод не кидало, но маску своего парня следовало держать дальше.

— Ну, выкладывай уже, Сопляк, — нетерпеливо приказал Мирес, отойдя метров на сорок от стены.

— Хочу вступить в вашу команду, — восторженно затараторил я, — вот мой взнос Мирес, держи золотой! Ты отличный лидер!

Мирес недоуменно посмотрел на золотой кругляш в своей руке под завистливыми взглядами.

— Еще я проставлюсь каждому по серебряному, парни, только встаньте в ряд, чтобы не толпиться!

Я принялся обходить получившуюся шеренгу, раздавая серебряные бандитам, отчего их хмурые, пропитые лица засветились жадностью и вожделием.

— Два, — каркнул Гудиш, — гони нам по два серебряных!

Шеренга согласно загудела.

Я подошел к последнему, пареньку из деревни под Самуром, недавно прибившемуся к банде. Перкли с погремухой «Скрип». Кличку он уже успел получить за старые сапоги, издававшие ужасный скрип, а статус нет. Совсем молоденький пацан, которого мне стало жаль.

— А ты еще не в банде, Скрип, — ласково сказал я, — придется тебе подождать награды.

— Ну как же, — чуть не плакал парень, — я уже и на дело ходил, скажи атаман.

Ничего не слушая я приобнял его рукой за плечо, выталкивая из строя и обернулся к бандитам.

— Друзья, — добавил я озабоченность в голос, — я только что вспомнил, я не могу вступить к вам банду!

«Ты гонишь, берега попутал», — началось раздаваться от бандитов, на что я сокрушенно покачал головой.

— Ведь вы все трупы, — укоризненно объяснил я им.

Рельсотрон я сразу после создания выставил на панель быстрого доступа, материализовался он мгновенно, концами рельс глядя в живот ближайшего бандита, мысленная команда импульса и только «вжух», «шмяк», облако быстро погасшей плазмы, пятно взрыва в горе и отдаленный звук, спустя несколько секунд.

Хотя хлопок и был, не сказать, что сильный. «Шмяк», унесенных ударной волной метров на десять, бандитов об землю был звучнее. Передние, стоявшие ближе ко мне, немного «загорели» в результате потока плазмы. У Скрипуна отказали ноги, и он мешковато свалился на задницу, с дрожащими губами, не в силах издать и звука.

Я поднял руку.

— Кая, помоги, пожалуйста, собрать с неудачников трофеи.

Не то, чтобы я знал — она меня не бросит. Это само собой. Просто метку на карте засек и был в курсе, что она затаилась за камнями.

— Наверно, надо что-то сказать, — вышедшая Аисаки была несколько бледновата, но держалась как будто так и было задумано, — эпитафию прочитать что ли над их телами.

— Не подумал, ты молодец, — уважительно признал я.

— Эм, — откашлялся я, встав над Миресом, который удивленными глазами глазел в небо с огромной пробоиной в груди, — весь мир был твоей устрицей, но ты взял не ту вилку.

— А этот ничего не расскажет? — кивнула Кая на Скрипа, который в шоковом состоянии смотрел на нас.

— Он добрый парень, что вступил не на ту тропинку, — уверил я её, — антероградная амнезия, плохое питание и подростковые травмы вызывают нас проявить милосердие.

В глазах Скрипа появилось некое понимание.

— Ми-ми-милосердия, — забормотал он, глядя на нас дикими глазами.

Я вздел руку.

— Ни слова больше! Тяжелый крестьянский труд ждет тебя отрок, ведь труд лечит, а лиходейство — калечит. — объяснил я современную теорию феодализма, но поглядев на несчастного, сменил тон.

— Все хорошо, Скрип, никто тебя не тронет, вот твоя серебряная монетка и обшарь уже своих бывших друганов, что хотели тебя подставить на следующем деле.

За пять минут я вернул себе все деньги, подобрал два антимагических амулета, еще один на физический урон, что нисколько не помог от кинетического удара болванкой на скорости несколько километров в секунду. Оружие вроде кастетов, плохоньких палиц просто не стал брать. Пару кинжалов были неплохи. С трупа Миреса я подобрал письмо, прочту позже. У него же нашлись с собой пять золотых — свой домик становится ближе.

Конечно, у главара спрятан «общак» где-то в доме, но навряд ли он большой. Добычу реализовывали люди, что стояли за Миресом, а не он. Процент ему капал, деньги с разбоя тоже были его, но тут дело такое — в средневековье кредитных билетов нет, а таскать с собой монеты быстро задолбаешься. Грабить ковры, куриц, сапоги или другие товары у купцов, ремесленников, крестьян — может и прибыльно, но основную прибыль имел скупщик краденого, а не бандит.

Разоблачения я не особо боялся, наступившие сумерки скрывали мое лицо, девицы видели меня больше сзади. Да и чего такого: авантюрист убил бандитов — эка невидаль. Тут бы еще доказать что бандитов, но каждый из них к чему-то да привлекался. Каждый уже был поперек шеи местным жителям. Да мне только спасибо скажут. Но это не точно.

— Позволь дать мне тебе один совет, Скрип, — обратился я к парню, когда тот быстро обшарил недавних собутыльников, — не отсвечивай пару недель в Самуре.

Тот послушно мелко закивал, трясая головой, неверяще стиснув зубы.

— Уходим, Кая, — сказал я Аисаки и на том наше приключение закончилось. Ну я так думал.

В таверне мой столик уже заняли, но мы подсели за столик к Ридлтрену «Кровавому» и поболтали о жизни. Неплохой парниша, честен и открыт, как на него жизнь феодального барона повлияет?

Затем мы пересели на освободившийся, и Кая на меня надела: вот расскажи ей то, расскажи ей это, выдай планы на завтра, на год и оставшийся век. Как она держалась то время, пока мы добирались до таверны? Не узнаю лисодевочку, взрослеет, видимо.

— Кая, у таверны есть уши, — порицающе высказался я, в ответ на её напор.

— Прошепчи в моё ушко, — Аисаки и не думала останавливаться, придвинувшись ко мне через столик и выставив большое рыженькое ушко, покрытое мягким белым пушочком внутри.

— Кая, — начал я тягуче шептать красавице, — Кая, я твой отец.

Аисаки резко отпрянула, с негодованием и ужасом воззрилась на меня.

— Извини, не смог удержаться, — покаялся я, — у Создателей есть интересная история, где главный герой сражается с протагонистом, а в конце тот говорит ему эту фразу. Давай я отвечу на один твой вопрос здесь, а остальное уж, извини, когда буду полностью уверен, что никто не подслушает.

— Кто ты такой сейчас Джерк Хилл? — прошептала Кая, перегнувшись повторно через столик.

«В глаза. Смотрю в глаза, не опускаю взгляд ниже» — повторял я про себя как мантру.

— Я сильный маг с интеллектом в 20 и мудростью 25, с ультимативным, хотя долгим по откату оружием, созданным на основе технологии Создателей, но не магическим. Это оружие прибьет любого монстра или босса с рейтом до ста включительно. Еще мне нравится вот так томно дышать в твоё ушко, твои глазки с такими странными огоньками, что притягивают меня... — тут я понес какую-то дичь, не вполне себя контролируя.

Кая отодвинулась и чихнула.

— А после ста? — спросила она, внимательно глядя на меня

— Не уверен, что убью с одного каста, — пожал я плечами, — надо пробовать, я ничего о таких боссах не знаю, как и остальные. При этом мое оружие специально ослаблено: материалы не самые дорогие, потенциал к усилению есть.

— То есть, — резюмировала Аисаки, — я сижу сейчас с человеком, который сильнее всех авантюристов, знати, магов, армии королевства Шайна и еще пары королевств вместе взятых?

— Выходит так, — повинулся я.

Аисаки отвернулась в сторону и пробурчала что-то вроде: «братик такой сильный и глупенький, мой долг защитить его от всех опасностей на пути».

Я и не спорю: ум хорошо, а ушки в придачу — лучше.

— С чего ты взял, что Мирес хотел подставить Скрипа на следующем деле? — вдруг поменяла тему Кая.

— В банду не взяли, — объяснил я, — хотя после дела должны были. Значит, пацана думали слить страже. Там бы на него еще что повесили. Выходит и стража работает, и бандюганы на свободе.

Наступивший вечер расцветал шумом мужских голосов, девичьим смехом, игрой на лютне и гитаре приглашенных музыкантов. Кая будто расцвела, стреляя глазками и заразительно смеясь над моими потешными историями первых Создателей.

«— Как-то проезжал Одиссей через Самур, зашел в «Голову ВарОрка» (пафосная таверна Самура в центре, с непонятным черепом над барной стойкой, нынешний хозяин клянется, что это голова убитого ВарОрка, которого в честной схватке победил его дальний пра-прадед) им управлял тогда Кавас «Многорукый». Заказал он себе в таверне обед, с

удовольствием съел его и на учтивый вопрос хозяина, понравился ли ему обед, Одиссей, находясь в отличном расположении духа, ответил:

— Сегодня я пообедал лучше всех в Шайне

— За исключением нашего наместника, — вежливо подсказал ему Кавас.

— Хрень какая-то! Я точно отобедал лучше всех!

— Кроме наместника, — вновь произнес хозяин таверны.

Спорили они, спорили, а потом Кавас потащил Одиссея к тому самому наместнику. Наместник, выслушав хозяина таверны, сообщил Одиссею, что в их городе всем предписано выражать всяческое уважение к королевскому наместнику и упоминать его при каждом удобном случае. На нарушителя этого распоряжения будет наложен штраф, либо арест на сутки. Одиссей тут же заплатил штраф и, возмущенный нелепой историей, в сердцах сказал:

— В жизни не видел такого глупца, как этот хозяин таверны!

И, повернувшись к королевскому наместнику, добавил:

— За исключением наместника этого города, конечно.»

Тут подошла Грета с кувшином «Святой Маргариты из Гриччио». Пришлось рассказывать и ей. Потом история пошла гулять по таверне и люди неизбалованные свежим юморком от души поржали.

Отсмеявшись, и глотнув освежающего вина со вкусом сливочного йогурта и нотками карамели, Кая неожиданно попросила — «А расскажи что-нибудь такое» и стрельнула глазками, — «про отношения у Создателей».

— Хех, — развел я руками, — жизнь Создателей очень разная, в целом, по странам. У них нет многоженства, большая их часть бедна, но меньшая фантастически богата — богаче королей. Они более умны и эгоистичны, завистливы, но несчастливы так же. Отношения не длятся долго: они капризны и избалованы от мужчин до женщин, экономически более независимы и институт брака угасает. Ценят комфорт и развлечения, любят вкусную еду и театральные представления (я просто не смог сформулировать концепцию кино для Каи). Войны редки, но более разрушительны. Думаю, ими манипулируют более успешно, чем нами и в этом смысле они даже более несвободны чем мы.

— Это очень странно, — удивилась Кая, — казалось, Создатели — это боги, но над ними оказывается есть свои боги. Нескончаемая иерархия.

— Причем этих богов, — усмехнулся я, — они часто выбирают сами. Некоторым так кажется. А некоторым богам даже кажется, что их любят.

Эта концепция у Аисаки не уложилась и пришлось её тормозить, чтобы вывести из задумчивости.

Тут я кинул взгляд на небольшую сцену с музыкантами и решил попробовать немного музыки: чего только не сделаешь, чтоб лисодевочка не грузилась.

— Не позволишь попробовать? — спросил я подойдя к сцене у Фирэлатра, барда с эльфийским корнями.

Странствующий музыкант бродил в поисках музы и приключений по всему Шайну, но на зимний сезон оставался в Самуре. Злые языки намекали на причину в виде Греты, но лично мне было все равно. Играл он неплохо, но вы же понимаете — средневековые заунывные баллады, немного не то для попаданца. Современная культура всегда ответ на современные технологии и быт, интересно если впрыснуть её до начала изменений — что будет?

Гитара из огненного клёна, гриф из черного дерева, струны с серебряным покрытием,

ремонтный артефакт: полуэльф если и влюблен, то в свой инструмент.

— Попробуй Джерк, — скрыл улыбку Фирэлатр.

Звучание было чистым, я подтянул немного Е и А, попробовал бой «ми-ми-нор, соль-мажор, ре-мажор и ля-мажор», взял в качестве медиатора монетку и повернулся ко второму музыканту с флейтой.

— Кэр, дружище, я отыграю два такта как вступление, потом поддержи меня «re-re-mi-fa-do-la», — я тихонько напел ему.

Лохматый, похожий на медвежонка, Кэр, местный трубач взвода королевской стражи, серьезно кивнул в ответ.

Таверна, пятном человеческих и других разумных тел слилась в одно целое, среди которых было важно только одно лицо, с копной рыжей гривы и таких милых глаз. Я ударил по струнам.

— Я вдоль пустых дорог, иду как одинокий пилигрим\ Путь меня ведет, здесь мой дом, и я иду один\ Вдоль пустых аллей, по бульвару сломанных надежд\ Пока мир во сне, я смогу пройти этот рубеж.

«Boulevard Of Broken Dreams» из далеких нулевых всегда бьет наотмашь, словно реквием по мечте. Путь авантюриста — сплошные потери. Но иногда на этом пути встречаются друзья.

Когда я закончил в зале было тихо. Одинокая муха, недоуменно жужжа пролетела целой и невредимой к выходу. Лица наемников и авантюристов, решительные и суровые, мужские и женские были задумчивы. Ну, кроме Сильвии и Ксироса. Эти вовсю тискались в тёмном углу. Не то, чтобы песня их не задела, думаю дело было просто в том, что оба были в возрасте и глуховаты.

Меня постучали по плечу, обернувшись я увидел фанатично горящие глаза Фирэлатра.

— Продиктуй слова, Джерк, — умолял он, вооружившись зачарованным стилосом и свитком.

Разделавшись с ним, я вернулся за столик к Аисаке и был атакован женской половиной таверны, вплоть до Греты. Все прям воспылали скорректировать мою версию «разбитых мечт», предлагая дружить семьями, совместные походы на монстриков и подобную чушь.

Кая долго терпела, а потом вдруг одним хищным движением перетянулась через столик и впилась мне в губы неумелым, но яростным поцелуем. Отчего зафыркавшие девицы, с завистливыми глазами покинули пределы нашего столика.

— Должен будешь, — жестко сказала Кая после поцелуя.

Я немного не понял в какой валюте и кому, но на всякий случай немедленно закивал. Слова как-то кончились: вкус её губ жег память и щекотал воображение.

Аисаки немного успокоилась, мы еще с часок поболтали, потом засобирались в номера. Все же нас ждал ранний подъем и тяжелый день. Немного расслабились, хорошо отдохнули. Завтра покажет чего мы стоим.

Подходя к своему номеру Кая пропела: «пульс мой ощутим, значит я могу еще идти», резко повернулась и безбашенно предложила:

— Как насчет совместной медитации перед битвой?

— Согласен, — ответил я, — но, предупреждаю сразу, с такой техникой незнаком.

— Аха, — как-то странно ответила она, — даже не знаю достоинство это или отклонение. Заходи.

Я просочился вслед за ней в комнату. В отличие от моего аскетичного номера у Аисаки

был шкафчик, — вместо моего одиозного гвоздика в стенке, на который я вешал накидку и другие вещи, — тумбочка, занавеска и ковер.

— Я сейчас, — бодро кинула Аисаки, схватила корзинку с чем-то и свалила.

Оставшись один, я недолго думая упал на кроватку, отчего-то более мягкую чем моя, сладко пахнущую яблоками и расслабился, провалившись в тягучую полудрему, а затем крепкий сон. Меня не разбудили ни возня вокруг меня, ни горячие приятные касания чего-то влажного, ни воркующий голосок Каи, наполненный странными обертонами.

Извини, Аисаки, день был непрост: продвинулся по карьерной лестнице, изобрел ультимейт-пуху, набегался по самое не балуй, убил десять бандюков. Сделанное явно выходило за рамки обычного даже с попаданческой точки зрения. И это я еще не знал, что ждет меня завтра.

Телу было тепло, щекотно, уютно и приятно. По ногам пробежали волны истомы, а шею обдувал влажный ветерок.

Еще не до конца проснувшись, я раскрыл глаза и упал в солнечные омуты.

Диспозиция была следующей: я лежал на спине, на меня закинула ногу Кая, сама она, лежала головой на моем плече, правой рукой задумчиво выводя какие-то узоры на моей груди. Хвостик ее тихонько елозил по моим ногам, создавая странное, приятное чувство.

«Хорошо, что Джерк еще молод и не надо заботиться об эпиляции», — подумалось мне.

— Привет, что на завтрак? — спросил я как ни в чем не бывало.

— А тебе не пофиг? — подняла бровь Кая. — или это способ избежать неприятного разговора?

— Почему вслед за приятностями идут неприятные разговоры? — пожаловался я, — нормально ведь вроде общались.

— Ты меня напоил, — сделала страшные глаза Аисаки, — и соблазнил, — уже не так уверенно закончила она.

— А, это норм, — сказал я, — всегда так делаю после сольных выступлений.

— Тогда надо повторить, — поймала меня в ловушку Кая, — что-то вчера все так быстро закончилось.

— Ну, Каечка, — забормотал я, — у нас нет времени, нам еще совместную медитацию надо пройти.

— А это вот она и есть, — поставила меня перед фактом она.

— Да тебе же только пятнадцать! — слегка истеричненько возразил я.

Её непонимающие глаза были мне ответом. Тут, когда девушку замуж выдали, тогда и время. Или когда первая кровь пошла. Или когда сама захотела. Здесь чуваки в брониках за озабоченными чуваками не приезжают. Родственнички убьют, или поженят срочно. В деревнях нравы патриархальны, в городе чуть посвободнее, но если девчуля — авантюрист, она уже убивала, пусть и монстров, за себя отвечает и сексуальное согласие в силах дать. Или не дать и чего под корень откочерыжить. Дело-то нехитрое в умелых руках. Никто особо не осудит, если дворян не резать.

Да, приходилось идти к страже и докладывать: так и так, порубила сластолюбца, обесчестить хотел, скотина драная. Свидетелей вызвали, предварительное дознание проводили и решали: самооборона или убийство. Если последнее, или стража не может разобраться (что бывало крайне редко, лучше для стражи было признать самообороной) передавали дело в суд, судьей был королевский наместник. Там решали волей короля: врет и в рудники, или все ок, заплати пару серебряных судебных издержек и восславь короля.

С домогательством знатных особ было сложнее, но на поединок чести вызвать можно было. Дворяне таких сластолюбцев сами не жаловали. Чего героического в наклонение, да даже крестьянки? Фу таким быть — заведи себе рабынь и не порти генофонд Шайна. Или заплати жертве. Королевский суд, конечно, был пристрастен. Конечно, брали взятки. Но одно дело — экономические тяжбы, другое — преступление против чести и жизни. Репутация — дело серьезное: отморозков не жаловали. Это прощай серьезные походы на монстров в нормальных командах, к условной партии во дворе его величества уже не примкнешь, дел с тобой иметь не будут, замуж хорошую дочку нормальный феодал не

отдаст. Да и сам Шайред Четвертый регулярно королевский суд в Шайне и других городах посещал, бесправно судить при нем остерегались. Да, отморозки были, но их старались сплавить на границу, в поход — куда-либо подальше от нормальных людей.

— Кая, — как мог убедительнее, спросил я, — ты точно этого хочешь? Или придумала чего, или подруженции подсказали, или повзрослеть за счет этого решила?

Её глазки слегка вильнули, отчего я почувствовал уверенность правильного пути.

— Думаешь я не хочу, — продолжил я, — ты коленкой-то своей ничего не чувствуешь?

Аисаки покраснела.

— Во-о-от, — сказал я, — и если ты сейчас не встанешь с меня, то я тебя так, этак и вот так затискаю, помну и заглажу, а потом кааак...

Кая опомнилась и резво вскочила с меня. Её пижамка с бабочками мелькнула перед моими глазами, а их обладательница скрылась за дверцей шкафа.

— Джерк, — просяще произнесла она, — ты же не будешь смотреть как я переодеваюсь?

— Нет, — с сожалением буркнул я, — настолько рад был тебя видеть, что встать пока не в состоянии.

Из-за дверцы послышалось хихиканье, возня, шуршание и другие приятные атрибуты, сопровождающие процессы облачения юных дев.

Из-за дверцы Аисаки вышла образцовым разведчиком. В жилетке, кожаных штанах, маскировочной накидке, с рюкзачком с креплением сзади для лука и тканевой бандане, с коротким фальшионом на перевязи за спиной. Тут нет никаких извращений — за спиной ей было удобнее транспортировать оружие, подходя к потенциально опасному месту Кая сдвигала перевязь так что меч перемещался на правое бедро.

— Закажу внизу нам завтрак — предупредила она меня, выжидающе смотря — кто последний, тот постель заправляет.

Я немедленно соскочил с кровати, сверкая белоснежными труселями с завязками, по типу того, что был у святого Себастиана с картины Мессины.

Почему-то визгов не было. Доблестно не обращая внимания на стоящую рядом Каю, я принялся пыхтя отжиматься от пола.

Рядом на пол упал медный ключик.

— И никаких безобразий в моей комнате, — бархатно сказала Аисаки, — закроешь за собой дверь.

«Было бы с кем безобразия проводить» — подумал я. — «Нет, ну так-то было, но на цифру 15 мозг выдавал дебилные образы мрачных пыточных, публичное срывание жетона авантюриста с шеи перед строем, рыдающую Каю с кучей мелких детишек перед моим трупом, утыканным стрелами и другую подобную чушь.»

Спустившись после зарядки в таверну, я увидел сонно зевающую Грету, теревшую кулачками глаза, Каю попивавшую неизвестный мне напиток, исходящий парком и с запахом яблок, за столиком у окна. Джерк с Каей раньше по утрам вот так не тусовался.

— Яблочный мид у Марты по утрам всё так же хорош, — пригласительно кивнула она кружкой.

— Дорогая, это мёд, — сказал я, отхлебнув искомое. — с яблоками и листком шалфея.

— Миййоод, — протянула Кая, — на второй день обучения, семпай, открыл мне таинство правильного названия напитка Создателей.

Она принялась дурашливо кланяться вместе с кружкой.

— Каечка многого не знает, — поддержал я игру, — но семпай будет неистов в плане утолнения пробелов в знаниях. Быть может, даже шлепать по всяким выступающим мягким частям, а по вечерам назначать главной в процедуре проведение ночного ритуала омовения ног.

Так, перебрасываясь шутейками и влажными мечтами мы позавтракали, а перед уходом Грета вручила мне небольшую кастрюлю, с плотно замотанной крышкой. И всю дорогу Кая крутилась вокруг меня, пытаясь выведать о его предназначении.

Выйдя за порог, я эту кастрюлю естественно сунул в инвентарь, лисодевочка даже с её нюхом ничего учуяла (это же главное правило — герметичность маринада!), а потому скакала вокруг.

— Там приманка для импов!

— Там отравы для импов!

— Там метательные снаряды для тайного оружия!

— Там оружие! Другое, но тоже тайное и специальное для импов!

Еду Аисаки уже запасла, пожарить мяса авантюристы никогда не забывали, если мобы съедобные, но о шашлыке ничего не слышали. В бухте ловили всяких моллюсков, крабов, креветок, к которым была масса рецептов от Создателей. Что-то даже шло на экспорт в столицу. Это фэнтезийное средневековье не было столь сильно бедно на еду. Даже в северных королевствах с магом стихии Огня можно было не страдать от отсутствия зелени. На празднике посвящения Джерка в авантюристы от гильдии выносили блюдо «рыцаря» — жареного цыпленка с копьём в виде длинной морковки, восседающего верхом на жареном поросенке. Типа, старайся мальчик, и жить будешь в достатке: выслуга, золото, дворянство — карьера сложится, если приложишь усилия.

Об оборотной стороне, увечьях, ставящих крест на магии, смертях и походной жизни умалчивали, хотя новичок при гильдии на всего мог насмотреться с лихвой. Но даже так — это было интереснее чем копошение в земле или наёмничество. Или службы в армии. Умереть здесь можно было на каждом шагу — никто не гарантирован. Предшественник Шайреда Четвертого — его величество Ришар Второй умер, подавившись печеньем. Пошел ночью в столовку через тайный выход: стыдно было мужику признаваться в обжорстве, да и личный лекарь следил за его весом, мог пожаловаться королеве. Значит зашел, сожрал печенье, подавился, упал, стал биться в судорогах, закатился в ковер и всё — нет короля. Нашли только утром с куском печенья во рту.

Так вот, больших проблем с едой, как в реальном средневековье не было. Уж медяк на пару булочек если есть руки-ноги-голова можно заработать, но делать из еды искусство могли только для короля. Или я для Каи. Мысль эта немного потешила мое эго, но положила руку на сердце — чем Кая не принцесса?

Ручки сильные, ножки длинные, хвостик пушистый, ушки глазо-притягательные и пальце-зовущие.

Я посмотрел на Каю оценивающе.

А если описывать грудь, эту обитель упругости, эти не тронутые вершины, задорно и синхронно, словно мячики, колыхающие вслед за движениями огненной принцессы...

— У тебя взгляд странный, — осторожно сказала Кая, чуть отходя от меня.

Мы подходили к южным воротам, с наезженной крестьянскими телегами колеёй, тянувшейся к трем ближайшим деревенькам и дальше к бухте.

— Я думаю, — гордо ответил, — над концепцией атрибуции. Что делает принцессу —

принцессой? Факт рождения в королевской семье или роскошное платье с ювелирными украшениями? Гордый, надменный взгляд холодных глаз или может, наоборот, ласковый всепонимающий взор? Вот как мы пойдем, встретив принцессу одетой инкогнито, без свиты и охраны, королевского знаменосца со штандартом?

— По поведению, — фыркнула Аисаки, — начнет всех строить вокруг.

— Не, не, — уточнил я — у неё тайная миссия. Скажем король поручил ей расследовать действия королевского наместника. Найти доказательства измены или воровства и повесить на площади. Все же главный королевский советник единолично повесить дворянина не может, Большой королевский совет собирается четыре раза в год, а времени нет. И король болеет, а принц в запое, королева отказывается бросить больного короля. Может же такое быть?

— Да, — поразмыслила Кая, — но это ты синичку на флюгер натянул. А так мы принцессу не узнаем.

— А между тем, — пафосно сказал я, — принцессы они повсюду. Вон погляди на того здоровяка.

Мы вышли из ворот и легкой походкой двигались по дороге к бухте. Вышеупомянутый здоровяк тискал свою жену, восседая на повозке, запряженной грустной кобылкой в годах. Я протянул кобылке яблоко на ладони, когда они неспешно обгоняли наш мини-отряд, и она благодарно схватила его на лету, выразительно захрумкав. Жена здоровяка, скорее всего зажиточного крестьянина, расторговавшегося в городе, тихонько млела, слегка повизгивая от особо сильных щипков. Косы ее растрепались, чепчик сползал вниз на затылок, пухленькие щечки покраснелись. В общем, дама готова к репродуктивным подвигам.

— Хм, — оценила разворачивающуюся картину Кая, — через пару километров он её королевой сделает.

— Вот, — поддержал я её, — значит девушку делает принцессой её мужчина. А если его нет, кто будет шаловливо лапать тебя, подлизываться, кто положит свою голову на плечо и будет умильно заглядывать в глаза?

— Котик? — попробовала угадать Кая.

— Это смелая концепция, — был вынужден я признать, — но ведь котик многого не может — у него лапки.

— Ладно, — смирилась Аисаки, — ты хочешь сказать любовь делает тебя принцессой?

— Атож, — вложил я в одну фразу всю глубину концепции. — Самое грустное, что настоящая принцесса будет настоящей любви с большой вероятностью лишена. Выйдет за того, кто соответствует интересам государства. И если критерии принцеснутости: взаимная глубокая любовь и всякие приятности, то выходит принцесса станет ненастоящей. Страна, что дала принцессе по праву наследия принцеснутость, позже сама её и распринцессит. Такую принцессу можно называть квантово-запутанной.

— А если по любви, — робко спросила Кая, — если всё получится?!

— Это принцесса Шрёдингера, — грустно сказал я, — она как бы есть, но её как бы нет.

За разговорами мы дошли до бухты. Когда-то Шайн собирался строить тут город и порт, но пришло лихое время, Нашествия и войны. Деревеньку, что была здесь сожрали монстры, время и наводнения растащили все признаки цивилизации. Остались белоснежный песок, гора справа и тропинка по ней, слева бухту окаймлял кусок скалы. Крестьяне ловили тут рыбу с самодельного причала, собирали крабов и прочие водные дары, купались даже — было неглубоко. Дальше не заходили — в океане было полно морских монстров. Потому

никто и не ходил кораблями: с морскими чудовищами, более опасными чем земные, справиться никто не мог, да и не пытался.

Мы повернули направо и пошли по тропинке. Слева, метрах в десяти вниз, плескал волнами океан, справа — горный хребет, по моим скромным прикидкам километров десяти в высоту. Тишина, океан, тропинка: красоты природы настраивали на романтику, но стоило быть настороже и разговоры мы прекратили. Я наложил щиты, попробовал «Ветер Тьмы» на Каю и удивился — селфбаф как на личную ученицу сработал. Будет быстрее бегать. Вообще, лисодевочки итак, самый быстрый класс в игре, даже нэко ненамного, но отстают.

— Ух, теперь я самая-самая быстрая, — довольно сказала Аисаки.

По плану Кая собирала импов и наводила на меня. Я закидывал их дотом, они переносили свое внимание на меня, а Аисаки добивала их из лука. Кайтить мобов, отстающих по скорости — тактика стара как мир, но с дистанционниками — это было всегда опасно.

Через пару километров тропинка, кое-где на опасных участках даже с изгородью, привела нас к обрыву с простейшей канатной дорогой длиной метров в тридцать. Мы осторожно вступили на нее, перебрались цепко держась за канат, и вступили на опасный участок.

Первая пещера возникла внезапно: тропинка заворачивала и выходила на небольшое плато, перед горой с чернеющим провалом пещеры. На плато уже были монстры: группа краснокожих, с небольшими крыльями, существ с рожками. Ростом по пояс человеку они расположились на нескольких камнях, принимая солнечную ванну и тихо вереща между собой.

А может замыслили завоевание мира и решали кто будет править планетой — кто разберет их чирикание?

— Кая, к этим сам подбегу, — решил я, — смысла собирать их в группу тебе нет, итак, удобно собрались в куче.

Сказано — сделано. Подскочив к монстрикам, я быстренько выпустил на них «погибель» и начал отбегать к Аисаке, что за камнем на спуске пещеры уже натягивала лук. Воздух наполнился визгом, оскорбленных мобо-нудистов и первыми файерболами от них. Летели они медленно, но проверять их силу я конечно не стал, легко сместившись с линии прицела. Импы неловко заскакали за мной — дот резал скорость перемещения и каста, полоска их жизни ощутимо рухнула вниз, так что Кая легко и быстро добила бедолаг.

— Восемь импов за полминуты, — возбужденно сказала лисодевочка, — у тебя нереально сильный дот даже без посоха, а с волшебной палочки. Ведь её магическая атака меньше.

Это да, после разбора посоха Пилама на две направляющие рельсотрона, я действовал привычной палочкой Джерка. Удобная, привычная, жаль, что весит магпалочка килограмма два и постоянно ей махать банально устаешь. Такие вот постоянные физические упражнения на воздухе делают из магов спортивных красавчиков.

— Повтори это еще раз после возвышения, — предложил я, — рано расслабляться.

— Как пожелает, мой семпай, — муркнула Аисаки.

За первой пещерой, которую мы зачистили за час — я даже немного струхнул, когда забежав и выбежав, в первый раз из пещеры, Кая потащила за собой паровоз штук в двадцать монстров, и мой дот накрыл не всех. Но «Лоза Света» по откату, всех троих не задетых дотом импов, превратила в еле ковыляющих инвалидов, а «Разряд Тьмы» заставил, хоть и ненадолго, прилечь на землю в корчах.

Так вот: пещер с импами было четыре, шли они одна за другой. Эта информация была знакома Джерку из своей прежней жизни: авантюристы выполняли задания в этой области. Два раза авантюристов нанимали возвыситься магов Воды, один раз было высокоуровневое задание выбить камень Тафирима.

Но проведя безуспешную неделю в попытке выбить этот ресурс — гильдия отступилась. Вероятность выбить камень была одна десятая процента даже для Создателей, что говорить о простых жителях мира.

Когда камень Тафирима упал в первый раз Аисаки заверещала так, что у меня заложило уши. Я уж было подумал её приложило файерболом, два раза такое уже случалось, но защитный артефакт справлялся, урезая урон до ощущения удара палкой и ожога. Больно и неприятно, но Джерк — сертифицированный хилер. Лечил я быстро и мощно: «Лечение Света» было единственным заклинанием, что я прокачал кармой на +15 и мог спокойно вытащить пациента с края могилы.

Аисаки неистово заверещала, я напрягся, нацелив на нее лечение, но она схватила что-то красное с монстрика и подскочила, в упор облизывая мою незащитную щечку.

— Камень Тафирима! Мы богаты, Джерк! — сияла она глазками, прижималась грудками, — моя очередь угощать тебя джелато в гильдии, как вернемся!

Камень Тафирима — ценный ресурс. Из него делали обогревающие артефакты, способные год греть домик квадратов в сто. Его размалывали и добавляли в настойки Возвышения, так чтобы кандидат в одаренные с высокой вероятностью и быстрее чем обычно мог получить Дар. Из него мастерили защитные артефакты, из малюсенького кусочка выходили неплохие зажигалки. В общем, применений у него было много и стоил он от десяти до двадцати золотых, в зависимости от размера.

— Твой поцелуй вкуснее джелато, — коварно сказал я, — но сейчас мы должны быть осторожны. А то некому будет хвастать в гильдии.

Кая немного успокоилась. Изначально она была настроена на долгое возвышение с унылым, бесдроповым убиением монстров, а тут такой подарок судьбы.

Второй камень Тафирима через часа два, она приняла стоически спокойно, хотя бешено махавший хвостик и нервные, суетливо-хватательные движения, с небольшим танцем вокруг выпавшего камня, выдавали её с головой.

За эти четыре часа возвышения нон-стоп Кая уже приустала, солнце начинало поджаривать, вереницы мобов — бесить, но второй камень серьезно поднял боевой настрой моей спутницы.

Мне и самому было нелегко. Мы вышли приблизительно в девять утра, часа два шли до места и солнце было уже в зените. Жарило так, что лечение приходилось использовать и без всяких ранений. Кая подняла свой шестой уровень до восьмого, я взял уже десятый, кармы нападало прилично, но сил радоваться уже не было. К началу шестого часа я уже понял —

хватит. Рандом, видимо, решил так же и одарил третьим камнем.

— Охренофигеть, — хрипло выдавила Кая, — я люблю тебя Джерк Хилл.

Она рухнула у выпавшего Тафирима и только глупо улыбалась, таращась в небо стеклянными глазами. Я доковылял до нее и полил холодной водой с лаймом, заботливо приготовленным в этот рейд и дожидавшегося своего часа в инвентаре.

— Хр, фыр, — только смогла выдавить Аисаки, подставляя голову под искусственный дождик.

Я рухнул рядом.

— Славная была охота, — сказал я в никуда.

— Хватит делать вид, что не понимаешь насколько, — лениво произнесла Аисаки, — я шла до шестого пять лет, с десяти лет ежедневно убивая первоуровневых монстриков. С одиннадцати лет Килтил водил нашу группу новичков на второуровневых грибовиков. Прикреплял нас к командам авантюристов на безопасные задания. Четыре года на подхвате, потом наша команда. Год мы вкалывали на заданиях, и я уже думала, что уцепилась за свой шанс, когда наша пачка легла на искаженной поляне.

Кая повернулась лицом ко мне

— Сейчас мне пятнадцать, я уже восьмой уровень. За несколько часов! По всем стандартам я чертов гений! И все благодаря тебе.

— Все что вы сейчас сказали, дорогая Кая, — не менее лениво ответил я, — может и будет использовано против вас в наших беседах.

— Можно подумать я против, — отвернулась Кая и тихо пробормотала, — глупый братик не понимает своего счастья.

Всё то он понимает. Но действовать будет с шестнадцати.

Полежав минут пять мы поднялись, начали собираться, когда в нашу жизнь на полном ходу врезались неприятности. А ведь ничто не предвещало.

Заворачивая от четвертой пещеры к третьей мы нос к носу столкнулись с двумя мощными фигурами в латах. Фигурами в латах, с заплечными рюкзаками. Неожиданно. За ними вышагивала третья — мелкая, в полумаске, которая с ходу начала качать беспредел.

— Вон, пошли вон с моего места кача! — визжала фигура, топая ножками, — стоило поспать на пару часов больше и чертовы деревенские дегенераты возомнили себя способными красть мое возвышение!

Одним словом, наркоман какой-то, а не племянник Марди. Холодные синие глаза блестели от бешенства, а в руках-то между прочим магическая палочка из сплава красного ридия с геркулитом. И бог с ним, что эти металлы стоили баснословных денег. В Шайне вообще-то, есть только три экземпляра оружия из этого металла.

Я сразу понял, что спорить с этим «племянником» не стоит. Не из-за страха, не из-за обиды: мы сами уже уходим, а истерика от «племянника» — обычные комплексы. Не убивать же теперь всё королевство из-за такого пустяка? Мою двустихийную магию они не видели и на этом спасибо рандому.

— Шаны, — сделал я легкий поклон в сторону фигур, — молодой племянник, — отвесил я полу-легкий поклон, — мы уходим, удачного возвышения!

Аисаки раздраженно засопела, но смолчала. Она ситуацию трезво оценивала, но после моей ультимейт-пухи не сомневалась, что весь этот металлолом вместе с недомагом я положу в секунду. И в поединке, и в схватке со всеми. Раз я ухожу — на то, есть причина.

Оставив беснующегося племянника за спиной, что не прекратил вопить что-то обидное,

мы зашагали обратно.

— Какого Создателя? — не выдержала все же Аисаки через пять минут, злобно морща носик. — Ты мог бы оставшихся в живых недоумков заставить извиниться после показательного распыления одного из них в прах. Места возвышения никому не принадлежат!

— А если подумать? — лениво спросил я.

— Чего тут думать, — проворчала Аисаки, — по королевскому указу никому.

Мы прошли метров сто, когда до неё дошло.

— Кроме первоочередного права использования королём и его фамилией! — ошарашенно вспомнила она.

— О-о-о, — засуетилась Кая, — но ведь король сам-то не приехал бы инкогнито, неужели кто-то из чуваков в броне принц?

Я шел молча, наслаждаясь приятным вечером и мыслительными процессами в голове Аисаки.

— Ну не этот же мелкий псих с красивой палочкой — принц, — рассуждала Кая, — Шилнагаил здоровый мечник, приятный и вежливый по слухам, а это был маг прикрытия. Хотя принц двадцатый — зачем ему вообще импы? Может захотел камень Тафирима подарить кому-то? Например, своей возлюбленной! Или он выполняет какое-то важное задание короля и не хочет свидетелей этого. Тут Кая вспомнила наш диалог про наместника и посмотрела на меня прищурившись.

— Хм, наш наместник ворует и его повесят на площади? — в лоб спросила Аисаки. — Но ты-то откуда знаешь? Создатели наделили тебя «Взглядом Будущего»?

— Ворует, из письма Миреса — сказал я, — нет. Это ответы на твои вопросы по очереди. «Взгляд Будущего» — крайне редкая, не стихийная магия из книги, неизвестно с какого монстра выбиваемая, действующая не больше нескольких секунд и, даже по легендам, ей обладали всего два разумных за всю историю мира.

Аисаки погрузилась в раздумья, каждые пять минут генерируя очередную версию появления принца в наших краях. Так мы почти дошли до бухты, где метрах в трехсот от нее встретили авантюриста из нашей гильдии с четырьмя стреноженными лошадьми, что паслись на невысоком склоне. Его наняли довести шанов до бухты. По тропинке с лошадьми идти уже было опасно, и он остался ждать их здесь. Вчера, кстати, он уже выезжал с ними и провел время до глубокой ночи.

Пообщавшись минут пять мы покинули его и добрались наконец до бухты и пляжа, где я выдал очередную вводную для лисодевочки.

— Вечерний пикник у океана? — удивилась Кая, — но мы же съели те припасы, что я заготовила на сегодня еще на импах. Тут она вспомнила про кастрюльку, и её глазки озарились пониманием.

— Ты взял кастрюльку мисо-супа у Марты, — проворковала она, — семпай приятно удивляет своей заботливостью.

— Хех, — пренебрежительно фыркнул я, — портить такой вечер мисо-супом.

Жестом фокусника я вытащил из инвентаря зонтик от солнца, корзинку с фруктами, бутылочку белого «Клод Бэй. Рыцарь виноделия», покрывало, деревянный поднос, кеннун, уголь, облитый растительным маслом и кастрюльку шашлыка с маринадом. Установил вещи в строгой последовательности, разжег угли, налил в бокал вина для Каи и пригласительно махнул ей бокалом.

— Ты опасный тип, Джерк Хилл, — сказала Кая, плюхнувшись на покрывало. — Вытащи уже корону и напяль на себя. Меня ничем больше не удивишь.

— Не корона делает королем, — наставительно произнес я, — а содержимое головы.

— Ты только содержимое не показывай никому, — посоветовала Аисаки, блаженно отхлебывая свежее вино, — сам знаешь, все места заняты, короли не любят конкуренции.

— Есть независимые баронства на востоке, — прикинул я, — начать собирать королевство можно оттуда, с группой преданных товарищей уровня сорокового.

— О-о, — воодушевилась Кая, — я слышу план Великого Завоевателя! Его не смущает, что по пути придется пройти Южную Каталю и Великое болото с гидрами? А сороковой уровень я даже не встречала в байках о золотых авантюристах. Трудно будет.

— Ничего на свете лучше не-е-е-ту, чем бродить друзьям по белу све-е-е-ту, — напел я тихонько, — тем, кто дружит не страшны тревоги, нам любые дороги доро-о-оги.

— Джерк Хилл, — поставила меня перед ультиматумом Кая, — я немедленно желаю услышать от тебя полную песню!

Походу придется купить гитару для утешения Аисаки. Хотя, может быть просто завести в группу барда?

Мы провалялись на пляже до глубокого вечера. Не знаю как, но голова Кая очутилась на моем правом боку, и я зарывшись, в её густые огненные волосы с золотистым отливом, мягко двигался от макушки до шеи. Лисодевочка молчала в полусонной томной неге. Вечер сгущался, солнце уходило в закат, подсвечивая небольшие волны океана багрянцем.

— Не хочу вставать, — прошептала Кая, — этот момент должен длиться вечно.

— Ты еще тысячу раз скажешь подобную фразу, — пообещал я.

Кая повернула голову, встретившись со мной взглядом.

— День был чертовски хорош, — она хищно облизала губки, — вечер прекрасен, но в концевочке чего-то не хватает.

Черты её лица приобрели несколько маньячный характер. Медленно подтягиваясь она приблизила свое лицо к моему.

— Эммм, — несколько нервно предположил я, — салюта?

Как по заказу в небе, где-то в той стороне, где были импы, расцвело созвездие яркого шара, который мгновенно лопнул, поднявшись к горизонту, а через секунду до нас донесся гулкий звук.

— Ой, — сказала Кая, растеряв свой запал, — это что такое?

— Не знаю, — честно ответил я, — наверно «принцесску» убивают.

Кая нахмурилась.

— Значит та фигура в маске была Аишей? Невозможно, её же не выпускают из дворца!

— Аха, не выпускают, — зевнул я, — ну помянем Вторую наследницу, гения королевства и чего-то там еще.

— Но, — выдавила Аисаки и задумалась, — нет, так нельзя, — твердо заключила она. — Она немножко дура, но наш долг спасти её.

— Да не успеем мы, — лениво отозвался я, — два километра бегом — это минут 15. Всё уже решится к тому времени.

Ну да, ну да. Это же лисодевочка: чемпионка по бегу, добросердию и другим глупостям.

Она вскочила, еще в полете схватив рюкзак и крикнув: «баф» и заскакала по тропинке. Чертыхаясь, я наложил бафы и поспешил за ней. Пятнадцать минут — средний результат среднего мужчины. Для спортивного подростка — это минут десять, для тренированных спортсменов восемь. Мировой рекорд четыре минуты сорок секунд с чем-то. Пробегая мимо знакомого авантюриста с лошадьми успел ему кинуть: «жди здесь, будь готов к скачкам в Самур».

Я уложился в пять минут, но к канатному мостику успел, когда Кая уже была на той стороне.

«Ножки у неё чемпионские, — вообще, я еще матом ругался, споро перебирая руками-ногами, — но в голове одни опилки, ох и всыплю я ей за самоуправство».

На той стороне слышался рёв взбесившегося двигателя от Камаза, звуки лупцевания чего-то тяжелого по камню, мужские крики и плюхи вроде тех, когда дельфин выскакивает и ныряет в воду. Забежал я на плато уже к развязке: мимо меня пролетела кучка бесформенной груды железа, в которой уже было не опознать шана Марди или Дахама. Машинально я кинул исцеление, но не был уверен что зацепил, да и в эффекте лечения сомневался.

Здоровая, метров в восемь в вышину, несуразная человекообразная тварь, с

пробегающими по телу вспышками и табличкой «Огненный великан 35 уровня» как раз опускала огромную дубину на девочку с магической палочкой. Тут бы ей конец, но Кая сбоку прокинула «свитч» (спецумение разведчика сбитие цели), и великан промахнулся.

Принцесска уже потеряла своих телохранителей, парик и остатки самосохранения. Из вздетой палочки вылетела сфера волны воды, бессильно плюхнулась о его грудь и снова обратила внимание великана на неё.

— Беги дура! — заорала Аисаки.

Она отважно подскочила к великану и чиркнула по левой ноге фальшионом. Ну, с таким же успехом могла мост через пролив Золотые ворота в Сан-Франциско попробовать подпилить. Хотя великан немного растерялся. Он отступил на шаг, вытянув дубину вперед, разряды огня по телу исчезли, а он начал пыхтеть. Я сразу понял, что это.

— Кая, это каст, в сторону!

Аисаки послушала и мгновением позже справа от неё пролетел здоровый шар огня, врезался в землю и взорвался. Принцесска, стоявшая чуть дальше подлетела вверх и упала мне на руки. Я не специально подгадал, просто бежал очень быстро навстречу. Откинув девчулю в сторону, я мгновенно поменял раскладку панели, в руках очутился рельсотрон и поздоровался с огненным великаном.

— Чвак! И за спиной великана в горе, метрах в трехста сверкнуло и образовалось громадное облако пыли.

А в груди великана оказалась дырища, в которую можно и нужно было бы просунуть голову принцесски и Аисаки. Для закрепления воспитательного эффекта. К великанам не ходить, незнакомым людям не грубить, слушать лидера группы.

У великана подрубились ноги, он упал на колени, посверлил меня укоряющим взглядом и свалился мешком картошки на землю.

— Эйюу, — сказал я, картинно раскланиваясь, — великаны верят в дубинку, а надо верить в физику.

— Ого, — сказала Кая, собирая добычу с чудовища и показывая длинный предмет, — это же Лусанский скипетр огня. Он накладывает на обладателя огненный щит. Полезное и мощное оружие. Золотых в пятьдесят выйдет.

«Ох, чуть не забыл» — я приставил магпалочку к клыку великана и взглядом указал Кае. Она с разбега пнула по палочке и клык вылетел. Да, вот так это работает: с монстриков что-нибудь отрезаешь, отламываешь и в гильдию приносишь. Там стоит опознаватель существ, который тебе справочку выдает: кого убил, какой уровень, время смерти. Инновационные технологии!

Сзади закашлялась принцесска и мы синхронно обернулись к ней.

— Я велю тебя казнить, — неуверенно сказала она, моргая обгорелыми ресницами, — за неуважение к королевской фамилии.

— Очень, знаешь ли, непредусмотрительно говорить это заранее, — сообщил я ей, — пока ты в руках победителя огненных великанов, Великого и Ужасного Хилла, также известного как Хилл-Лучезарный, Джерк-Покоритель ВарОрков.

— И Джерк длинноязыкий, — добавила сзади Кая.

Аиша попыталась встать, охнула, но справилась, хотя скривилась от боли. Доковыляв до нас, она уставилась во все глаза на великана.

— Хрена себе, — высказалась принцесска, увидев на дыру в его груди. Я подбоченился.

Вблизи она не казалась такой мелкой. Это на фоне своих телохранителей принцесска

выглядела пигалицей. Так, хоть и в четырнадцать, она уже была повыше Каи. Платиновые волосы обрамляли наглое личико с высокомерно вздернутым носом, синючими глазами и попалеными бровками. Робко начинавшая оформляться грудь вряд ли приковывала к себе мужское внимание, тоненькая фигурка была больше худенькой чем спортивной, но магическую палочка пигалица держала твердо и уверенно.

Больше из жалости я кастанул на нее лечение. Но она даже не обратила внимание.

— Так ты, — скомандовала она Кае, — дуй дальше четвертой пещеры, посмотри что там с шаном Марди, ты, — она обернулась ко мне, — проверь шана Дахама.

— Приличные люди благодарят за спасение, — высказался я наглой особе.

— Чего? — удивилась Аиша, — ты отшвырнул меня словно брошенной невестой букет со свадьбы молодожёнов, попавший случайно в руки мужику. Да ты меня убить мог! Я тебя точно казню!

Делать было нечего. Видят Создатели никогда к этому не стремился, не хотел и даже не думал, но придется. Я стал со скорбным лицом расстегивать кожаный ремень, удерживавший мои походные штаны. Принцесса непонимающим взглядом смотрела на мои манипуляции, а вот Кая почему-то с озабоченным.

— Ты чего, бестолковщина удумал? — спросила Аиша.

— Воспитывать тебя буду, — проинформировал в ответ, — поскольку его величество сильно занят высокими делами, твои телохранители выключены из процесса, воспитательные функции временно переходят к самому старшему — ко мне.

— Да не, — нервно сказала она, — да ты чего, холоп?

Ничего не слушая я сграбастал Аишу в охапку, разложил на коленке и врезал по пятой точке своим широченным ремнем авантюриста.

В воздухе разнесся истошный визг, принцесса забарахталась в моих руках, суля несусветные кары.

— Это, — комментировал я каждый удар, — за то, что сбежала из дворца. Это за грубость к незнакомым людям, это за тупость, когда сунулась к великанам, это за неумение сражаться в команде, это — тут я подумал, а принцесса притихла, робко дрыгая ножками, — за черную неблагодарность при спасении твоей тушки. Тут я видимо, врезал сильнее чем ожидалось, и она зарыдала.

Женских слез я не переносил, поэтому пришлось прекратить экзекуцию.

— Кая, контроль зоны, я проверю что там с Марди.

Кая, широко раскрывшая ротик при виде порки принцессы, слегка отошла и утвердительно кивнула.

«Могу ли я отодрать ремнем принцессу?» — думалось мне на нелегком пути, усыпанном камнями, — «Но это ж фентази, могу и уже сделал. А дошло ли до неё или придется удирать из Шайна, оставляя за собой трупы загонщиков. Но по-любому, такое я бы не снес — командовать моей Каей.»

Шан Марди лежал у склона за пещерой. Живого в нем уже ничего не было. Дубина великана попала в него сверху, быть может он пытался отвести удар, потому что рука его вмялась в голову, а голова куда-то внутрь. Пульс уже можно не щупать, но меч и ножны, подберу.

Я вернулся обратно. Кая отпаивала Аишу водичкой из рюкзака, неодобрительно поглядывая на меня. «Аха, пожалела наглую пигалицу, да она та еще манипуляторша — вот увидишь».

Я зашел за поворот, где лежал шан Дахам. На удивление тот еще дышал. Походу лечением я в него все же попал. «Золотые у меня руки!» — восхитился сам себе. При беглом осмотре у Дахама обнаружились множественные переломы, ожоги и шестичасовой дебаф великана, кипятящий кровь.

Так-то жить он будет, прикинул я. Просто нужно лечить пока дебаф не сойдет, а потом транспортировать в нормальные условия. Я ему сиделкой не нанимался, тут полноценный целитель вроде бишопа нужен, а не полевой.

Стал потихоньку разоблачать Дахама, взрезая ножом все эти завязочки, ремешки на доспехе. Ремень с двойной перевязью для меча вообще был на штырь насажен — сначала не поняв это, я поломал голову, где застежка. Так или иначе, минут за 15 справился. Окинув тяжелую тушку взглядом, вздохнул — как с ним по канатной дороге ползти? В себя шан по-прежнему не пришел и только изредка стонал. А уходить нужно: возродятся импы и будет беда.

— Встаем, — скомандовал я, подойдя к банде малолетних оторв, — шевелим булками в темпе. Надо валить пока импы не возродились.

Я взял рюкзак Дахама, валявшийся неподалеку. Для тех, кто в своей жизни видел только школьный рюкзачок с глазками, ушками, брелками и прочими фенечками — срочно развидьте. Это был качественный походный боевой рюкзак из кожи степного варана. У Аисаки был такой же, но поменьше и отличался защелкой для лука и вышитым рисунком лисички.

В рюкзаке Дахама, я сходу проделал ножом два отверстия снизу, несмотря на негодующий писк от домовитой Каи.

— Знаю, Каечка, — сказал я успокаивающе. — в хозяйстве всё пригодится, но не будешь же ты всю ночь от Дахама импов отгонять?

Аисаки губки скорбно поджала, но согласилась. Вдвоем мы протянули ноги Дахама в два отверстия в рюкзаке, я влез в лямки, перевернулся и поднатужившись встал.

«Сука, ну и кабан этот рыцарь» — подумал было я, но через пару минут это уже казалось невинным преувеличением. Я едва пролез по канатной дороге, как паралитик, медленно переставляя ноги.

«И ведь всё было хорошо, пока не приперлась эта принцесска, — злобно думал я, — не могла выбрать место для самоубийства побезлюднее? Хотя... упало пол-уровня, плюс Лусанский скипетр с лихвой окупает это маленькое приключение. Куплю домик, до моря пять кэмэ, девчуля уже есть, клёвая и умная... Если её эта ведьма мелкая не испортит».

Вышеупомянутые девчуля и ведьма шли впереди, мило щебеча, словно с рождения были закадычными подругами. Я прислушался — да они уже на сестренок перешли! Вот что ремень животворящий делает!

— Я тогда говорю своей Вегде, никто не узнает, что ты взяла мою цепочку если соблазнишь Марди.

— А она? — с любопытством спрашивала Кая

— А тут выбор простой, — самодовольно отвечала Аиша, — либо ночь с охранником, либо рудники.

— Младшая сестрёнка такая злодейка, — ужасалась Кая.

— А потом я приперла Марди к стенке: либо жена узнает, что он ей изменял, а вместе с тем начальник караула — что тебя не было на посту, либо по-тихому едешь со мной на возвышение.

Я уже говорил, что мелкая та еще манипуляторша?

— И как мой отец уехал на границу с Рошгией и Южной Каталией проверять какую-то крепость, взяв свою мою матушку — ведь там рядом её родня и оставив Шилнагаила, оставалось только подождать пока Шил свалит к своей бабе. Потом я с Марди, который подговорил помочь Дахама, прискакала в Самур.

— А что за баба у принца? — полюбопытничала Кая.

— Да так себе, графиня какая-то, — махнула рукой Аиша, — ничем не одаренная кроме своих доек.

И словно невзначай поинтересовалась у Аисаки: «хочешь вас познакомлю?»

— На день рожденья свой пригласишь что-ли? — не выдержав, съехидничал я.

— Моя старшая сестренка вольна посещать со мной хоть королевские пиры! — отрубил она, гордо вздернув носик. А в сторону прошипела что-то вроде: «вот жеж суцеглупый холоп».

Меня это больше развеселило, но похохотать я не успел. Мы подошли к лужайке на котором оставался авантюрист с лошадьми и там его не было. В живом состоянии в смысле. Какое-то черное пятно сидело там и жадно чавкало, как я понимаю, нашим товарищем, оставив трупы лошадок на закуску.

Глава 11

Реально напрягает такое — мне кажется, эта мысль пришла в голову мне и тварюге одновременно. Только пока она прыгала, я уже успел вытащить рельсотрон. Одна беда — стрелял я получается сверху-вниз, потому что тварь была невысока, приземлилась уже в метрах шести от нас, поэтому вместо опознания тела монстра и подбора добычи, там тупо образовался кратер, а мы все долго откашливались, отходили от искр в глазах и чихали от пыли.

Доплеться до пляжа, я скинул ненавистное тельце принцесскиного телохрана на землю, побрел к океану и упал там лицом вниз. Полежал немного, перевернулся, кайфанул минуты три, отбрел чуть дальше и умылся.

Из воды я выходил, смотря на девчуль как Карбышев на фашистов. Холодно вато ночами, даже в таком южном королевстве как Шайн. Обнял кеннун и минут десять не отдавал Кае — она видите-ли хотела подогреть остатки шашлыка и накормить мелкую.

Только после стакана вина я пришел в себя настолько, что понял: я завернут в одеяльце, прямо сейчас дуба не врежу, а мышцы плеч разминает Аисаки. Аиша как-то злобно поглядывая на меня, уплетает шашлык, нахваливая кулинарный шедевр, Кая рекомендует меня в королевские повара и вообще — вон там красивейшие звезды, спасены два прекрасных человека (нет), монстры повержены, в кармане ликвидный товар на соточку золотых.

— Так, историю твоего грехопадения я уже знаю, — строго сказал я Аише. — Гордыня, завышенные ожидания, шантаж, побег и нелепая попытка самоубийства. Я одного понять не могу: нафига это всё, для каких целей?

Мелкая отвернулась и невнятно пробубнила какую-то гадость в сторону.

— Не, не, не — замотал я головой, — я тебя спас, я тебя и погублю. Быстро повернулась и четко доложила: кто, с кем, зачем и почему.

— Ариша Шторморожденная, Повелительница Воды, в четырнадцать лет взяла двенадцатый уровень с группой простых авантюристов на Великом болоте, — выдохнула она, — я хочу быть такой же выдающейся личностью как моя пра-пра-бабушка! Но вместо этого мне привозят связанных монстров, которых я убиваю с четырех лет. Как это всё опротивело! Папа за меня трясется, мама и шагу ступить не дает, братиша только смеется, когда прошу взять с собой на возвышение. Из меня хотят сделать тупо ирригационную систему, а потом выгодно продать. Нахер такую жизнь!

Ну вот, очередной бунт подростка против системы. И не так уж она не права: её прабабушка потопила пол-армии Южной Каталлии в битве, где Шайн почти сломался и начал драпать. Великая была старуха: задружилась с Рошгией, подняла сельское хозяйство, настучала какому-то Нашествию. Это всё описано в балладах, по которым Джерк совсем не фанател, но кое-что запомнил.

— За временем топить армии, — убеждающе изрек я, — приходит время притапливать ячменный роголистник. Каждой эпохе — свои герои. Чего плохого если люди будут почитать тебя за плодородие и провозгласят Аишей Урожайной?

— Фи, — скривилась мерзавка, — вот ты и помогай с посевами, чучелком там постой. Глядишь монстрики так испугаются, что принесут прошлогодний урожай.

Я потер виски, сдаваясь. Не мое это дело педагогика. Я только плохому могу научить.

— Значит хочешь быть крутым авантюристом? — коварно спросил я, — вообще не вопрос, упала — отжалась тридцать раз. Время пошло.

Чтоб вы думали: она упала и отжалась. Правда не тридцать, а восемь. Еще хныкала, что это нечестно после шести часов боя с импами. Поглядев на её страдания, я преисполнился, мир стал понятен во всем фрактальном подобии, так что я спокойно помедитировал под дыхание Каи в свое ушко, отхлебнул еще немного вина и поперхнулся, услышав от Аиши: «так когда, семпай, ты примешь меня в свою команду?»

— Н и к о г д а, — раздельно и четко произнес я, — не бывать такому никогда, даже без учета того, что наше величество меня в темницу сразу закинуть попытается за такое.

— А почему попытается? — наивно спросила Аиша

— Потому что все, кто попытается, — сурово сказал я, — умрут от болезни Вильсона.

— А что вызывает эта болезнь? — не унималась принцесска.

— Вот ты дыру в великане разглядела, — спросил я, и получив подтверждающий кивок, продолжил, — как думаешь, что её вызвало?

— Ну сила удара заклинания, очевидно, — возмутилась она.

— А вот и нет, — коварно сказал я, — переизбыток меди в организме.

Аиша затихла, обрабатывая информацию, а я получив долгожданный отдых, схрумкал яблоко. Ну и запросы у молодежи в трендах: монстры, насилие, величие, не посрадим предков. Здесь что, ток-шоу уже появились? Иди, да над новыми сортами пшеницы ботань: весь мир за еду скупишь.

— Спасибо, Каечка, — отблагодарил я лисодевочку за размятие плеч, — уже намного лучше.

— Семпай, поможем Аише? — внезапно предала меня моя соратница.

Я аж себя Цезарем почувствовал с кинжалом в печени. Вот оно как, значит, бывает.

— Это как мы поможем? — едко осведомился я, — один раз спасли, теперь всю жизнь за это расплачиваться?

— Подарим ей клык великана и продадим скипетр, — задумчиво сказала Кая, — она его папашке покажет, его величество может не сразу — но с правильным подходом — осознать: дочь выросла и вправе сама за себя решать, что ей делать и как дальше жить.

— Может еще замуж по любви выйдет, — похотал я, — и станет принцессой Шрёдингера.

— Это же хорошо, — утвердилась в правильном выборе Кая, — принцесса двух государств у нас будет в долгу. Чувствую себя суперзлодейкой.

«Да какая ты злодейка, — вот злодейка, тут сидит и ладошки потирает, что так удачно втерлась в доверие и всё за нее сделают», — хотел я ей сказать, но только бессильно махнул рукой.

— Шрёдингер — не государство, — буркнул я, — это человек, который любил и мучил котиков.

— Не выйду я замуж за Шрёдингера, — возмутилась Аиша, — че за дела, сеструля?

— Ты выйдешь за кого, полюбишь, — успокаивающе сказала Кая, — но при этом будешь замужем за Шрёдингером, — и она, в свою очередь, зловеще захохотала.

Бедная принцесска. Какую-то долю мгновения было её даже жаль. Попала под великана, попало по пятой точке, потом под мой интеллект и незатейливый юморок Аисаки.

— Я за Джерка замуж выйду, — брякнула вдруг Аиша и покраснела.

— Начались шутки за триста, — страшным голосом сказал я, — легли все спать быстро,

мне еще «Щит Тьмы» растягивать, — и тут же прикусил свой глупый язык, лечение она видела — это магия Света, а «Щит Тьмы» — ну вы поняли, но было поздно.

— Создатели, — вскричала Аиша, — я знала, что ты появишься!

Она вцепилась в мою рубашонку цепкими ручками с безумным взглядом и обрушила на меня поток слов, из которых я понял одно: с фанатиками лучше не связываться. Придя к такому выводу, я засунул бокал с вином в её прыгающий рот, а потом подождал пока она отплюется.

— Еще слово про Создателей, — угрожающе промолвил я, — и тебя не найдут даже в летописях.

Но сам-то я понимал — а что я теперь сделаю? Заставить Аишу замолчать — как? Нет таких заклинаний, хотя... Не, не, не — это безумие! Это больше чем безумие — это парта. Ученическая парта — клятва в смысле. Придя к такому выводу, я застонал. Жалобненько, так с подвыванием. Всё шло хорошо, пока не пришла принцесса.

— За что, вы так со мной Сучности? — закинув голову кверху спросил я, — чего такого злого я тут-то успел натворить?

Кая Аисаки загадочно улыбалась, Аиша Ирраера из королевского дома Шайна пожирала меня взглядом, звезды ехидно скалились с небес, большой палец ноги принцесскиного телохранителя, валяющегося рядом без сознания, одобрительно изгибался вверх — все в мире сговорились. Сил сопротивляться неизбежному просто не было.

— Повторяй за мной, — угрюмо велел я Аише, и произнес клятву мастера.

Она, конечно, увидела надпись про пятьдесят процентов опыта и кармы с мастера и долго возбужденно скакала вокруг нас. Потом выпытывала, какие навыки заточила Кая, потом принялась за меня. Но я исполнил круговой купол тьмы, заглушающий звуки и скрывающий нашу группу и велел всем спать. Последней моей мыслью было что-то вроде: «эмансипация и экономическая независимость женщин избавит их от привычки вешаться на сильного самца». Потом я уснул.

Сон не был спокойным: снились армии и дворцы, схватки с драконами, толпы нищих крестьян, умоляющих накормить их джелато и аристократов, строящих заговоры. В этом сне было всё, кроме гаремов. Поэтому, на зависть врагам, я хорошенько выспался. Подавил бы массу дальше, но в последнем сне Шайред Четвертый отчего-то, узнав что Аиша стала моей ученицей, взбесился и принялся душить самолично, не доверяя палачу.

Я открыл глаза. Утренний холодок разгонял остатки сна. На мне стандартно лежала коленка Аисаки, её руки обняли мою правую руку, утянув ее вниз, к волнующим изгибам и ложбинке. А вот шею ласково прижимала чья-то тощая ручонка: блондинистая морда нагло сопела в левое плечо, пуская слюни на бицепс.

«Главное, что не с мужиками вот так проснулся после корпоратива», — оптимистично решил я, повернув голову и уставившись на Аишу.

Сняв осторожно её левую руку с шеи, я обнаружил милую и беззащитную девушку, приткнувшуюся, будто в поисках опоры к моему плечу. Воу, тут под правым глазиком пикантная незаметная родинка, я неосознанно приблизился к её лицу, вглядываясь. Аиша выбрала именно этот момент, чтобы проснуться.

Взгляд её сонный и затуманенный, тотчас сменился крайним удивлением, паникой, а потом смущением.

— Не слышу фанфар и не вижу свой утренний кофе, — сварливо пожаловалась она.

— Секс не повод для фанфар и утреннего кофе, — парировал я, — да я даже не помню

как тебя зовут.

Аиша покраснела еще сильнее и начала заикаться.

— Тыыы, воспользовался моим телом пока я спала?

— Да много там тела-то твоего, — протянул я было тоном эксперта, но, чтобы прекратить ненужные споры, решительно сказал, — тридцать отжиманий, время пошло.

С лицом человека, отдающего последний взнос за ипотеку в первом году, Аиша отлипла от меня и утвердилась на руках.

— И раааз, — скомандовал я, — и дваааа.

На этом счете проснулась Кая и, оценив обстановку, решила помочь принцессе.

— Младшая сестренка гений, с утра не теряет времени! — радостно поприветствовала она Аишу, — для меня честь отжиматься рядом с тобой!

Она перескочила через меня, мазнув своей роскошной грудью по моему лицу, отчего я тоже проснулся.

— Ах так, — запальчиво выдал я, — семпай успеет отжаться быстрее вас до счета тридцать!

Некоторое время мы как три идиота отжимались, пыхтя и подкалывая друг друга, пока сзади не раздался неуверенный голос.

— Ваше высочество, что с вами?

Я сразу понял, что это оживший в меру моих скромных потуг рыцарь. Увиденная картина явно врежется ему в память, так что надо перебивать впечатление.

— Это, — сказал я, оборачиваясь и тяжело отдуваясь, — курс молодого гения от Джерка победителя великанов. Её высочество было столь впечатлено мгновенной перфорацией монстра, что изъявило желание срочно изучить новейшую методику.

Шан Дахам без шлема и доспехов выглядел совсем не монументально, такой обычный простоватый, хотя заметно подкачанный парень с решительным подбородком, широким носом, обрубленной, короткой стрижкой. Серые глаза смотрели удивленно и непонимающе. Персонажу не хватало крухи пива в руке и фразы в стиле: «по утрам зарядкой занимается только мобильник, хо-хо-хо».

— Так, Дахам, заткнулся и доложил о самочувствии, — сразу построила его Аиша.

— Так точно, ваше высочество, — лежа, но подобрался рыцарь, — перелом руки, возможно ноги и множественные ушибы тела. К самостоятельной транспортировке негоден. Осмелюсь спросить о доспехах, они дороги мне как память покойного батюшки.

Меч с кошелем я положил рядом с ним, придя в себя он сразу его нащупал и был за оружие спокоен.

— Доспехи мы вернем, — решила Аиша, — познакомься с мастером Джерком, именно он убил великана, спас меня и поддерживал твою жизнь.

— Создатели видят, — произнес Дахам веско, — вы великий маг, я не оставлю ваше милосердное деяние без ответа.

— Мой долг быть полезным стране и его опоре, — сделал я легкий поклон. «Ух, какие они политекорректные»

— Позвольте, ваше высочество, — предложил я, мысленно скрипя зубами, из-за необходимости разводить вот такие прелюдии, дабы не порушить королевский и её авторитет среди высокого сословия, — мы с Каей сходим до ближайшей деревни и пригоним телегу.

— Нет, — неожиданно сказала Кая, — правильнее будет тебе остаться с её высочеством. С тобой ей ничего не угрожает, одна я не смогу её надлежаще защитить в непредвиденном случае. В деревню пойду я.

Я закатил было глаза собираясь высказать всё что думаю, но остановили меня не умоляющие глаза Аисаки, а как ни странно — действия принцессы. Она вдруг взяла и обняла Аисаки.

«Сдружились значит две девчули, на фоне грозных великанов, королевской семьи и чувака с рельсотроном. А че так бывает что ли? Придется поработать рикшей еще полчаса»

— Ну всё-всё, что за прощания как в слешерах? — успокоил я их. — Вынес шана с поля боя — вынесу и к деревне.

— Мне право неудобно, — запротестовал было Дахам, но я уже шепнул девчулям отвлечь его, пока убираю свидетельства нашего разгульного вечера и ночи.

Много времени это не заняло и когда Дахам отвлекся от участливо обступивших его красоток, на пляже уже не было ни зонтика, ни покрывала — только корзинка с мусором.

— Что это за магия, мастер Джерк? — удивился он

— Магия повседневной аннигиляции, шан, — сказал я, подступив к нему, — не соизволите мне помочь протянуть ваши ноги в эти отверстия вашего же рюкзака?

Взвалив тяжелого кабана в рюкзак на свои натруженные плечи, я зашагал к деревеньке, расположившейся неподалеку от бухты, мысленно кляня свою чертову карьеру рикши. Девушки пристроились по бокам, а Кая начала вводить в курс Дахама: кто я, как очутился здесь и почему всех спас.

На финале последней истории где я, молодой мастер кун-фу Джерк Лучезарный, прибыл в Самур для практик боевых медитации среди авантюристов, на горизонте замаячила деревенька.

— Он открутил ВарОрку голову голыми руками, а потом слизал стекающую с головы кровь, — вещала Кая, почувствовав благодарных слушателей в лице принцессы и шана, — увидев это отступники бросились было бежать, но мастер Джерк кинул заклятие светлой инконтенции и призыва насекомых. Миллионы мух покрыли дикарей плотным слоем из-под которого вскоре стихли все крики несчастных.

Слушатели молчали, изумленные столь страшным концом отступников. Я тихонько пыхтел.

— А потом к мастеру пришла за данью Ночная Гильдия, — начала новый рассказ Аисаки. — Они сожгли дом мастера, намереваясь расправиться с ним огнем, но Джерк вышел утром, как ни в чем не бывало, на обгорелое крыльцо, почесывая ухо и жалуясь, что ночь выдалась жаркой.

— А откуда ты такие детали знаешь? — подозрительно спросила Аиша.

— Она вышла следом, — сдал я её, — и сказала, что любит запах горелого дерева по утрам.

Дахам заржал, оглушив меня на оба уха, Аиша насупилась, Кая показательно застеснялась.

А что потом с бандитами из Ночной Гильдией стало? — проницательно спросила Аиша.

— Они жили грустно и несчастливо, — прохрипел я, — и умерли в один день.

— От болезни Вильсона? — догадалась принцесса.

Отвечать на риторический вопрос сил не было, тем более наша процессия подтянулась к деревне Рыбья сопка, огороженной кольями, где нас у входа ждал белобородый дед с луком.

— Вы кто такие будете, мы вас не звали, — спросил было он, — но разглядев раненого за моей спиной, изящные роскошные ножны магпалочки на поясе принцессы и цепочку авантюриста, что покачивалась на шее Каи, кинулся споро открывать ворота.

— Добро пожаловать милсдари, — бормотал он, торопливо кланяясь, — не признал в вас доблестных воинов с монстрами, староват стал, подслеповат.

— Так, старый, веди сюда старосту, коня с телегой, да поживее, — моментально построила его Аиша, кидая деду серебряную монету.

Дед чесанул словно в беге на розыгрыш рабынь на королевском праздновании.

Буквально через минуту к нам уже семенил другой дед, посолиднее. Борода причесана, на голове картуз, на шее массивная бронзовая медаль старосты. Не доходя до нас метров десять он охнул, сорвал с себя картуз, упал на колени, воздел руки и завопил.

— Ваше высочество, не велите казнить, не знали мы о столь высоком визите, ни сном, ни духом не ведали.

— Хм, — удивилась принцесса, — дед, ты откуда вообще меня знаешь?

— Так на праздновании королевского дня видел, — бормотал глава сельской общины, — наместников собирают в отдельном зале, а простых старост на улице, и его высочество благодарит за службу.

Замечательно же, завтра весь Самур узнает, что здесь принцесса шляется, послезавтра слухи дойдут до дворца и принца. Потом слухи обрастут пикантными деталями: у принцессы любовник в деревне, Аиша ловит огненных великанов, её высочество выращивает водяного элемента для завоевания соседнего королевства — да мало ли какую дичь придумают. Слухи — это плохо. Вдруг за мной прискачут люди в черных доспехах, на черных коняшках.

— Так, встал, голову поднял, картуз одел, — скомандовала Аиша, — меня ты не знаешь, о встрече молчишь. А сболтнешь — будет как в Сухом году. Только отдельно в вашей деревне. Уяснил?

Сухой год в сказаниях шел в летописях отдельной главой. Было тогда не то что жарко: влага ушла, обмелели реки, урожай пропал, гарь от пожаров закрыла небо: пол-материка вымерло, к чертовой бабушке, маги Воды озолотились, остальные подъели трупы и кое-как выжили.

Деда забило от страха, он порывался было снова упасть, но наткнувшись на ледяной взгляд принцессы, замерз в одном положении. Жестит Аиша не по-детски.

— Будешь молчать, — подсластила Аиша, ловко кинув и ему серебряный, — в следующем году на праздновании при батюшке отмечу твою деревню.

— Понял ваше выс... — дед сбился, увидев бешеный взгляд принцессы и перековался — Не извольте сомневаться, господа авантюристы, сейчас же доставим раненого в Самур к лучшему лекарю города!

Тут показался дед с молодым парнишей и телегой с бодрой кобылкой во главе.

— Значица, довезешь молодого господина до мэтра Лорадана, — торопливо вталкивал староста парню, — со всем почтением и старанием довезешь. Да не зевай так, валандай брыдлый! — озверился староста и отвесил мощный подзатыльник парню. — На руках донесешь до лекаря, а будь что не так, выгоню из деревни, будотолк ты захухренный!

Мы погрузили шана Дахама в телегу, с уложенным для раненого сеном, Аиша жестом подозвала старосту.

— Убитый у нас, — сказала она, потемнев лицом, — телохранитель мой. Дело сие есть тайное, касается только королевского двора. Нужны два крепких, молчаливых парня с телегой, крепкие жерди, веревки. Поедут с нами, забирать тело.

— Ты чего не вернешься в Самур с Дахамом что-ли? — не понял я Аишу, отведя ту сторону.

Та сделала большие глазки.

— Доблестный мастер не поможет этой скромной последовательнице взять двенадцатый? Что же мне показать батюшке при неласковой встрече? Боюсь, меня заключат в высокую башню, где я состарюсь в печали, стенаниях и муках.

«Да вот не похоже на правду же абсолютно. Ставлю рельсотрон против ржавого ножика — она и папашкой своим крутит как хочет» — подумал было я, но к нам подозрительно быстро подошла Кая и скорчила умоляющую мордочку, взяв принцесску за руку.

Смотрели они на меня при этом словно фанатки, словившие на пляже полуголого Чонгука. Предать идеалы кей-попа? Перестать вспоминать просмотренные шедевры аниме? Сам не смогу и другим не советую. Лично я не против прокачаться, просто ответственность за эту шкоду принцессную давит неимоверно.

— Слушать не будешь, — пообещал я ей, — выпорю!

Аиша как-то странно вздрогнула и мечтательно закатила глаза вверх. Это что сейчас было?

— А я тебя подержу, — воспитательно надавила Кая, — в смысле руками подержу, чтобы не вырывалась.

— Моя сеструля может мне доверять! — оскорбилась Аиша, решительно вздернув носик — я не подведу!

Скептически хмыкнув, я подождал старосту, он споро подъехал на крепкой телеге с сыновьями, узнал его имя (Зурим), узнал у какой бабки вкуснее пироги и велел отправляться, не ожидая нас к канатному мосту.

В общем, через полчаса с тушкой курицы, пирогами, палкой колбасы, караваем и корзиной приправ мы покинули деревню и почалили обратно. По пути я наставлял принцессу: туда не ходить, сюда не ходить, прятаться за мной, ложиться на землю при могучем колдунстве. На удивление Аиша скромно со всем соглашалась, вела себя вменяемо, «казнить холопа» не пыталась даже морально. Тогда я взялся за Каю и мы стали думать над заточкой скилов. То, что я могу вызвать билд своей ученицы и, соответственно, прожать ей заточку скилов, я обнаружил еще вечером во время пикника, но тогда мы решили сделать это на свежую голову в Самуре. Плюс к этому я нашел как делать комбо из скилов, но рассчитывать комбо следовало с холодной головой.

Сейчас тоже можно было обойтись, но поскольку великан меня не так чтобы впечатлил умом и сообразительностью, парочку я решил распылить на атомы. Потому что не мешало усилиться.

Не злата ради, но токмо для науки!

Аиша, насторожившая ушки, при словах о заточке заклинаний и создания комбо, разве что не мяукала: забегая то слева, то справа со своими советами, лезла под руки и демонстрировала свою преданность.

У моей лисодевочки изначально были навыки владения луком и мечом, стандартные для разведчицы. Поднимались также как у воина или лука, просто не было таких спецударов. То есть в драке Кая могла биться с воином простыми ударами даже лучше, поскольку ловкость изначально выше, плюс хорошо качается дальше. Но воин может использовать, например, стаящий удар — у Каи такого не было. Она не боец — она разведчица.

Её «Обнаружение», «Легкая Поступь» и «Переключение» (он же свитч) — типичные скилы разведчика. Первый помогал обнаружить спрятавшегося, сидящего в засаде монстра или разумного. Второй скил был пассивкой на скорость передвижения и уклонения. Третий ослеплял монстра, сбрасывая его с цели.

За приблизительно четыре тысячи убитых импов в первый день Кае прилично капнуло кармы — две тысячи с копейками, и я предлагал использовать все на «Легкую Поступь».

— Сразу поднимет ловкость, скорость бега, — объяснял я ей, — по уровню ты восьмая, а по способности уворачиваться от ударов и скорости бегу станешь где-то двадцатой!

— Надо пятерочку в «Обнаружение», — настаивала Кая, — ну какой из меня разведчик если врага не обнаружу.

«Это у нее травма психическая после гибели пачки в Заброшенном лесу», — понял я.

— Двадцатый уровень, — чмокала губками, погруженная в свои фантазии рядом идущая Аиша. — У Шайна есть восемнадцатого уровня разведчик где-то на границе, но двадцатый...

— Да че мы спорим, — примирительно сказал я, — сейчас в Легкую Поступь, а потом

сразу и на «Обнаружение» набьем.
На том и порешили.

Староста с телегой остался у начала тропинки, а его два сына встретили нас у канатной дороги. Велев им ждать, пока мы зачистим местность, наш мини-гарем выдвинулся вперед.

Четверку пещер с импами разобрали быстро. В Каю никто из монстров попасть не мог — «Легкая Поступь +13» — невероятно изменили разведчицу. Пусть и раньше она была резкой, пластичной и ловкой лисичкой, но с такой прокачанной пассивкой стала как Нео из Матрицы. Притаскивала она к нам сразу здоровущую пачку, которую мы с Аишей разносили в два заклинания. У принцессы, кстати, тоже был защитный артефакт Огня, только помощнее чем у Аисаки. Скорость исполнения колдовства у принцессы, если и уступала моей, то ненамного. Била она неприлично сильно для одиннадцатого уровня. Волшебная палочка из сплава красного ридия с геркулитом: во-первых легче остальных, во-вторых, сильно мощнее. Имбовый артефакт, завидую.

Аиша еще вечером рассказала, как ей повезло наткнуться на огненного великана. Один из импов задетый волной воды сразу не умер, а попытался убежать. Аиша погналась за ним, больше от скуки и нарвалась на сверкающую кучу чего-то дурно пахнущего. Недолго думая, она врезала ледяной сосулькой по этой куче, разбудив огненного великана.

Тот поднялся и отоварил в ответ шаром огня, который срикошетил от артефакта отражения, выключив его наполовину. Именно этот шар огня я с Каей увидел в воздухе как салют. Дальше она отступала, пытаясь убежать, прибежавшие телохранители вступили в бой, пытаясь отвлечь великана, но получилось только растянуть агонию. Хорошо, что мы подоспели вовремя.

«Ну да, чего тут думать, — оценил я. — Есть «Волна Воды» массовое АоЕ, быстрое и мощное заклинание. «Оковы Льда» замораживающее заклинание, лишаящее врага сознание на несколько секунд. «Ледяной болт» сбивающий с ног и прилично наносящий урон. Есть «Водоворот» заклинание с растягивающим эффектом как мой «Щит Тьмы». Он на большой области применения кастуется и выпадает как дождь. В обычной — наносит урон, поднимает цель в воздух, на метр и там развеивается, отчего цель падает на землю, опять получая повреждения. Скажете, метр — это мало? А если проточить заклинание?

И вот — маг, с топовой волшебной палочкой, разносящий всё вокруг как пьяный тракторист на детской площадке. С заклинаниями, которые рассчитаны на агрессивное подавление и контроль, встречает какого-то непонятного монстра — даже просто неопознанную кучку чего-то непонятного. Первое его действие? Да убить нафиг — потом разберемся что это было.»

— Ты поняла свою ошибку? — спросил я её.

— Э-э-э? — результативно проблеяла Аиша.

— В любом непонятном случае, — внушительно сказал я, — в любом! Тихо отступаешь с места события. Это не трусость — это способ выжить.

— Семпай знает, что говорит, — серьезно сказала Кая, — он выжил там, где полегла вся пачка наших и куча отступников.

Аиша посмотрела на нас, прониклась, вскинула два пальчика к виску и отрапортовала: «так точно, семпай!» А ведь еще вчера я был в ужасе от своих педагогических талантов. Жизнь-то налаживается.

Я сгонял за парнями обратно, и мы избавили покойного от доспехов. Шлем был сильно

вмят, его содержимое растеклось, размазалось по стенкам — работа была трудной, но я только командовал. После, мы замотали тело мешками, привязали к жердям, приделали лямки подмышки носильщикам для устойчивости и для того, чтобы высвободить руки. Затем, сыновья старосты с трудом и совершенно героически перелезли через мост. Там они отправились по своему маршруту, а я вернулся к девчулям.

Настало время мести великанам.

Мы подошли к тропинке, что заворачивая вокруг горы, шла к логову великанов. Точно помню, когда наша гильдия приходила сюда выбивать камень Тафирима — никаких великанов в помине не было, а тропинка после плато вела к обрыву.

— Кая, — тихо инструктирую лисичку, — скользящей походкой выходишь, осматриваешься, видишь великана, убеждаешься что он один, даешь стрелой в колено и к нам. Великана — два, на приличном расстоянии друг от друга, кидаешь камешек, показываешься одному на глаза и к нам. Три и больше великана — осторожно отходишь.

Кая поднимает два пальца буквой «V». Легонько разминается позёрствуя, и уходит.

Секунд через двадцать там срабатывает двигатель Камаза. Я стою метрах в тридцати, напротив тропинки в кустах, в маскнакидке. Аиша спряталась дальше за камнем. Если что пойдет не так, она точно выживет.

Кая вылетает словно на коньках, противоторпедным зигзагом, земля чуть дрожит и показывается великан. Кая пролетает мимо меня и останавливается поодаль с любопытством наблюдая. Я выпрыгиваю метров за десять до великана и делаю «пух». Снаряд летит дальше, исчезая из поля нашего зрения и мне с небольшой заминкой после первого, падает еще больше — намного больше опыта, чем за великана.

— Ого, — подала голос Аиша, — там походу еще кого задело. — кричит шепотом — Я уже двенадцатая!

Да мы уже поняли — сами все возвысились.

— Много там великанов? — спрашиваю Каю, — и что за местность?

Оказалось, что тропинка, выводящая к обрыву, сейчас выводит к перешейку, за ним вроде долины между гор. Видимо, сошел ледник, обвалил гору, часть обрыва засыпало, возник перешеек. Слева от перешейка из растаявшего ледника возникло озеро. С долины приперлась семья великанов и обосновалась тут. Двоих мы убили — сама Кая видела еще трех.

— Обидно, слушай, — убедившись, что с этого выпали только три слитка серебра, обратился к девчулям, — добьем поганцев?

Кая подтверждающе вильнула хвостиком, Аиша томно махнула ресничками.

— Три кило серебра — это шесть золотых, — сказала Аисаки.

Типа, зажрались вы, батенька: с искаженной поляны на всю нашу пачку пришлось бы золотых восемь, если бы утащили все ресурсы. Я там пол-поляны, по-быстрому ободрал и свалил, вряд ли вышло больше. И это считалось бы огромным кушем. Но вместо этого все там и полегли. А тут шесть золотых: никто не умер и даже не испугался. Ну как не умер? Великан вот погиб за металл. Но он неразумный и необузданный монстр — туда ему и дорога. О зоопарках из великанов подумаю после мирового господства.

— Я с четырех лет монстров убивала, вся прибыль в ресурсах составила около двадцати золотых, — скромно сказала Аиша, — щит и сапоги из болотного ящера.

«Сапоги неплохие, — прикинул я, — полтора золотых точно стоят. Скромно, но она же не задания выполняла. К тому же некоторых монстров можно разделить на ингредиенты.»

— Мы богаче принцессы, — подмигнул я Кае.

— Вот еще, — вздернула носик принцесска, — у меня приданого тыщ пятнадцать было года два назад, как посчитали. Но еще братик, папанька и маманька назаносили за это время. А в моем кошеле тысячи две лежит. Все равно не на что тратить.

«Ну норм, пару Самуров купить хватит, еще на десяток деревенок останется. И это в то время, когда денег — монет как таковых должно быть мало. Главное богатство — земли, люди, власть»

— Не дело это золотым лежать в одиночестве, — задумчиво сказал я, — надо же в бизнес пускать, оживлять производство, стимулировать торговлю, строить города, разрабатывать новые технологии.

— Фи, — выразила свое отношение к этому Аиша, — хочешь одолжу, вот ты и занимайся, — и нагло подмигнула.

— Я подумаю над вашим предложением, гражданка Ирраера, — с каменным лицом промолвил я. — Кая, давай осторожненько вытяни по одному, трех оставшихся.

Я расстрелял великанов, времени это заняло немного, но шуму и пыли от снарядов, улетавших вдаль, наделало в горах прилично. Аиша взяла тринадцатый, побесновалась, томно глазенками на меня позыркала и чмокнула на радостях Каю. Аисаки взяла десятый, радовалась не меньше, но чмокать никого не стала — застеснялась. Я достиг двенадцатого: приличных умений ни Света, ни Тьмы на этом уровне не было, не тратил опыт ни на что. Аише упала «Форма Льда» — заклинание, покрывающее скользким льдом область в тридцать квадратных метров перед магом. Хорошая вещь. Мага, конечно, можно обойти, но если в эту форму попал — уже не встанешь. Для фарма — самое то. Аисаки, как я посчитал, даже посильнее повезло: выпал «Тихий Шаг», самое то для разведчика на ферме. Делает невидимым для монстров на минуту.

— Круто Кая, — поздравил я её, — теперь не страшно тебя отпустить на ту сторону посмотреть кого мы убили. Кармы у тебя за шестьсот: предлагаю обнаружение на десяточку, шаг на девять точнуть.

Кая скромно согласилась. А вот Аиша для заточки выбрала водоворот. Я начал спорить: форма льда как по мне нужнее: водоворот — контроль для единичной цели. Убедил сделать как у Каи: десяточку к водовороту, на девять форму льда. Прибавило очень здорово: водоворот поднимал почти на шесть метров, контролировал на пять секунд дольше, урона наносил раза в два больше. А потом еще с шести метров упасть — там редко кто без сломанных костей встанет даже без первоначального урона от магии. Самое главное, на монстров выше уровнем теперь её заклинание начнет проходить успешнее.

Кая отправилась смотреть кого же я там случайно убил вместе с великаном, а мы уселись с Аишей на шкуре, оставшейся из пожитков семейства великанов, и принялись ждать.

Принцесса сумела просидеть в тишине не больше минуты.

— Джерррк, — спросила она, — как мне дальше жить?

— Больше гулять на свежем воздухе, — задумчиво сказал я, — завести собачку, питаться сбалансированной пищей, чтоб мясоросло там, где надо.

Аиша покраснела и топнула ногой.

— Ты вчера едва не умерла, — мягко произнес я, — подумала, что в таком случае с родными бы было?

— Это жизнь, — сказала она, — в ней всегда умирают.

— Но ты прямо чересчур торопишься, — заметил я.

— После Создателей жизнь словно остановилась и двинулась назад, — сообщила Аиша очевидное, — девятьсот лет мы только деградируем. У моего мага-наставника была летопись сказаний эпохи Создателей. Там половина заклинаний не знакомы ни мне, ни наставнику. Прожить всю жизнь и взять тридцатый к концу? Это же начало, когда потенциал магии только начинает раскрываться. Я такого не хочу, понимаешь?

— При чем тут я? — мне не пришлось даже удивляться, — ты вроде как моя ученица, мы тебе тринадцатый взяли. Сидим тут, беседуем, спокойно и без отжиманий. Дело в Шайне и Шайреде Четвертом, твоей матушке, брате и паре тысяч дворян, которые не поймут если ты станешь авантюристкой в жопе мира. Ко мне какие вопросы? Дело твое: живи быстро — умри молодым.

— Лучше умереть среди своих друзей — чем позволить умереть своим мечтам, — выдала мне она.

— Никто из моих друзей не умрет, — заявил я, — не в мою смену. Но доказывать это Шайреду Четвертому я, конечно, не буду.

Она покрутилась, посмотрела на меня исподлобья, вздохнула, бросила еще один жалобный взгляд.

— Не, не, зайка, — припечатал я, поймав её взгляд, — никуда с тобой я не поеду и ни с каким королем говорить ни о чем не буду. Это бессмысленно и опасно. Вырастешь — приедешь.

— А ты уже пятидесятый возьмешь, — залилась она слезами. — И женишься!

Да что такое: порешь — плачет, споришь — плачет. Мы вообще-то не в женском романе. Сидит, ревет: зачем, почему — непонятно. Никто еще не утонул. Не обвинил в узкофобии. Не послал нахер в конце концов.

— Да ты, не реви, — сказал мягко и стукнул кулаком себя в сердце. — Этот Боливар магического исека вынесет всех!

— Ыыыы, — раздалось в ответ.

Подошел, обнял истеричное худенькое тельце. Рубаха на груди сразу намокла. Жалко же девчулю. Когда еще вот так на природе поплачет спокойно? А кругом горы — красота неопишуемая. Затихла вроде. Отстранил от себя, а там реснички мохнатые взмахивают, глазища — синие-пресиние гравитационную силу проявляют, я же сейчас в них коллапсирую!

— Да хоть семь раз женюсь, — говорю ей, — всё равно же приедешь и всех разгонишь, — и улыбаюсь.

— Я только Каю потерплю, — отвечает оторва.

Спелась значит, бандитки. Застолбили, поделили, пометили. Но как человек толерантный я не вправе осуждать их культуру, традиции и обычаи и должен отнестись с пониманием!

Аиша вдруг качнулась ближе, привстала слегка на цыпочках, запрокинула на меня руки, зажмурила глазки и робко выпятила губки вперед.

«А вот тут, бро, — сказал внутренний голос, — не облажайся. Оттолкнешь — не простит, поцелуешь взаправду — я буду клевать тебя оставшуюся жизнь».

Я тихонько приблизился к её губам и осторожно коснулся своими, прижался секунды на четыре, проторил дорожку от губ по щеке до ушка и прошептал: «Возвышение с поцелуем. Ты получила всё, что захотела. Теперь я хочу, чтобы ты побыла хорошей».

девочкой».

— Да, семпай, — пунцовея, согласилась Аиша.

Говорят, первый поцелуй лучше первого завоеванного королевства. Будем проверять.

— Целуйте почаще малых детей, — раздался бодрый голос Каи, — в мире будет светлей и теплей!

Аиша, скрывая стеснение бросилась было к лисодевочке, но тормознула на полпути. В правой руке Аисаки тащила голову какой-то страховидлы: птичья голова с жалом, внизу высунутый язык, фасеточные глаза навывкате. Вся в пыли и крови — голова выглядела жутковато.

— Это то, что я думаю? — мои брови сами подлетели вверх.

— Горный Палач, — выдохнула Аиша.

Кая подошла и мурлыкнула: «моя очередь», без всякого стеснения, влажными губками мазнув по моим. Принцесса вздрогнула и странно посмотрела на нас.

— Да не дуйся, Аиша, — рассмеялась Аисаки, — не смогла удержаться, когда увидела, что с нее выпало кроме сорока золотых. Так и сказала сама себе, вернусь — расцелую Джерка.

С этими словами, отложив голову монстра, она вытащила, заткнутую за ремень сзади книгу на которой было написано «Книга Порталов». Тут я присел и задумался. Было от чего. Все заклинания магов делились на стихийные. Между тем, абсолютно все от одаренного до бомжа в канаве, могли выучить, — по падающей с маленьким шансом из некоторых монстров книге, — не стихийное заклинание. При Создателях между королевствами была порталная связь. Стояли порталные арки, по которым можно было перемещаться по всему материку. Выбил такую книгу — мог жить безбедно оставшуюся жизнь. Всех дел: выучить заклинание с книги, найти свободную арку\построить арку\быть принятым на работу в качестве мага порталов при чьей-то арке. Далее, запитать своей маной арку, отправляя желающих в путь. Если ты неодаренный можно было купить усилитель импульса и пытаться пока не получится пусть и самый слабый, но сигнал магии и тогда арка включалась. Можно было создавать свои порталы, но это уже было труднее: расходы на ресурсы, постройка арок (в заклинание было вшито ограничение по активации не больше двух), разрешение от других государств, если портал межгосударственный.

В Самуре кстати, арка тоже стояла, пока — поскольку все порталышки вымерли от бед или по старости — её не использовали для оформления фонтана в центре города. Наверху фонтана присобачили гномон — солнечные часы. Выглядел это как плита из гранита, приподнятая на угол в шестьдесят градусов, с воткнутой в центр палочкой и делениями 0, 3, 6, 9.

Представьте насколько упала экономика после замирания торговых связей. И насколько её можно поднять если на выбивать таких книг. Только Горный Палач настолько ужасная в своей среде обитания тварь, что охотиться на неё себе дороже.

— Километра три до нее было, — рассказывала Кая, — тело разнесло, одна голова валялась, куча щебенки и пыли, сама гора теперь с большой выбоиной. Никаких монстров не видела, подошла и с края, взглянула на долину. Большая, зелёная, от перешейка начинается озеро — всё что могу сказать.

— Если километра три — это никак не магия, — рассудила Аиша, — магия в основном метров на пятьдесят работает, кроме специализированных заклинаний, что могут и в ста метрах зацепить.

Кая пожалала плечами.

— То есть тебя двустихийная магия уже не удивляет? — ехидно поинтересовалась она у

принцессы.

— Джерк круче Создателей, — вынесла приговор Аиша, — раз соорудил такое оружие. И хищно посмотрев на меня, облизнула губки.

— Монстров точно не было? — уточнил было я, но понял: если и были Горный Палач всех расшугал.

— Глянем долину? — вопрос тоже мимо, мои бандитки всегда за приключения.

Стою, сам с собой разговариваю. Вот она — старость крадет. А всё из-за книги, выбила меня из колеи. Очевидно же, не мне учить. Я во главе отряда нужен, на передовой, а не перебрасывать подкрепления. Или с торговлей, что решать, а не отвлекаться на запитку портала. Не могу же я разорваться. И кандидатур подходящих нет — кому такое доверить?

— Папаня за книгу тыщ пять отвалит, — сказала Аиша, прочувствовав мои терзания, — может даже шесть. Или начнет прикидывать как её отобрать силой. Книга уникальная, но пользователей к ней нет. Две порталные арки погоды не сделают, но иногда могут быть критически важны. Пять-шесть тысяч — да, интересно. Больше: лучше отнять или уничтожить, чтобы никто не пользовался.

Вот удивила, не можешь купить — отними. Всегда так было в средневековье. А пять тысяч золотых, солидное состояние. Но заниматься им, значит погрязть в финансах и остановиться в возвышении. Вот построил ты бизнес, а потом советник короля пришел и отнял его, ну или герцог какой — да не важно. Принцип такой: нет силы, нет союзников, нет власти — значит отберут рано или поздно все же, что нажито непосильным трудом. Включая Каю.

Я посмотрел на Каю. Она, размахивая руками, показывала насколько здоровый был Палач.

Нет, допустим её забрать вряд ли получится с такой прокачанной пассивкой: вытащит фальшон, помашет им и дальше спокойно пойдет. По лежащим внизу трупам.

Я посмотрел на Аишу. Она задумчиво почесывала затылок волшебной палочкой, слушая Каю. Эту, чтобы забрать сначала надо Шайн покорить. В последний раз Южная Каталія пыталась, многие после той вечеринки не выплыли.

Кладу книгу в инвентарь. Бизнес-империя тихо вздохнула и отошла на диванчик с чипсами.

— Ох, девчули, — обнимаю я их за плечи, — хотите цветочков каких для личного гербария из чудесной долины?

Так и пошли: я в центре, две красотульки по бокам. И не нужны никакие Елисейские поля, Виа дель Корсо или Пятое авеню с завидующе-восхищенными взглядами зевак, когда рядом два бьюти-амбассадора мира фэнтези. Вышагивают: смертельно-опасные, невысказанно притягательные, во всей красе своей юности, прижавшись к человеку, который «круче Создателей». Время создавать свою религию!

Здесь мы подошли к перешейку и пришлось гордыню поумерить и выпустить вперед Каю на разведку. Сам я переместился в центр, а замыкающим поставил Аишу. Тактикульно же. Всё по военной науке, наверное.

Раньше это плато после четвертой пещеры импов заканчивалось пропастью метров в сорок. Но сошел ледник с частью горы и пропасть перекрыло. Потом была сель, вероятно, в общем сейчас две горы соединял перешеек, а спуск в открывшуюся долину хоть и не был комфортен, но возможен.

Дальше опять шли горы, возможно даже с другими долинами, кто их знает. Геологов в

Шайне не было, слегка не до этой науки было. По идее Шайн был самым южным королевством, упираясь в непроходимые горы. Поскольку он так надежно был защищен с тыла, королевство находилось в стратегически выгодном положении, много воевало раньше, захватывая земли, формируя альянсы, сильно влияя на международную политику близлежащих государств. Насколько позволяла ситуация. Все же Нашествия были непредсказуемы.

Вчера взял городишко, а завтра там подземелья с демонами открылось. Такое себе удовольствие с пьяными солдатами отбиваться от Нашествия. Те же самые великаны в количестве пять штук. Да, по канатному мосту не пройдут — он не выдержит. Но это сейчас их пять. Через год семь. Через два — десять. Через пять лет заваливают пропасть камнями и сотня этих упырей разоряют деревни, а следом штурмуют Самур с юга. Да город будет готов, с юга еще приличная стена с башенными баллистами, в него стянутся шесть тысяч окрестных крестьян, которых можно заставить вырыть ров, есть пара приличных магов Воды, с десятков посредственных — залить ров водой. Плюс пару сотен нормальных бойцов наберется. Но в общем городу — хана, если великаны начнут обходить город с тыла, где простые бревна и оградка из камней.

— О чем думаешь? — негромко спросила Кая, мониторя местность впереди.

Изредка она оглядывалась, запуская «Обнаружение» назад. Её проточенное заклинание било сейчас на расстояние большее чем обычное. В теории она заметит другого разведчика раньше, чем он её.

— Думаю, а что если бы мы не пришли и не почистили от великанов плато, — сказал честно, — когда началось бы Нашествие, лет через пять или раньше? И смогли бы мы отбиться?

— Годовалый великан не так опасен, — вступила в разговор Аиша, — великанов было три самца и две самки. Период беременности — год. Выносят одного. Значит второй год — семь великанов. Третий год — девять плюс неизвестное количество от самок, что вступили в репродуктивный период. Лет восемь-десять до часа икс. До этого Гильдия Авантюристов обязательно их заметит, сообщит наместнику, он — Королевскому Совету, а мой батюшка пошлет войска с Шилнагаилом. Всегда так было.

— Это если наместник нормальный, — буркнул я, обернувшись к Аише — наш даже с ужаснокроликами разобраться не хочет, сваливает на гильдию, но задание официальное не выдает. Профессионалы без награды не работают.

— Это Гортам Затарийский, — наморщила лобик принцесса, — туповат и вороват, склонен к азартным играм, но предан. Раньше был наместником Васовера, крупного приграничного города, но после скандала со мздоимством зарубежных купцов был переведен в Самур.

— Плохо в королевстве поставлена кадровая служба, — резюмировал я, — такого даже в крутильщики вертелов ставить опасно. Обглодает тушку.

Принцесска хмыкнула:

— Много ты в службе понимаешь!

Все же прорывалось в ней это королевское высокомерие временами. А так девочка хорошая, активная, наполняет жизнь новыми впечатлениями.

Кая тормознула у наиболее, на её взгляд, подходящего места спуска. Покатый склон из камней и земли, еще не заросший травой, но жизнь это быстро исправит.

Аисаки изящно заперебирала ножками, где-то пластично скатываясь, где-то

притормаживая и перепрыгивая на твердую почву. Вздохнув, я двинулся следом.

С той горы, где было плато ликвидированных великанов сверху бил ручей. Съехавший ледник растаял не до конца и в глубине озера еще видна была ледяная синь. «Рыбу бы сюда запустить», — по-хозяйски думал я, осматривая округу. Долина одуряюще пахла разноцветами и приключениями. Через километр долина изгибалась, уходя в сокрытые горами от взгляда просторы. Озеро занимало большую часть видимой долины, но места оставалось достаточно для передвижения даже большого отряда, хотя заметно заросла травами, где-то и в метровую вышину.

— Шай-кале, Ррес цветковый, трюидный Ромен, — бубнила тихонько Шая, — Базилика озерная, Аквилегия королевская.

Это она травы перечисляла. Прекрасные, полезные, дорогие травы, использующиеся от специй до медицины и в артефакторной отрасли. Аиша довольно улыбалась-улыбалась, а потом вдруг помрачнела.

— Эй, ты чего? — спросил я, заметив мрачную тень, набежавшую на юную мордашку.

— Поняла, что если без меня, ты мог претендовать на свой аллод от этой долины, — честно выдала она.

Тут дело такое: исследователи, с отрядом или без, открывавшие неизведанные территории и автоматически присоединявшие территории к своему королевству получали аллод, размеры которых зависели от присоединяемой территории. Была специальная таблица: землю мерили, потом Королевский Совет выносил решение сколько удачливому молодцу земли выделить и где. Обычно — это процентов 10–20 территории. Король давал грамоту, дворянство, если его еще не было и свою руку — нет, не для рукопожатия — для поцелуя. Но тут, формально, хоть я глава отряда, главная — Аиша. Дочь короля, присоединившая под власть Шайна новые территории. Звучит эпично.

— Все равно я буду королём не здесь, — пожал плечами, — Шайн, его дворянство и земли в нём, мне ни к чему, так, стартовая позиция для роста.

Принцесска злобно запыхтела, словно чайник на костре, от моей показной дерзости. Не, ну правда, а то мне Аишу отдадут в жёны и возведут в королевское достоинство? Даже если бы отдали — править после Шайреда будет Шилнагаил.

Продвинулись до изгиба по краю озера и Кая осторожно высунулась и тотчас подняла руку вверх

— Гоблины!

Прозвучало это очень странно. Гоблины здесь водились: племенами, поодиночке, бандами, но в лесах. Больше всего на востоке королевства. Часто селились рядом с империями орков. Вот так, чтобы в долине их встретить... В закрытой от всех долине... Их должно быть очень много, если только они себя не каннибалили. Или суперхищники вроде Горного Палача ими не лакомились.

Я осторожно выглянул вслед за Каей. Местность дальше чуть возвышалась, горы расступались, долина становилась шире и холмистее. Вдалеке виднелось какие-то вигвамы, какие-то копошащиеся точки, лента реки, лесок. Гоблинов не было видно.

— Трое в засаде или сторожевом посту, — шепнула беззвучно Кая в ухо. — семьдесят метров на три часа, под зарослями малины.

Я всё равно ничего не увидел, хотя... какая-то кучка камней пошевелилась, выдав себя.

Втянувшись обратно, я поставил купол тьмы, и мы уставились друг на друга. Тихий шаг к ним подобраться не позволит, он действует только на монстров. Гоблины — разумная раса. С той поправкой, что людишек не любят, жрут и насилуют. Антагонисты в общем, как и орки.

Любой из нас этих троих в одиночку по идее разберет: вопрос только с каким шумом. От моего дота гоблины будут визжать пока легкие не выплюнут, от Каи они будут визжать сначала от радости, увидев такую красоту, потом — оплакивая отрубленные конечности. От Аиши... ну взвизгнуть в порыве страсти успеют, но в две волны воды она их разберет.

При любом раскладе — шум будет. Уверен, среди них и разведчик есть с обнаружением. Уж он-то успеет убежать, вереща непотребное. А выманить их... Я оценивающе посмотрел на Аишу. Одеть, в смысле, раздеть её как беженку, показать её издалека — гоблины падки на человеческих девочек. Поэтому, кстати, в рейтинге людской ненависти они где-то между орками и песчаным синенсисом. Последний если что, такая страшная тварь, что при виде неё орки разбегаются.

— У тебя взгляд как у мытаря, — сердито сообщила Аиша, поёживаясь.

— Я тут думаю тебя на приманку пустить, — не стал скрывать правду.

На удивление она ни капельки не испугалась. Как будто всегда так было. Сражение — и принцесску впереди войска пускают на приманку. Пожар какой — она с чумазой мордочкой, первая водой пламя заливают. Ростовщику в морду дать? На тебе, с оттяжкой, рукояткой волшебной палочки по зубам!

— Не страшно? — спросил ласково.

— Хе, хе, — похихикала принцесса, — зеленые недомерки и Аиша Величайшая?

— Только это, — помялся я, — для образа придется раздеть тебя до рубахи... да и её художественным образом порвать. Опять же, гоблины при виде полуобнаженного девичьего вида теряют голову.

— Я расоведение проходила, — поставила меня в известность Аиша, — Рвать-то кто будет? Это филькупе из лунной агавы.

Мне тут немножко поплохело и дело даже не в цене этой роскоши — тут циркулярная пила понадобится. Я посмотрел на Каю, но она только поморщилась.

— Сначала кольцо, — поставила она ультиматум, — потом рви че хочешь.

Делать нечего, я расстегнул жилет, снял его, потом рубаху. Кая стеснительно пялилась, принцесска косилась украдкой. Повалился на земле, попросил Аисаки проткнуть рубашку в паре мест, надорвал ворот. Расширил отверстия. Посмотрел на Аишу.

— Раздевайся уже, ваше высочество!

— Джерк, ты идиот? — грозно спросила Аиша.

— Нет, я мечтатель, — проворчал, поворачиваясь спиной.

Раздался шорох снимаемой, потом одеваемой одежды. Я повернулся, выждав приличный минимум. Ну что сказать. Странно себя ощущаешь, когда у всех рубашки, а у тебя её нет.

Принцесса деловито прилаживала ножны магпалочки под мою рубаху. Сквозь прорехи рубахи, доходившей ей до колен, вырисовывался красный лиф, окаймленный черным по бокам. Мелькало голое тело, но я сосредоточился на главном — подходящей к месту шутке.

— Ты бы знала, Аиша, — проникновенно сказал я, — как мужчины не хотят отпускать от себя девушек, одетых в твою же рубашку!

— Это говорит только об одном, — она резко развернулась, задев меня блондинистой волной волос и добавила лукаво, — если не осталось ничего одеть кроме чужой рубашки, девушкам стоило бы уйти от таких аферистов гораздо раньше.

«Красава, че, — печально-радостно подумал я, — побила меня на моем поле юмора. Такой девушке можно дать право залезть в твою жизнь».

Кая ободряюще сжала плечо принцессе и та, не оборачиваясь, вскинула кулак, постояла секунду, упала на колени и поползла, рыдая и всхлипывая по траве.

— Помогите! — тоненько кричала она сквозь слёзы, скрываясь из виду и попадая в поле зрения дозорных гоблинов.

— Уверен, у них есть разведчик, — прошептала Кая то же самое, что подумал я, — сейчас они заметили её, а разведчик кидает обнаружение.

Мне было немного страшно. Все же принцесса, а мы её на передовую отправили. Суровая необходимость: Кая так быстро гоблинов не убьет как Аиша. Пока лук достанет, пока три раза натянет. Да и не убьет с первого выстрела.

— Двое идут, — поставила в известность Кая, — третий держится позади. Когда он приблизится на дистанцию своего обнаружения — оно купол тьмы пробьет?

— По идее нет, — ответил я, — просто обнаружит неизвестный источник маны.

— Гоблы! О нет! Нет! — высокохудожественно запищала Аиша, — Создатель спаси!

Тут уже послышалось радостное верещание гоблинов, звуки шелеста травы, а Кая объявила, что третья фигурка быстро догоняет своих двух товарищей. Ждать мы больше не стали и выскочили из поворота.

Я так и знал, что помощь не понадобится, но зрелище как привлекательная девчуля, эротишненько ползет на коленках, отогнув попу, испуганно оборачиваясь и блестя глазками на набегающих уродцев, а потом одним прыжком поднимается и с разворота бьет волной воды по гоблам — щекочет нервы. Уверен, и лицо её — испуганное и мокрое от слёз — переменялось в мгновение ока в холодную маску смерти, а гоблины даже не поняли, как из охотников стали дичью.

Представьте ситуацию, бежишь такой, все мысли как ганг-бэнг устроить попавшейся красотке, а потом в секунду «пиу-пиу, пыщ-пыщ» и темнота.

— Гражданка Ирраера, — торжественно объявил я, — от лица гильдии выражаю вам благодарность за убиение опасных бандитов по системе Станиславского. Ваш лицедейский

подвиг будет царить в учебниках по тактике.

— Примерно с таким лицом, — подколола Кая, — я тебя перед алтарем представляю.

Аиша подошла и лениво пнула мелкого зеленого уродца с луком.

— Оскорбление королевской фамилии карается сдиранием кожи, — сообщила она трупку.

— Что-то я сейчас неуютно себя почувствовал, — проговорил я, вспоминая детали нашего знакомства.

Принцесска обернулась и показала мне язык. Никогда прежде в такой веселой группе корованы не грабил.

Осмотрели сторожевой пост в зарослях. Там валялись три мешка, копья, шлемы и два гамбезона. Налегке побежали за принцессой, скинув неудобную защиту. С их места расположения открывался вид на поселение гоблинов. Несколько круглых шатров и вигвамов в низменности у реки на расстоянии километров трех от сторожевой позиции. Сейчас примерно обед, судя по дыму поднимающихся костров и кучках, собирающихся обитателей, еле видных на таком расстоянии. Я насчитал около ста жителей — то есть бойцов из них 20–30, вполне по силам нашему отряду. Ведь если я правильно понимаю, вон тот ритуальный камень в центре поселка — место захвата территорий.

Поделился мыслями с девчулями. Сказали, что ждут от меня плана по ведению боевых действий.

— Всё просто, — бодро сообщил я, — заняв господствующую высоту, обработаем позиции врага из тяжелого дальнобойного супермощного оружия, посеяв панику. Заметив оную, авангард в составе гениев магии и разведки Шайна, выдвигается вперед, подавляя сопротивление всеми доступными способами. Первоочередная цель — командующий состав и кучки скопления живой силы врага. При возникновении внештатной ситуации либо закрепиться на позициях, либо отступление ко мне.

Девчули дружно покивали головой и, пригибаясь, начали выдвигаться вперед. Я же, взяв гоблинские копья, воткнул их перекрестно, уложив в центр получившийся «Х» рельсотрон. Надо быть честным — хрен я куда попаду с него на трех километрах. Но «хрен куда попаду» занимает область диаметром метров семьсот, так что приемлемо. Подождав, когда девчули подкрадутся к началу деревни я начал обстрел.

На перезарядку рельсотрона уходило секунд пять-шесть. Выстрелил, задействовал ремонтный артефакт, крутанул заглушку, вложил снаряд, выстрелил. Целился в шатры, здраво рассудив, что военно-политическое руководство деревни находится там. Попал из десяти раз только один. «И только из высокой удачи», — подсказал внутренний голос.

Сверху мне казалось, что особого эффекта нет. Ну взметались вверх столбы огня, пыли и земли, слабенький грохот доносился. Гореть там особо было нечему, но кинетическая энергия перегретого снаряда так, конечно, не считала. Шатер куда попал снаряд, снесло поднявшейся волной пыли и пламени. Гоблы после первого взрыва ошалело подняли глаза вверх, после второго забегали, после третьего увидели демаскирующие позицию стрелка огненные шары плазмы. Знание того, что в трех километрах от них, какой-то маг использует могучее колдунство, боевой дух им совсем не подняло. Шестым снарядом я попал в собирающуюся кучку зеленого народца. «Прикольненько», — подбодрил себя. Смотреть сквозь «кильватерный конус воздуха», когда снаряд изгибал воздух, собирая его в складки, тоже было очень необычно. Отстреляв десяток болванок, я побежал за девчулями, которые уже вступили на территорию деревни.

Кая щелкала из лука, Аиша небрежно кидала волны воды, перемежая ледяным болтом, организованного сопротивления не было. Толпа гоблов сгрудилась у реки, изредка шарахаясь в нашу сторону, тотчас сминаемая волной заклинания. Я накинул на гоблинов погибель — в толпе раздался страшный вой. Антагонисты — антагонистами, а всё равно жалко стало. Покосился на девчонок: у них сплошной «кавай-убивай», никаких рефлексий. Рассказы о том, как гоблины забавляются с молодыми девушками — каждая, выслушивала не раз. В их горящих азартом глазах не было никакой жалости.

Через минуту дот дожег здоровье оставшихся, Аиша добила всех одной волной, и мы развернулись назад. В центре деревни Аиша подошла к ритуальной стеле, посмотрела на меня — я кивнул, и приложила свою руку.

Аиша Выдающаяся присоединяет территорию Чудесной долины к королевству Шайн. Благое деяние увеличивает урожай на территории всего королевства и моральный дух её жителей.

Системное сообщение было особенным, видимо такое случалось очень редко.

— А ведь меня называют гениальной — проворчала принцесса.

— Льстят негодяи, — сказал я, — да и с выдающейся поторопились, ну что там у тебя выдается в твои годы? Носик?

Кая обняла сзади Аишу.

— Сестренка вырастет и будет самой красивой!

— Зато можно разглядеть моё большое сердце, — коварно заметила гениальная, — и сравнить со своим гранитным камушком.

Я сделал вид, что трагично схватился за свое сердце и пропел:

— В этот вечер снова ждет тебя другой\ Это он украл любовь у нас с тобой\ Не ходи к нему на встречу, не ходи\ У него гранитный камушек в груди

«Гитары прям жестко не хватает для таких номеров» — подумалось мне.

— А это не я должна была спеть? — усомнилась Кая.

— Напьемся и spoём все вместе, — рассудил я, — сегодня же после возвращения в Самур. Повод есть! Теперь представим, что я большая уютная гавань, куда вы вернулись после долгого похода и — обнимашки!

Мы обнялись, они подышали мне в ушки: Кая томно, Аиша стеснительно. Сказал им, что мне жалко, что я не осьминог — столько хороших мест, куда можно деть еще шесть рук пропадают. Они похихикали: Аиша томно, Кая стеснительно.

А потом пошли грабить догоревшие остатки поселения. Из одного вигвама вылетел мелкий гоблин с ножом, но получил от Каи по лбу мечугой и умер. В остальном всё прошло буднично: не было ничего важного и хорошего у племени нищих бродяг. Амулет если только из самого первого шатра того, который я накрыл еще издали. Шаманская приспособа на увеличение способности камлания героизма, что увеличивает дальнюю и ближнюю атаку гоблинскому племени. Не стихийная магия, мало кому интересная. Еще в одном из вигвамов обнаружился склад ресурсов, вот тут уже было получше, но оглядев груды шкур, гончарных изделий, корявых копий, связок растений — я понял, что не утащу.

— Кая, как думаешь, из ценного тут что можно взять?

Кая принялась, ушки насторожились. Она выбрала пару невзрачных мешков с

семенами, один с какими-то корешками и несколько пучков уже высушенных трав.

— Аквилегия королевская, — начала перечислять она, — дорого, богато. Посаженная из королевских рук растет быстро, концентрирует магию, плодовые деревья рядом дают удвоенный, особенный урожай. Из лепестков можно делать лечебные зелья, восполняющие магию и здоровье одновременно. Аиша, у вас во дворце такие есть?

— Три куста, — с сожалением ответила принцесса, — больше закупить не успели. Экспорт затруднен из-за плохих отношений с Каталией. Сама знаешь, Аквилегию культивировали совсем недавно, где-то в восточном королевстве. И как растение могло оказаться тут — загадка.

— Теперь будет грядка, держи, — Кая сунула растерявшейся Аише семена.

— Дальше возьмем Базилику, — деловито суежилась Кая, — Марта будет рада купить нужную специю.

— Это если у неё денег хватит, — мудро заметил я, — три килограмма, это же золотых восемь.

— В рассрочку, — решила Кая, — чем больше она нам обязана, тем вкуснее будут блюда.

— Я вообще-то домик хотел прикупить нам, — скромно сказал я, — сколько можно в таверне ютиться.

Кая чего-то вспыхнула, а Аиша скучилась.

— Ну эй, — строго изрек я, — спальни будут три, одна для гостей, и выразительно глянул на Аишу.

— И, пожалуй, — сделав вид, что ничего не заметила, продолжила Кая, — Шай-кале. Лечит зрение, увеличивает способность видеть на дальние расстояния. Для военных, разведчиков просто неизбежная необходимость. Тут в мешочке килограмм, примерно сто порций, десять золотых. Прямо сейчас — лучший выбор по весу и стоимости, остальное не унесем.

Вообще могли, с моим инвентарем, но он забит доспехами телохранов Аиши, с перегрузом ходить опасно.

— Что у нас по опыту? — осведомился я, — на обратном пути, притормозим у импов?

Девчонки устали, да и я изрядно притомился, но Аиша уезжает и вернется ли, или сядет за самоуправство лет до шестнадцати в башню, кто знает? Может отец у неё кукухой поедет, приревнует к славе — выделится к четырнадцати годам именным титулом на весь мир, даже её далекая Шторморожденная бабуля не успела. Засадит её под замок, а потом раз — и замуж. Я-то понимаю, что такое решение — это не лучший способ для самоубийства, но может Шайред Четвертый привык всех через колени ломать. Таковую вот посади в башню, а потом замуж сбагри — придет через десять лет королевой другой страны и на кол, в свою очередь, посадит.

Надо же на перспективу думать! Я жеж вот с Каей стараюсь из неё достойного гражданина и королеву сделать: жизнь спасаем, уровень поднимаем, тактике учим, цветочки дарим, шутейки шутим. Небось в своем дворце привыкла: «да, ваше высочество, сию минуту ваше высочество, не велите казнить, вы гений этой эпохи, а на улицу вам нельзя».

— Да! — подпрыгнула Аиша, — скоро четырнадцатый, у-и-и-и-и, ни у кого такого быстрого развития не было!

— Кроме Каечки, — вероломно сказал я, — вчера из города она вышла пятым уровнем.

— От моей драгоценной сестры, другого и не ожидалось, — показала полную

любяльность принцесса.

Мы проделали обратный путь до пещер, где принялись издеваться над монстрами. Царил полный импозид, Аиша даже предложила закрыть пещеры. Возможность появляется когда добираться до центра обитания монстров, где находится главный монстро-злодей и кристалл Создателей, который генерирует возрождение монстров. В общем, там ждет босс, которого по идее я убью легко, потом сломаю кристалл и приму поздравления. Но нам нужна естественная преграда на пути к долине. Чтоб не растащили наши ресурсы, не загадили самогонной керамикой, следами кострищ и глупыми надписями «Люблю макароны и Лену».

Аиша доводы выслушала, сказала печально: «значит без меня уже пойдете», на что я ласково потрепал блондинистую макушку. Догадливая киса.

Через пару часов, — с еще одним выбитым камнем Тафирима, на который Аиша сверкнула любопытными глазками, — мы все подняли по уровню и усталые, но безумно довольные двинулись по найденной тропинке.

— Быстрее бы в город, хочу джелато и массаж ступней, — выдала Кая. — Аиша пойдешь со мной в купальню?

— Семь бед — один ответ, — тряхнула головой принцесса. — То, что я убежала, отец понял, прочитав надпись о присоединении Чудесной долины и наверно уже спешит в столицу. Шил уже разослал по отряду во все стороны на мои поиски, но раньше утра в Самуре они не появятся. У меня один вопрос: кто будет массаж делать?

— Найдем специалистку, — поддержал я быстренько разговор, пока чего плохого не удумали.

— У нас нет специалисток, — наставила на меня ушки Кая. — может ты умеешь?

— Я всё умею, — гордо ответил, — но не хочу, чтобы вы меня пинали.

— Ты не понимаешь, — округлила глаза Аиша, — это другое!

— Идеальная купальня, Аиша, — говорю строго, — это когда вам по восемнадцать и больше!

— Творцы Всевеликие, — всплеснула она руками, — теперь четыре года не мыться!

Так, дурачась, мы дошли до Рыбьей сопки. Где староста Зурим обстоятельно доложил «господам авантюристам» старательно косясь в сторону, дабы подавить верноподданнические рефлексы, что Дахама лечат у мэтра Лорадана, а тело Марди доставлено к городскому кладбищу для бальзамирования. На приказ выделить транспорт до Самира, дед попросился лично отвезти «господ авантюристов». Принцесса благосклонно кивнула.

Зурим подкатил вполне приличную, крытую тканью сверху, двуконную повозку с лавочками, обитыми сукном. Лавочку я презрел, попросив пару мешков сена, на которые разместил свои натруженные кости. Потом мозг сказал телу «до свиданья» и отключился. Помню урывками девичий смех, падение на мою тушку чего-то мягонького со смущенным «семпай, прости» и всё. Конечно же, я не «простнулся», обиду запомнил, но реализовал только тогда, когда уже въезжали в Самур.

— О-ох, — сладко потянулся я, — хорошо в деревне летом.

Вообще, на календаре уже конец осени, но тепло и уютно — значит, лето.

Девчули сидели напротив друг друга на лавочках. Кая сняла свои шнурованные светло-коричневые сапожки из кожи и водрузила свои ножки на мою правую ногу. Аиша сделала тоже самое: у неё были шикарные, кожаные, расписные... туфли? Полусапожки? Хрен их разберет как они называются. Скорее полусапожки, туфли ведь открывают пятку? В общем, не кроссовки — уже местами уже пострадавшие от приключений. Её ножки утвердились на моей правой мышце бедра и чувствовали себя как дома. При этом она уже натянула свою полумаску, — которую сняла, когда мы с Каей ушли с места обитания импов, — и изящный беретик.

Сходил значит с девчонками на возвышение, потусовался пару дней и уже не герой — так, домашний зверёк. Вот сейчас отомщу!

Я коварно схватил принцессину ножку и пощекотал. Высокий девичий визг разорвал неясный говор у тележки, и к нам просунулась голова стражника в железном котелке.

— Почему нарушаем? — строго спросил он.

Я ответить не успел. Принцесса, подпрыгнувшая на метр от моих щекотаний, уже пришла в себя.

— Пошел вон, холоп! — указала она ему, сверкнув перстеньком на пальце.

Голова нелепо застыла в проёме из занавесок, отделявшую переднюю часть повозки от внешнего мира. Она покраснела, побагровела, но связываться с богатой и вздорной девицей, с перстнем в три его годовых жалования, навскидку, не рискнула и исчезла.

Перед этим я заметил странный взгляд стражника на меня, но не придал особого значения. Стражников много — я один, всех не упомянуть.

— Подлый щекотун, — обидчиво сказала, но не Аиша, а почему-то Кая.

Пришлось уделить внимание Аисаки. Взвизг её был не менее отчаян чем у принцессы, но подпрыгнула она повыше. Причем, думаю она могла легко увернуться от моих загребущих лап — с её-то ловкостью. Но решила самоотверженно пострадать вместе с ней.

— Эм, господа авантюристы, — раздался робкий голос Зурима, — разрешите побеспокоить.

Он неуверенно просунулся внутрь, приободрился, увидев не разгневанную принцессу, но загадочно-улыбчивую незнакомку в маске и берете, довольную Каю и энергичного меня.

— Куда везти господ? — справился он

— В таверну «Улыбка Фортуны», — распорядилась Аисаки.

— Дедуль, по пути тормозни у кузнеца, — попросил я, поймав взгляды спутниц, уточнил, — нужны запасники для сами знаете чего. Минут за пятнадцать управлюсь и пойду к вам.

Нас повезли, по дороге мы еще поболтали, решили распродаваться завтра, ведь уже вечер — надо славно оттянуться перед долгим расставанием — Аиша даже не прикидывала на сколько закроют непокорную дочку в дворце после такого вызывающего побега. Только пообещала, что с батяней разберется «по-любасику».

Я выпрыгнул у лавки кузнеца — сама кузня была сзади — дородного, высокого, почти на голову меня выше, бородача с плечами борца и творческим характером. Заказал у него

новую пачку болванок. Он все же не удержался и поинтересовался для чего они мне.

— Големов буду приманивать, — с каменным лицом сказал я.

Кузнец Исхирос дураком не был, потому ни капельки не поверил. В заброшенной шахте големы начинались с 25 уровня. Жрали они руду, на металлы кидались как кошка на валерьянку, сожрав определенное количество превращались в такого голема, чей металл преобладал в их теле: медного, железного, золотого. Обожали минералы: так что можно было встретить алмазного голема. В теории. Смысла приманивать их куда-то было ровно ноль. Даже упав в пропасть и разбив конечности, полежав некоторое время, они восстанавливались. Далеко от шахты они не заходили, физическая и волшебная защита была одна из самых высоких в мире. Медленные и тупые, они наносили огромный урон, потому с ними и не думали связываться. Государство не смогло — чего ждать от гильдии, тем более простого авантюриста.

— Статую решил наладить, — перевел разговор Исхирос, пока мы ждали, когда его подмастерье бруски подготовит, — из бронзы с серебром.

— Чью статую? — не понял я.

Кузнец возрился на меня как на умалишенного.

— Так Аиши Выдающейся, — с жалостью к раззяве объяснил он, — неужто, Джерк, ты надпись пропустил о Чудесной долине? Спал что ли?

— А-а-а, — разобрался я, — в полный рост будет?

— Хотелось бы, — уныло сказал кузнец, — говорят она на прабабку похожа, но насколько и какого роста, не знаю. Даже представить трудно. Но сделаю всё равно, — твёрдо закончил он. — Деяние подобное, без благодарности оставить — неместно!

— Да че тут представлять-то, — сказал я, — тощая девица, со вздорным характером, наглыми синющими глазами, ростом тебе по плечо. Зубки мелкие, носик хитрый, улыбка хищная, но, когда спит — очень милая. Слегка истерична и очень опасна. Однажды, за слово «доска» вырезала целое гоблинское поселение.

— Принцесса не любит упоминания дерева? — осторожно спросил, похлопавший глазами Исхирос.

— Скорее саму форму, — проинформировал я его, — не вздумай упоминать, что Земля плоская при ней. Волосы роскошные, волнистые, серебряного цвета. Ушки аккуратные, маленькие, нежно розовеют при пошлых мыслях, изредка посещающих царственную головку. Любит унижать оппонента тыканьем указательного пальца с озвучиванием его морально-нравственных характеристик, часто выдуманных. Умна, настойчива, целеустремлённа. Взгляды на мир шире твоей кости. В общем, просто подойди к наместнику и взгляни на картину королевской фамилии в его кабинете. Там всё по её лицу читается.

Думаю, я старался помочь, но мое видение принцессы в голове Исхироса укладывалось тяжело, судя по тяжелому сопению и отсутствующему взгляду. А пойти к наместнику с такой просьбой могло вылиться... да во что угодно: от штрафа до пинков.

Подошедший подмастерье его мучения прекратил, передав мне болванки для оружия. Я распрощался и вышел из лавки кузнеца, где меня тормознули доблестные — хотя кому я вру? — подлые оборотни со знаками городской стражи. Возглавлял их старший помощник Гортама Затарийского — Дубур по прозвищу «Клешня». Правая рука его была длиннее левой, мощнее и волосатее. Обладал неплохим ударом, хотя сила инерции прилично заносила его вслед за клешней. Девятый уровень, щитовик и прикрытие своего босса.

Пережевывая смолу сливового кактуса, он меланхолично сплюнул при виде меня и

приказал:

— Следуй за нами.

— Знаешь, — задумчиво произнес я, — встретить ты меня бокалом хорошего вина, без сподручных, пригласи в заведение мадам Трески, потрясая кошелем с награбленным золотом, выражая глубокое уважение, клянясь в дружбе и преданности, я бы и тогда отказался. Но мы всегда можем сходить к мэтру Лорадану на импульсную картографию твоего головного мозга.

Из всего вышесказанного Дубур понял только одно: его неоднократно оскорбили.

— Взять его, — выдавил он сквозь сжатые челюсти.

Стража было двинулась, но в моей руке материализовалась магпалочка, которой я изящно помахивая, успел сотворить лозу света и разряд. Дубур прирос к земле, второй стражник закорчился, выронив дубинку, а вот третий подскочив, успел шарахнуть меня по голове своим неуклюжим орудием. Успел только отклонить голову, как ключицу неприятно ожгло. Зашипев от боли, я отпрыгнул, колданув на урода стрелу и тот, свалившись, заорал от неприятных ощущений, а бар его здоровья осел процентов на десять. Я мгновенно залечился и успел дать два световых разряда по Дубуру, когда выскочил Исхирос с мечом громогласно крича: «аастанавитесь!»

Ключица уже не ныла, в целом столкновение прошло в мою пользу. Два помятых стражника, со злобой и опаской взирали с земли на меня. Дубур хоть и устоял, после двойного разряда на ногах, но явно не чувствовал себя готовым к подвигам: на его лице выступил пот, жвачка вылетала на кожаный нагрудник, на руках был заметен легкий тремор. У того стражника, что попал под стрелу света был разбит нос.

— Что, во имя Создателей здесь происходит? — удивленно спросил кузнец.

Сама схватка заняла секунд шесть, но потрясенные зеваки уже собрались вокруг и по толпе уже всю гуляли слухи вроде: «юный негодяй, соблазнивший дочь наместника, отказался на ней жениться». Во второй версии я торговал запрещенными в Шайне южнокаталийскими сливовыми кактусами, и начальник стражи убедился в этом на личном опыте. Эти кактусы, вернее их смола, характеризуется разным содержанием в е щ е с т в а и его изомерией в зависимости от места прорастания. Потому, пожевав шайнскую смолу вы бы нагуляли аппетит и настроение, а южнокаталийскую — отъехали бы в миры розовых пони или кровавых чупакабр, тут уж как повезет.

Ни карьера альфонса, ни наркодилера меня не прельщали, и я решил взять судьбу в свои руки.

— Я Джерк Хилл, заместитель гильдии авантюристов Шайна, — вскричал пронзительно и махнул рукой в сторону Дубура, — этот негодяй запрещает кузнецу Исхиросу взглянуть на портрет королевской фамилии, висящей у наместника, что потребно ему для создания статуи Аиши Выдающейся! Статуи, что прославит наш славный город в веках и подарит жителям королевскую благосклонность!

Кузнец нехорошо посмотрел на Дубура, толпа негодуяще зашумела, Дубур от предьявленного обвинения растерялся и осел мешковато на землю.

— Друзья! Мы придем к наместнику все вместе и заставим вынести портрет на всеобщее обозрение, — взревел я, ободренный эффектом.

Хочешь бунта — просто вспомни про принцессу.

Всей шумной, увеличивающейся по пути толпой, мы отправились к ратуше, где осуществлял свою служебную деятельность королевский наместник.

Её высочество принцесса Шайнская Аиша Выдающаяся, Вторая наследница Пресветлейшая и Благотворная, находилась голой и в приподнятом настроении. Причиной было ни обнажение, ни касание струек теплой воды с отваром из цветкового Ррея, лепестки которого покрывали поверхность купальни, даря наслаждение натруженным мышцам. Нет, королевские купальни были роскошнее, больше, с водопадами, с умелыми ручками служанок, ароматными маслами, но роскошь общения с единственной в жизни подругой всё перевешивала.

Тем более, сильные пальчики этой самой подруги сейчас растирали с маслом ножки принцессы.

— А-ах, Кая, — простонала Аиша, — если бы не Джерк, я вышла замуж за тебя.

— Нет уж, — больно ущипнула Аисаки её ножку, — пусть семпай страдает. И вообще, теперь моя очередь, хватит мажорить, сеструля.

Принцесса с разочарованием скривила губки, но поняв, что Кая настроена серьезно окунулась и вынырнула уже с улыбкой.

— У меня для тебя подарок, Кая, подожди меня здесь.

С этими словами принцесса направилась к двери. В её небольшой сумочке, оставленный в раздевалке, лежал роскошный гребень из кости водного келпи, с рукояткой из эсванийского опала. Аиша и сама любила расчесываться им после купания. Волшебные свойства кости придавали волосам необычно блестящий оттенок, хорошо распрямляли, питали и укрепляли корни волос.

Закрыв за собой дверь, Аиша уже было повернулась, как краем глаза заметила движение, на которое отреагировать не успела и оказалась в грубом мужском захвате. К ней прижались, схватили за руки, а чей-то хриплый голос сказал: «попалась, краля, теперь ответишь за холопа».

Рэгхолл «Живчик» за всю прожитую жизнь усвоил простое правило: слабого побори, богатого обери, начальство — боготвори. Три года в страже Самура позволили ему шагнуть по служебной иерархии от простого стражника до начальника патруля. От умения брать взятки он дошел до хладнокровного убийства двух безоружных человек, чем втайне гордился, наблюдая брутального пацана в отражении ночных луж города. Разведчик шестого уровня он постоянно тренировался с Дубуром в команде: не жалуясь на синяки, ночные переработки, беспрекословно выполняя грязные задания. Как-то раз Дубур, после особенно жесткого спарринга, сказал ему, что босс уйдет на повышение в столицу и возьмет с собой только двоих. И кажется, он знает имя второго.

Попасть из простой деревушки с названием Заячья Заимка в Тритикам Сияющий к двадцати годам? Может он даже один из бастардов от благородных — как объяснить такую удачу?

После озвученного Рэгхолл прошатался в патруле с тупой улыбкой до утра, а позже, придя в заведение мадам Трески даже не отвесил обычных пощечин этой тупой корове Глэдис.

Конечно, всякое покушение на свой авторитет Рэгхолл жестко пресекал. Не сказать, чтобы такие бывали часто: обычным людям стража внушала страх, всякие жулики

заискивали, но вот дворяне... Бывали те, что разговаривали через губы, но, чтобы назвать «холопом» честного служаку?! Он еле сдержался, внимание привлекать у городских ворот строго-настрого запретили.

В тот момент он поклялся, что сделает с этой наглой авантюристкой — а она очевидно была из них, раз якшалась с той девчонкой и магом, которого в последний раз видели с живым Миресом, — очень нехорошие вещи. На вроде тех самых, после которых из родной Заимки пришлось бежать. Но можно придумать и что-то новенькое. Все равно мага пустят в расход вместе со свидетелями. Только сделать это надо аккуратно.

Отдав команду проследить за повозкой с девками и магом уличному мальчишке, Рэгхолл отправил сослуживца с докладом Дубуру. Месть никуда не убежит. Наместнику нужны все причастные. Как подарок судьбы он воспринял поручение от старшего помощника наместника отправиться за авантюристками и зачистить их на месте. Дрожащими руками принял артефакт подавления звуков от Дубура и направился на волнующую миссию.

— Они зашли в купальню, — доложил ему мелкий оборванец, подвизающийся на побегушках у стражи и осел на землю с кинжалом в сердце.

Рэгхолл ласково закрыл тому стекленеющие глаза, жаль прикормленную крысу, но таких оборванцев много, а секрет должен остаться в одиночестве. Он перелез через забор на задний двор таверны Марты. Включил подавитель звуков и осторожно повернул дверную ручку. Обе девки были в купальне, толстая дверь плохо пропускала звуки, и он принялся было обшаривать сложенные вещи авантюристок. Один удар решит проблему лисодевочки, а вот со второй он вдоволь позабавится. Не проблема даже если придет Марта. Расследовать тройное убийство всё равно будет стража, а начальство знает, как делать дела.

К его удивлению и радости обыск пришлось отложить: ручка двери стала поворачиваться, он еле успел отшагнуть в тень за дверью, как та отворилась, выпуская голой ту стерву, назвавшую его «холопом». Худенькая, девичья фигурка без оружия — всё даже проще, чем он представлял. Даст ей по голове и прирежет лисичку. Дальше настанет время развлечений.

Он быстро шагнул от двери, ни один звук его не выдал, поглощенный артефактом. Не отказав себе в удовольствии поиздеваться перед жертвой, сладостно растягивая предстоящие минуты наслаждения, Рэгхолл жестко схватил ее сзади, зажав за локти и произнес: «попалась, краля, теперь ответишь за холопа»

Аиша Ирраера не была обычной девчонкой. В четыре года папа завязал ей глаза, шепнул: «давай сыграем в игру, когда скажу тебе — выпускай свою магию, хорошо дочка?» Игра была странной, непохожей на обычные, но магию Аиша любила, а тон папы был удивительно просящим и взволнованным. Серьезно кивнув, Аиша собралась. Папа поднял ее, посадил на свою шею и куда-то пошагал. На месте опустил, взял её руки в свои, попросил не волноваться, вложил в руки волшебную палочку, с которой она часто игралась, смотря на получавшиеся брызги воды, а недавно даже вылетевший шарик. Шарик разбил окно в её детской, но папа совсем не рассердился, только попросил не увлекаться колдунством в своей комнате.

Потом папа сказал «попробуй» и она послушно двинула такую странную и родную магию по телу, вот она быстро дошла до руки и раздалось негромкое «чшух». Папа засмеялся, обнял её, прошептал какая она молодец и попросил колдовать пока не устанет.

Но пообещал печеньки и сладости в конце игры, так что Аиша старалась на самом деле.

Через год таких игр ей сняли повязку, и она увидела огромный белый гриб с зубами на полстола, красной шляпкой в десяти метрах от себя, в кандалах. Звуковой купол не сняли и крик грибовика или миконида по-научному, не был слышен, а вот белые нити, что он безуспешно запускал в Аишу, немного напугали девочку. Хорошо, что они летели всего на пять метров.

Принцесса росла быстро. Науки, закалка, душевный наставник, боевой — и никаких подруг. Служанки и самосовершенствование. Ей было скучно временами: когда брат уезжал, а мама с папой были заняты, но поры до времени её любопытство уходило в магию. Пока она случайно не подслушала разговор отца с братом. Её горячо любимый отец рассуждал, за кого Аишу выгоднее выдать замуж! За эсванийского или рошгийского принца! Её — гения Воды, свою любимую дочку, надежду королевства, Вторую наследницу и так далее, словно суку на развод хотели отдать чужим людям!

Принцесса была умна — скандалов закатывать не стала. Ты всегда можешь рассчитывать только на себя одну — вбила в нее боевой наставник. Потому Аиша стала готовить план. Шайред Четвертый мало верил словам. Даже словам своей дочери. Конечно, он любил её, но видел счастье принцессы с точки зрения короля, королевства, традиций. Что толку отказываться от принцев: не один, так подсунут другого. «Здесь систему надо менять, а не рулевого», — сказал бы Джерк Хилл.

Вариант убежать в поисках приключений, найти их, измениться, увидеть жизнь не в дворце, доказать свою взрослость — стал идеей фикс для принцессы. Возможно, она никогда не будет свободной и останется только этот шанс попробовать настоящую жизнь на вкус.

Любой маг способен даже без посоха или палочки использовать свою магию. Родная стихия всегда покорна магу, хоть и не так сильна без оружия.

Аиша нарастила лёд на своем затылке и со всей дури, откинувшись, ударила назад и тотчас выпрыгнула из ослабевших рук напавшего. В голове слегка зашумело, но она сосредоточилась на магии. Самое быстрое заклинание в её арсенале волна воды, но удар будет слишком слаб — лучший вариант водоворот воды, он заточен и сработает быстро, одновременно законтролив.

Застонав, ее противник отшатнулся. Из разбитого носа мгновенно потекло, так что его «порву, девка» вышло словно бабулькино ругательство: невнятно и малоубедительно.

Он кинулся на Аишу стремительно, но попал в заклинание, подвесившее его на метр над полом. В это время из купальни неожиданно быстро выскочила голая Кая, увидела дергающуюся фигуру в водовороте и заинтересованно спросила: «Это что, твой подарок? Не думала, что закажешь для меня стриптизера. Это ты его так разогреваешь перед выступлением?»

— Выступление у него перед королевским палачом будет, — пообещала Аиша.

Кая шустро накинула на себя и принцессу по полотенцу.

— Я на всякий случай использовала обнаружение и заметила красную точку рядом с тобой, — объяснила она свое появление. — Это точно не принц какой-нибудь влюбленный? Может зря его мучаешь?

— Это стражник с южных ворот Самура, — сказала Аиша. — Стражник, посмевающий напасть на принцессу. Не знаю, что глупее: мой побег или его поступок?

— Ну, с него живьем сдерут кожу, — задумчиво протянула Аисаки, — а тебя даже не

отшлепают.

— Сначала глаза выколют, — прикинула принцесса, — он же меня голой видел. Тут Аиша осознала всю скорбь и низость выходки стражника, покраснев от шеи до корней волос.

Кая вооружилась фальшионом и подождав, пока действие заклинания закончится, шарахнула падающего стражника рукоятью меча в лоб.

— Это Рэгхолл, — опознала она негодяя, — мерзкий тип, шестерка наместника. Одевайся, сеструля, мне кажется у него есть для нас важные сведения.

Рэгхолл очнулся связанным, раздетым до трусов, лежащим на полу с приступами накатывающей боли в ребрах и ноющим носом. «Сходил, лять, за бабами» — успел прикинуть он, как его перевернули носком сапога.

— Это принцесса Шайна Аиша Выдающаяся, — познакомила его с худой «бабой» Кая.

— Ваше высочество, — познакомила она Аишу, — это будущая жертва экспериментов королевского палача.

Стоявшая перед ним девчонка в рейнджерской накидке, расписных полусапожках с магической палочкой в руке фыркнула.

— Мэтр Дали не признает экспериментов с тех пор, как под его новеньким кнутом из дымленной кожи слонорога умер Тритикамский насильник. Помню, как он ворчал и говорил, что старый бычий кнут растянул бы время мучений для пациента еще ударов на восемь.

— Но мы же гуманистки, младшая сестра! — умильно сказала Кая. — давай этого сами убьем, не больно.

— Он меня голой видел! — возмутилась принцесса, — я может, это зрелище для другого берегла!

— Это пока не зрелище, — скептически окинула её взглядом Аисаки, — это развидище.

Принцесса обиделась, но саданула со всей дури носком полусапожек в бок совсем не Каю, а Рэгхолла, да так, что того затошнило, и заплясали звездочки перед глазами.

— Быстро холоп, рассказал с какой целью проник в купальню и напал на меня!

Рэгхоллу было сильно нехорошо, но понимание, что это только цветочки, разминка перед мрачной фигурой в пыточной, прибавило ему сил и креатива. Что тут сделать? Нападение на принцессу — это не просто мучительный конец. Процесс казни будет нетерпим, но часик и отмучиться — будет не так плохо, как пару суток процесса. А если свалить всё на начальника, может и мучения как-то размоются на всех виновных? Может палач и не так чтобы на него налегать станет, когда рядом будет цель поинтереснее?

Он рассказал всё, что знал, рыдая и сопя, непрерывно прося прощения и милости умереть не так больно, как должно быть.

— А Джерк-то был прав, — мрачно сказала принцесса, — плохо у нас еще поставлена кадровая служба, — и мстительно врезала еще раз Рэгхоллу. — Кая, собирай авантюристов, уходим к наместнику, лично вздерну его перед ратушей на фонаре.

Королевский наместник приближающуюся толпу со мной углядел еще перед ратушей. Как иначе объяснить, что он встретил нашу представительную делегацию на гранитном крыльце со скучающими статуями водных орлов. В клювах те держали шары-артефакты Света. По вечерам их приятный свет заливал гранитные ступеньки, отражаясь в ночное небо.

Сейчас свет отражался на пузе камзола раскормленного аристократа. Я вот сразу воспылал классовой ненавистью к этому хапуге и рвачу. Нет что бы цех построить по переработки рыбы — он тут своё опг решил организовать. Возмутительно.

— Исхирос, Спокес, Миллес, Кратос, — произносил имена Гортам Затарийский и перечисленные опускали голову, — и другие жители Самура с чем вы явились к королевскому наместнику?

Меня он кинул взглядом мельком, не назвал. Но вот было такое чувство — ему я был

интересен больше остальных. Это понятно, учитывая, что письмо, изъятое у Миреса было написано им.

Кузнец выступил вперед и начал путано объяснять цель визита. Дубур уже отошел от первоначального шока и приблизившись к наместнику что-то шептал тому на ухо.

— Довольно, — оборвал кузнеца жестом руки Гортам, — завтра же во славу Аиши Выдающейся будут гуляния, торжественный вынос портрета королевской фамилии, где все жители смогут насладиться лицезрением нашей правящей династии и фейерверком. У вас есть еще вопросы, славные жители нашего города?

«Типа разрулил, обещал праздник, но чувство гадостное, — подумалось мне, — будто одолжение делает всем». Все попереглядывались, потом стали расходиться. Все пошли, и я пошел, но повелительный голос Гортама меня остановил

— Эй, Сопляк, а премия от имени города за ресурсы с искаженной поляны тебе уже не нужна?

Вообще не хотелось обострять. Но Сопляк? Seriously, ты же меня в убийстве десяти бандитов подозреваешь. Ок, разборку не стану устраивать. Схожу за премией — не лишняя, да и не начнет же он меня убивать прямо в ратуше? Я все-таки тип благородный, подвид авантюрист, отряд заместителей гильдии. Будет спрашивать прикинусь дурачком: никого не видел, ничего не слышал. Письмо в инвентаре, отдам Аише перед отъездом, пусть король решает, что с этим коррупционером делать.

— О, конечно, премия! — преувеличено радостно выдал я, — славься Самур — город мечты!

Гортам поморщился, указал жестом на двери в ратушу и подождал пока я пройду. За дверью меня сразу приложили по голове, отчего я не устоял на ногах и осел на пол. Отдохнуть мне не дали, приложив уже ногой. Было больно от мысли, что аналитик из меня получился херовый. «Или Гортам просто очень спешит» — возразил внутренний голос. «Но какого лешего он, даже видимость закона не соблюдает, — обиделся я. — Все видели, как я в ратушу зашел, это чего, обратно на своих двоих уже не выйду что ли?». «Может побьют, попугают, потом подлечат и выпустят?» — неуверенно предположил внутренний голос.

Пока я разговаривал с внутренним голосом меня утащили в подвал, где кинули в угол, приковали к цепи в стене, а передо мной встал Гортам. Начал он хорошо.

— Отношения со мной — это инвестиции в будущее, — веско произнес наместник.

— Это какая цыганка вам так нагадала? — не мог не удивиться я.

Гортам скривился и дал знак Дубуру. Тот врезал мне своей «клешней», после чего мотивирующую часть речи наместника я пропустил, приходя в себя. Заратрийский заливался соловьем, пока я его не перебил:

— Просто скажите, что вам нужно, шан. У меня сильно развито чувство времени. Боюсь не успеть понять, почему вы подняли руку на авантюриста.

Вообще, мне думалось сейчас меня избьют до потери сознания, а потом оставят одного, и я наконец залезу в инвентарь, вытащу палочку, отлечусь, а потом разнесу чертово здание по кусочкам вместе с наместником. Не сложилась у нас дружба.

— Кому ты письмо отдал, скотина? — прошипел Гортам.

— Ах письмо-о-о, — протянул я, — то самое, ваше любовное письмо к Миресу? Знаете, я даже не читал его, но по сердечку и отпечатку перстня сразу догадался о ваших романтических чувствах. Как жаль, что он не ответил вам взаимностью. Видимо, поэтому вы его убили?

У Дубура отвисла челюсть, и он как-то по-новому взглянул на босса. Гортам подавился слюной от злости и закашлялся. Два стражника, безмолвными тенями стоявшие на подхвате, затряслись от страха.

Не знаю, что произошло бы дальше, но к нам в подвал влетел другой стражник и выпучив глаза, заревел белугой: «там принцесса идет с народом!»

Гортам реально удивился, заторопился, кинув на прощание многообещающий взгляд, велел Дубур сторожить меня и вышел. Но я же знал — ненадолго. Долго принцессу никто не выдерживает.

— Дубур, — предложил я, — давай поспорим на золотой, сейчас сюда придет принцесса и ледяным болтом сломает тебе ногу.

— Какую ногу? — проявил хладнокровие тот.

Даже не подумал, что это реально возможно. Или? «Да не, — сказал внутренний голос, — он не может быть настолько тупым, что бы надеяться выиграть пари ценой ноги. Тем более, ты золотой даже в случае проигрыша не отдал бы».

— Ну, правую, — сказал я.

— Хорошо, — ответил Дубур.

Дверь выбило заклиниванием, стражники отлетели в сторону. В подвал вошла Аиша, посмотрела на меня и кинула болт в Дубура. За ней зашла Кая, закинув Гортама с огромным фингалом под глазом, потом ввалился Килтил, Исхирос и куча другого народа.

— Добрый вечер, — пошутил я, — все, из-за кого я столько страдаю. Ваше высочество, ты ему какую ногу сломала?

— Левую, — она кинула взгляд на подвывающего Дубура.

— А можешь еще правую сломать? — попросил я.

Аиша долбанула дебила еще раз, пока меня освобождали от оков, а я отлечивался.

— Прости Клешня, — повинился я перед Дубуром, — всё равно у тебя нажитое преступным путем конфискуют. Просто не люблю быть должным. А так, правую ногу тебе сломали, хотя не сразу, надо было поточнее формулировки составить. В расчете или еще на что поспорим?

К сожалению, у начальника стражи проявились зачатки здравомыслия, а может просто не до того было: сломанные ноги не способствуют внятным ответам.

Сунув руку в карман, вытащил письмо Миреса. Это я инвентарь так настроил: чтобы мелочь всякую таскать на панель ставлю выход в карман. Удобно, практично и люди фиолетовой дыры в пространстве не пугаются.

— Ваше высочество, доказательство преступного сговора наместника с главарем бандитской шайки.

— Но мы же тебя обыскали, — возмущенно завопил Гортам, — письма не было!

Кая одела кастет на руку и стукнула аристо под дых. У него сразу закончились аргументы. Интересно у кого она кастет сперла?

Меня окружили собуты... верные друзья, трясли руку и что-то восторженно говорили. Аиша, закусив губу, некоторое время наблюдала за всем этим, а потом попросила Килтила выйти на крыльцо и зачитать письмо Гортама Миресу перед народом. А также предъявить, — тут я удивился, узнав, что у опг уже и штатный киллер появился, — подлого убийцу Рэгхолла, что посмел поднять руку на принцессу.

— Джерк, — шепнула взволнованно Кая, пробравшаяся уже ко мне, когда все уже вышли и осталась только Аиша, что-то говорившая Килтилу, — прости что мы так долго.

Прости, прости!

Аиша отпустила Килтила, державшего Гортама за шиворот и захлопнула за ними дверь.

— Правда, — покаялась она тоже, — прости, что разочаровали тебя!

— Не врите, если бы я хотел разочаровать сразу двоих людей, — проворчал неловко, — я бы поехал к твоим родителям. Я двустихийный маг — меня оплеухами не проймешь!

Меня и поцелуями не проймешь, хотелось добавить через секунду, но уж вот так прямо врать — я всё же не стал.

Получив первое неотложное поцелуйное лечение, я вышел с ученицами на крыльцо. Аиша повелела вздернуть Гортама на фонаре, но я возмутился. Чего это готично-фантазийную архитектуру висящими коррупционерами портить? Почему мы так безрассудно относимся к собственной культуре? Я убедительно продекларировал: «На фонаре висит вельможа, и портит взгляд опухшей рожей», и Кая согласительно захихикала.

— Хм, спалим на костре? — нахмурила лобик Аиша, — вон в центре площади место есть.

Гортам Затарийский, ошарашенно и тоскливо взиравший в могучих руках Килтила и Ридлтрена на происходящее, бессильно обмяк в обмороке.

— Потом площадь отскребать, — я ужаснулся, — да в нем жира столько, зачем экологию портить вредными выбросами? Повезешь с собой, вручишь королю, пусть активы конфискует за госизмену, тайники всякие заберет, чего добру пропадать?

Аиша с гордостью посмотрела на меня и по-королевски вскинула руку перед радостным народом на площади. Когда Аиша с Каей, прихватив пару десятков авантюристов, ушли разбираться с покушением, наместником и высвобождением любимого меня, по пути они встретили возвращающуюся толпу с кузнецом Исхиросом. С которой вместе подошли к ратуше, где позади была пристройка конюшни и казармы, с расквартированной там городской стражей. При виде сурового лика принцессы у стражи случился мгновенный ступор, а авантюристы отделили зерна от плевел. То бишь надавали люлей злодеям, связали, а Аиша в это время ушла обыскивать ратушу.

Сейчас мы стояли на ступеньках ратуши перед массой, вобравшей в себя почти всех, — а люди, узнав, что перед ними принцесса Аиша Выдающаяся, сбегались словно фанаты на слэм любимой рок-группы, — жителей города на площади.

— Сим назначаю сего достойного авантюриста, — её перст уперся в меня, — заместителя Гильдии Авантюристов мастера Джерка Хилла новым королевским наместником Самура.

— Дааа, — взревела толпа, — слава мастеру Джерку!

— Четыре бочки гномьей водки этим достойным людям! — не оплошал я, с ужасом подсчитывая убытки. Пульнул чистой магией вверх, выпустив мощный фонтан света. Пусть народ веселится.

Аиша шепнула на ушко: «внесешь в счет празднование королевской фамилии, бюджет выделяют».

Да как так-то, еще стул от прежнего наместника не остыл, а я уже в мутные схемы влезаю. Кая спросила, что будем делать с бывшим наместником. Всех его подельников из числа стражников, выданных Рэгхоллом, уже обезоружили, связали и заперли в том самом подвале, где недавно был я. Из тридцати стражников, более-менее честными оказалось восемнадцать.

Подозвал трубача стражи Кэра, того самого что играл на флейте в таверне. Повысил в звании до сержанта и взводного, велел отправляться в особняк бывшего наместнику вместе с патрулем, разместится и занять оборону, заперев всех слуг. Из авантюристов выбрал четверых, выдал задание с солидной оплатой: помочь в охране запертых преступников. Разобравшись со всем, вернее переложив на других ответственность, вернулся к Аише и Кае.

— Толстяка будем охранять лично, — решил я. — Конечно, мы сейчас в таверне расслабимся и отпразднуем удачный финал приключений. Но это не значит, что мы все напьемся и уснем в одной кровати, а этот изменник и коррупционер сбежит. Не будет такого!

Девчули согласно закивали головами. На том и порешили, оставив народ праздновать и сбежав в «Улыбку Фортуны».

Там, развалившись на широкой лавке перед столом с зажаренным поросенком с яблоком во рту, я чуть не пустил слезу: дом, милый дом. Вот Грета носится как сумасшедшая, разнося пиво и закуски, вот ей помогает Фрида, а Марта с кухни кричит, что пирог из голубей пора нести к столу.

Вообще-то, у Марты пирог из горлиц: городские голуби — это же мерзкие крысы с крыльями, но в дешевых тавернах запросто мастерят пироги из них. Дети за городскими голубями часто устраивают охоту на помойках, сбывая добычу за мелкую монету. Это еще не главная проблема, подозреваю их у города куча плюс тележка и пару вагончиков. Я выразительно глянул на Аишу.

Но шкода сделала вид юной невинной девочки, хихикая и окуная палец Каи в «пейн рагун» с кедровыми орехами. Если что, «пейн рагун» — это сладость, типа карамели. Аисаки не сопротивлялась, с улыбкой мудрого охотника, наблюдающего за щеночком.

— Так-то да, — вырвалось у меня, — хороших девочек забирают еще щеночками.

— Почему? — спросила принцесса.

— Потому что из остальных вырастают такие суки, — произнесла старую, как бивень мамонта, шутку Кая.

Аиша посмеялась и оставила пальчик Каи в покое, чем я воспользовался.

— Чувствуешь? — зловеще спросил я. — Оно приближается! Осторожно!

— Кто-что-где? — завертелась испуганно принцесса.

— Твое сознание вины! — я незаметно ущипнул Аишу под столом.

— Ай! — вскрикнула она и надулась, — да за что, семпай?!

— А кто меня без спросу заместником поставил? — строго спросил я. — Мало тебе злого меня? Теперь и его величество разозлится. Или его королевский совет. Ты как через них решение это проведешь? Или мне подождать пока настоящий заместитель не приедет — так это удар по репутации.

— У отца выбора не будет, — пожалала плечами принцесса, — если у него вдруг возникнут возражения, стану принцессой в другом королевстве.

Ход её мыслей мне очень не понравился.

— Это в каком-таком другом? — грозно спросил я.

— Завоюю какое-нибудь, — сказала уже не так уверенно Аиша, — соберу из пары-тройки баронств на востоке за Великим болотом. Заберу свое приданое и наберу наемников.

Я откинулся на лавку с острым приступом мигрени. В принципе, за двадцать тысяч золотых пару тыщ чеваков (от слова чвк) набрать можно и останется на снабжение. Но с чего Аиша взяла, что приданое ей отдадут, когда она, вздернув носик скажет, что плевать я на вас папа-мама хотела, пока-пока, не болейте? Главное, почему она плагиатит мой план, о котором знала только Аисаки?

Я уныло воззрился на Каю. Она ответила вздернутой бровью. Я попытался повторить её фокус, но добился только нервного тика.

— А если мне приданое не отдадут, — добила меня принцесса, — отрекусь от фамилии.

Территории пропадут, богатого урожая не будет, в народе начнутся волнения, дворянство заропщет. Двадцати тысяч золотых такое не стоит, отец понимает расклад.

Я застонал и постучал головой по столу. Мелкая шантажистка манипулирует всеми вокруг по своей прихоти. Кто из нее дальше вырастет?

Аиша погладила меня по затылку.

— Да не расстраивайся ты так, — озабоченно проговорила она. — За контроль над Самуром жарких схваток не бывает. Тут всего полторы тысячи населения. Немного золота с экспорта рыбных деликатесов, хорошие урожаи пшеничных, магических трав. Есть города интереснее. Заратрийского сюда в качестве наказания назначили. Отец умеет считать риски. Не стоит городишко того, чтобы Шайн такой великой меня лишился.

— Выдающейся, — буркнул я.

— Ой, ты зануууда, — весело протянула Аиша.

Да чего она мной постоянно крутит? Раньше всё государство за меня решало, теперь вот эта мелкая. Во Вселенной, что миры кончились, где у мужчины свои мысли есть?

— Три дня назад, — разорвала молчание над столиком Аиша, — я тоже была в смятении. Меня хотели выдать замуж, считали разменной племенной коровой. Теперь у меня есть титул от Создателей, рычаг влияния с новой территорией и друзья. Будешь осуждать меня за то, что я пытаюсь сыграть такими козырными картами?

— Да не буду, — смирился я, — просто переживаю за тебя. В опасные игры вступаешь.

— Опасные игры, — муркнула Кая, — начинаются, когда ты на гитаре играешь. Что ты там про гранитный камушек пел?

Знаете, когда не можешь пресечь безобразия — лучше их возглавить. Я так и поступил.

Мы вытащили Гортама Заратрийского (который под охраной сидел в сарае у Марты со свиньями) в таверну. Поставили у стенки, намалевали мишень на пузе и поиграли в дартс. Боевые дротики были у Каи, но мы же гуманисты — кидали самодельные, из гвоздей и гусиных перьев, скрепленных нитками. При удачном попадании я исцелял, истерично визжащего, обильно потеющего от страха, бывшего наместника. Потом я пел на сцене под гитару «гранитный камушек» и все рыдали. Учил танцевать брейк-данс авантюристов. Изображал бармена и делал коктейли, строго следя чтоб девчонки употребляли только безалкогольные. Празднование как-то незаметно переместилось на улицу, и я выпустил пару иллюминационных заклинаний света. Мы присвоили карету бывшего наместника и катались к фонтану на площади, где Аиша колданула такой водопад воды, что протрезвели все пьяные. Заехали к мэтру Лорадану и вытащили на праздник, на самом деле больше для охраны бывшего наместника, полусонного, почти выздоровевшего Дахама. Я тут же отдал ему его же доспехи. Надело их в инвентаре носить!

Люди ходили добрые и вежливые, но вовсе не потому что Аиша сказала, что печальное лицо или злые выходки расценит как ее оскорбление. Кажется, в эту волшебную ночь город поверил в себя.

Ладно, может просто мораль от новой территории сработала.

Рассвет мы встречали втроем на восточной городской стене у центральных ворот. Стражников я погнал отсыпаться, сказав, что с Великой Аишей даже драконы не справятся. Их на самом деле, никто и не видел никогда, но для поднятия авторитета сгодилось.

— Рождение рассвета всегда волнующе, словно новая страницы в летописи, — выдала Аиша.

— Подобно глотку свежего воздуха, — подхватила Аисаки, — после отбушевавшего

ливня.

— Как две живые подружки, после моногамных отношений с «голландской женой», — поставил точку я.

Вдали на горизонте появилась точка. Она росла быстро, будто мое самомнение под влиянием женских головок: одной — серебряной, второй — огненной на моих плечах. Росла, разбиваясь на конные фигуры. Отряд из столицы: никто из нас не сомневался, по чью души высокие посланники. Как и в том, что мы неизбежно скоро встретимся. Ведь иначе новая глава приключений начнется со взятия Тритикама.

Дорогой читатель! Вот и закончилась первая часть испытаний нашего героя в новом мире. Респект всем лайкнувшим и подписавшимся — сердечно обнимаю всех.

Остальным предлагаю сделку: лайкнуть, подписаться и будет вам сразу три новые главы второй части на следующий день. А там интересненько: у Джерка появляется дочурка (что?!), Кая внезапно получает титул (она не вышла замуж — это другое), Самур ждет первую окружную ярмарку, ждут грабители, монстры, понаехи и новая экономическая политика.

Часть вторая

— Отвратительно, — сказал я, морщась, — Каечка, отвесь вон тому бугаю, второму слева дружеский волшебный пендель, пожалуйста.

Аисаки с разбега протаранила бугая в строю пинком в пятую точку. Бугай свалился, жалобно прокряхтел: «виноват, ваш-милость» и стал кое-как подниматься, опираясь на выроненное копьё.

Бить людей нельзя. Не бить людей средневековья невозможно. По крайней мере тех, кто служит в городской страже. Наберут дегенератов по объявлению, а те потом у бабушек на рынке яйца куриные тырят.

— Первым приказом наместника по Самуру вам подняли жалованье, — убедительно ласково произнес я, — а вы значит за старое взялись? Стража служит не мне — Самуру. Город, в котором стража обворовывает крестьян, торговых людей, купцов становится токсичным для бизнеса. Непривлекательным, лять, городом. Бабуля в следующий раз сама яйца съест, а в город не пойдет. Её примеру последуют другие. Яиц будет меньше, их цена возрастет. Из-за одного тупицы пострадают кошельки всех горожан. Ты не десяток яиц себе в кошель набрал — ты всех горожан ограбил, скотина.

Скотина стояла и печально сопела носом. Два взвода городской стражи были выстроены во внутреннем дворе ратуши. Перед ними стоял я, вышеупомянутая бабулька, новый контролер гильдий (старый оказался приспешником Гортама и успел бежать), Кэр Гомэн командир первого взвода и сорокалетний, старейший представитель стражи с роскошными усами, сержант Джил Свакинг, назначенный мной командиром второго взвода. Не за усы поставил: Джил пережил трех наместников, не успел получить свою стрелу в колено, в мутных делах не был замешан и даже успел под себя собрать команду относительно вменяемых стражников. Авторитетный дед, такие нужны при любой власти.

— Бабуля, — обратился я к старушке, — ты сама откуда?

— С Заячьей Заимки, ваш милость, — прошамкала, кланяясь, седая старушка в платке. — Только яйца эти я сама...

Но я её прервал, не дав высказаться.

— Есть по дому работы какие, — я покрутил неопределенно рукой, — изгородь поправить, крыльцо обновить? Может сено накосить?

— В деревне всегда работа найдется, — поклонилась та снова.

— Значит вот, берешь этого обладателя лишней хромосомы в рабство на неделю, — постановил я, — он тебе по хозяйству всё поправит на что укажешь.

Я посмотрел на бугая с копьём. Да на нём пахать можно.

— Карл, ты меня понял?

— Ваша милость, что такое лишняя хромосома? — пугливо спросил тот.

— Это такая вещь, из-за которой ты стал стражником, — терпеливо объяснил я, — а не наместником Самура. А если ты еще раз накосячишь, она отправит тебя в гильдию золотарей. Налево, шагом марш.

— Так, стража, — убедившись, что Карл покинул с бабулей дворик, обратился к остальным я, — первый взвод занимается тренировкой личного состава под руководством

инструктора Аисаки. Второй взвод сменяет стражу на воротах. Кто будет замечен в поборках горожан или въезжающих, повторяю в последний раз: в лучшем случае их ждет гильдия золотарей. Отвечаю сразу на молчаливый вопрос: почему в неё не попал Карл? Бабуля сама предложила ему яйца, заметив его полный грусти и печали взгляд на свой товар. Проблемы Карла в неспособности сопротивляться желудочным страстям, неумении обуздывать животные порывы, в уверенности, что его глупый поступок не разоблачат.

— Жалкой уверенности! — гаркнул я зло. С дерева рядом упала оглушенная ворона.

— Я вас всех вижу насквозь! — потряс я кулаком. — Вы или будете нормальной стражей, которую уважают горожане и тогда я закрою глаза на кружку эля, что подносит вам по-приятельски пекарь из соседнего квартала. Или будете с рабами чистить нужники — в лучшем случае. В худшем, послужите мишенями для игр в дартс, а потом попадете к королевскому палачу. Вам всё ясно!

— Так точно, ваша милость! — выпучив от усердия глаза, проорали служивые.

Байки о том, как я пытал гвоздями Гортама Зарастрийского в таверне у Марты разошлись в тот же вечер. Слово дартс превратилось в синоним пыточной, а еще через три дня все горожане были свято уверены, что я собственноручно кастрировал толстяка перед тем как передать его королевскому капитану. Просто потому что вспылал лютой ненавистью к человеку, посмевавшему посягнуть на жизнь принцессы, в которую влюбился. Всё это доложил мне Джил Свакинг, нервно дергая ус и долго откашливаясь, после просьбы рассказать, о чем говорят в городе. «Посему, — добавил Джил, — горожане ожидают мой быстрый перевод в Тритикам, дальнейшую успешную, но скоротечную карьеру, которая окончится на королевской плахе». Я умилился этой версией и даже продекларировал, представив себя на месте Шайреда Четвертого: «давно ли город мой служил позорным страстям господина?» Так или иначе, имидж безбашенного, крутого пацана, втихомолку завоевавшего с принцессой новые территории для Шайна, где-то по ту сторону гор будто нимбом сиял над моей фигурой.

Конечно, я этим пользовался.

Конкретно Карл не сильно виноват: может его глупая физиономия старушке родню напомнила. Бабули они сердобольны в любые времена. Возмущает одно: яйца для начала заслужить надо! А давать их за наивную, осунувшуюся рожу оголодавшей жертвы северокорейских трудовых лагерей — глупо. После отъезда принцессы с присланным отрядом, стражники проходят киб с марш-бросками и владением холодным оружием под руководством Аисаки. Ибо нечего отращивать харю на нетрудовых подношениях и халявном эле на скамейке перед воротами.

В очередной раз доведя до присутствующих линию современной феодальной политики я всех отпустил и повернулся к новому контролеру гильдий. Самих гильдий в Самуре, поскольку он был небольшим, насчитывалось немного, около трех десятков. Контролер от городских властей следил за балансом интересов, разрешал торговые споры между ними, следил за монополией, то бишь чтобы одна гильдия не влезала в дела другой и принимал жалобы от горожан на последних.

Вельг Лекаменсгилле — новый контролер гильдий Самура был выбран мной по нескольким причинам.

Во-первых, Джерк Хилл был знаком с этим персонажем лично с младенчества. Вельг был тем человеком, что постучал в двери гильдии авантюристов с корзинкой, в которой мирно спал маленький Джерк. Не все жители королевства могли прокормить детишек.

Младенца, что ложился обузой на бедные семьи, часто подбрасывали к авантюристам. Почему не к дверям гильдии пивоваров, например? Потому что гильдии — дело семейное, часто наследственное и попасть в него сложнее чем в Массачусетский технологический. Подложить дите к дверям гильдии авантюристов, значит пожертвовать будущее ребенка борьбе против монстров, а в варке пива ничего героического, святого и опасного нет. Есть только битва за бабло и стремление монополизировать свою продукцию. Так что привратник пивоваров, позевав и почесав пузо, отнес бы подброшенного к авантюристам. Последние, как фентазийные янычары, принимали всех подкидышей.

Так вот, Вельг заметил подброшенного ребенка поздней ночью и не поленился громким стуком разбудить дежурного по гильдии. Мало ли что могло случиться зимней ночью. Они хотя и теплые в Самуре, но человек при плюс пятнадцати способен замерзнуть за ночь.

Во-вторых, Вельг Лекаменсгилле был северянином. Прямота и честность этого господина приятно дополнялись умом и сообразительностью. Северяне народ простой, видят море — лезут купаться. Но Вельг за отстукавший полтинник своей жизни побывал на всем континенте, пообтесался: был наёмником, купцом, трактирщиком. Северянином остался, но к нордическому характеру добавилась холодная логика и житейская мудрость. Ему можно было доверять, хотя бы потому, что он в Самуре за последние двадцать лет ничего не учудил. А чудят здесь все рано или поздно, южане же.

В-третьих, Вельг имел определенный авторитет. Разруливал как мелкие бытовые конфликты, так и пару раз приглашался на независимую экспертизу еще при позапрошлом наместнике на королевском суде. С Гортамом он уже не поладил, но и врага сумел не нажить в его лице.

Высокий, мощный с лицом, продубленным северными ветрами, с длинными волосами, чуть тронутыми сединой, с внимательными цепкими черными глазами, с двумя шрамами на правой щеке и полуотрубленным ухом, Вельг всегда обращал на себя внимание. Был он полударом, с редкой здесь специальностью «Аксер». Добрался до девятого уровня и с топором обращался мастерски. На пять лет он подарил Джерку, собственноручно вырезанный им, деревянный жетон авантюриста. А через пару недель Джерка Хилла накрыло облачком Дара.

Мужик хороший, воин отличный. Эту последнюю неделю, когда Дмитрий вселился в Джерка, Вельг провел в Красногрязевке, налаживая со своим приятелем таверну. Около этой деревни рядом с речушкой Нанива находился глиняный карьер, а дальше был путь через несколько деревень выходящий к Рыбьей сопке и бухте. Приятель Вельга задумал свою таверну по этому пути.

Сам я относился к этому несколько скептически: посуду всё больше делали из металлов, керамика процесс трудоёмкий, а простую глиняную посуду крестьяне вполне себе мастерили сами. Будет спрос на глину расти, не уверен. Нужна будет таверна, если спроса не будет и не потянутся торговые караваны по этому пути — вопрос открытый. Но появившегося Вельга взял в оборот сразу, такие кадры нужны.

— Перимах Дувин поднял цены на изделия из кожи, — проинформировал меня Вельг, с любопытством поглядывая, как Аисаки разделила стражников на пары и показала связку удар-защита.

— Не бережет себя глава гильдии, — лицемерно вздохнул я, — намного поднял?

— Вполовину, — ответил Вельг. И в ответ на мои вздернутые брови добавил, — его караван ограбили за Белым лесом.

— Это очень грустно, — посочувствовал я, — но покрывать убытки за счет горожан я не позволю. Зайдем в мой кабинет.

Кабинет бывшего наместника в Самуре был оформлен в колониальном стиле юродивого нувориша. Большой камин, кресло наместника перед столиком с гнутыми ножками, сверху портрет короля с семейством. Софа-канapé у камина, развешанные на стенах с фресками образцы охотничьих трофеев вроде рогов кровавого оленя, бивня каменного слизняка, гребня восточного муравья. Венчала этот кладезь трофеев череп писантыйского глифона. Это такая здоровая птица килограмм под сто, на вид ужасная, но травоядная. Питается корой деревьев, обожает весенний сок, выглядит как помесь чужого и попугая. И никаких рукописей, даже свода законов королевства.

— Привет, — сказал я черепу, попав в кабинет Гортама в первый раз, — с тобой только по чумным больным ходить.

Череп индифферентно промолчал, но весь вид его будто говорил «тебе здесь не рады». Я тоже не был в восторге. Распорядился очистить кабинет от этой гордыни зла, сложив в подвале. Повелел затащить книжный шкаф и найти свод законов Шайна, зафиксированных традиций и обычаев города.

Сев в кресло, я сложил руки домиком и приготовился выслушивать от Вельга грустную историю падения главы гильдии кожевников на путь порока и сребролюбия.

Перимах Дувин скупал кожи по всем деревням, расположенным в округе Самура. Был их немало: четыре большие, три десятков средних и под сотню хуторов на пару-тройку семейств. Проживало там тысяч шесть землепашцев, которые кормили Самур. Данный расклад: один горожанин к четверем крестьянам был практически недостижимой цифрой для средневекового общества с Земли, но магия и три-четыре урожая в год решали. Пока решали. Крестьян, конечно всякие твари жрали: вроде налогов и монстров, но плодились они быстрее. Земли под них не хватало. С учетом моей концепции развития Самура — к нам понаедут. Кто их будет кормить? Так вот мало этих вероятных проблем, в Белом лесу завелась разбойничья шайка. Эти нехорошие люди подождали пока обоз Перимаха отъедет за лес по дороге к столице и преспокойно его реквизируют.

С гиканьем из оврага выехало пара всадников в замотанных тряпками лицах, повалили пешие в легких доспехах люди, обступили три телеги шкур с бедолагами, побили и выкинули на мороз. Ладно, насчет мороза я погорячился, но в Белый лес и монстры забредают.

По идее там, за Белым лесом наступала ответственность — за спокойствие на землях — барона Недлира. Но что-то мне подсказывала: баронской страже на это было наплевать, если сам барон с этими душегубами сам в доле не был. Или даже возглавлял.

«Хорошо, хоть людей не поубивали», — подумал я, выслушав рассказ Вельга.

— Собирай через час глав крупных гильдий, — распорядился я, — будем общаться на тему экономики. Заодно и Перимаху вставлю. Уже два дня убытки отбивает с нашего города?

Получив утвердительный ответ, я попросил его заглянуть и к Килтилу тоже. На том распрощались, и я уже двинулся за Каей во дворик, разделить совместный с ней ранний обед, как перед глазами прокнула надпись: «Ваша ученица воспитала воина меча. Кая Аисаки получает титул «Герардеска Разведки».

Происшедшее настолько застало меня врасплох, что я споткнулся. Серые профессора в курсе: женщин-гладиаторов в древнем Риме было немало. В какой-то момент римлянам

пришлось даже запрещать женщинам осваивать эту профессию. Отсылочка неожиданная, финал Герардески печален. Я бы даже не стал обвинять зрителей Колизея: любимицу публики просто доби́ли, потому что рана трезубцем в печень — смертельна.

Теперь Кае стоит опасаться гномов?

Во дворе прыгала Кая и летели листья. Бушующий рыжий огонек носился по площадке, размахивая мечом и чего-то орал, вроде: «я лучшая, йо-ху, держись Нест!». Спору нет, молодец, но еще пять минут и здесь что-нибудь загорится. Кстати, Нест — это название материка, на котором мы все находимся.

Я встал на примерную траекторию суматошного движения огонька, поймал Каю в объятия, уставился в шальные глаза и весело сказал: «хочу от тебя детей, Аисаки».

— А, — смешно замерла Кая, — что?

— Детей говорю, хочу, чтобы ты учила наших, — строго произнес я, — из гильдии. Там вроде два шалопазя?

— А-а-а, — разочарованно было протянула она, но радость от титула быстро вытеснила лишние мысли, — мальчик и девочка, Фред и Чива?

— Чива, девочка что-ли? — изумился я. — Всегда думал, что это пацан.

— Ладно, Аиша умудрилась на спящего великана напасть, — поулыбалась Аисаки, — но ты бы на её месте, его даже не заметил.

— Даже в этом случае повезло бы только великану, — проворчал я, осторожно опуская лисодевичку наземь.

— Так, занялись боевой подготовкой, — приказал я глазеющим стражникам, — кто тот счастливчик, что стал воином меча?

Невысокий, но крепко сбитый стражник в гамбезоне сделал шаг вперед: «Я, ваша милость, рядовой первого взвода Джиро Такаши».

Круглые уши, нос пуговичкой, с короткой стрижкой, странно изогнутыми кончиками губ вверх, словно парень пытался улыбнуться, но боролся с собой, и глаза карие, внимательные с овальным зрачком — в нем явно была примесь нечеловеческой крови, но вот какой? Погадав немного я сдался.

— С кем прабабка согрешила, рассказывай — повелел я ему.

— С манчеловеком, — покраснев, вымолвил тот.

Мангустов я уважал. Зверёк мелкий, но зело бесстрашный, быстрый и хитрый. Опять же у таких разумных хорошие резисты к ядам. Да и сам факт появления нового одаренного в страже очень престижно. В стражу шли неохотно, любви к ним особенной никто не испытывал, жалование у них было невелико. Всего в городской страже Самура одаренных было пять: Рэгхолл, Дибур, Кэр, Джил, хм, Гортам не стражник — наместник, командующий стражей, в общем, в страже осталось двое одаренных и вот, появляется третий. Дибура, Рэгхолла, Гортама и пяток стражников, наиболее замешанных в грязных делах я сдал капитану королевской стражи, что приехал из столицы за принцессой.

Остальных пятерых дебилов, что встали на скользкий путь взяток, поборов и насилия я оставил у себя в городе. Выдал это за великую милость, чем, впрочем, это и являлось: Шайред Четвертый долго разбираться в степени вины бы не стал. Входил в банду, поднявшую — неслыханное дело! — кинжал на принцессу, тебе не жить. Зато эти пятеро теперь, с песнями и плясками, чистили город от мусора и продуктов жизнедеятельности. Мусорщиков городу никогда не хватало.

Возвращаясь к нашему мангусту. Было что-то в нём подозрительное. Нет, парень он

крепкий, меч в руке держать умеет, но лицо какое-то детское и краснеет как девчонка.

— Джиро, почему я раньше тебя не видел в страже?

— Ваша милость, я принят на службу всего неделю назад, — пролепетал тот.

— А лет тебе сколько? — подозрительно спросил я.

Джиро помялся пару секунд и выпалил, закрыв глаза — тринадцать, ваша милость!

Надо сказать, понятия совершеннолетия здесь не было. С мечом в руках обращаться умеешь — взрослый. Конечно, например, статус шана был дарован по праву рождения, но вытекающие из него обязанности перед короной официально следовали с четырнадцати, дуэли разрешались с шестнадцати. По факту, какой-нибудь мелкий пацан отвечал перед судом по всей строгости за себя уже с восьми: вариативно, зависело от судьбы, но в большинстве случаев так. Авантюристы лет с десяти, по способности, могли уже ходить на неопасных монстров — не одни, с командой поначалу, но трагедии в этом никто не видел. Но служба на корону у них начиналась с четырнадцати.

Вот только по древнему закону Создателей в городскую стражу брали с шестнадцати. Глупость, конечно, люди с примесью крови зверолодей взрослеют раньше. Даже на Земле, тринадцатилетний Майк Тайсон, спокойно бил морды парням постарше на улицах своего гетто.

— А сам ты откуда? — продолжал я расспрос.

— С Южной Каталлии, — совсем упал духом юнец. — Секта Второго пришествия провозгласила зверолодей причиной исхода Создателей. Начались гонения, погромы, убийства. Моя семья ушла через Великие болота, но дошел до Шайна один только я.

«Ого, уже этнические чистки начались, — неприятно удивился я. — Секту надо будет выжечь при случае. А с Джиро надо решить правильно. Сурово с ним жизнь обошлась. Не стражником он больше не останется».

— Читать, писать умеешь? — не особо надеясь на положительный ответ спросил я. Но на удивление был посрамлен. Что же, молодежь гибче, пластичнее к новинкам, карьеризм и идеализм смешан в нужных пропорциях, дам пареньку шанс.

— Снимай форму, — велел я, — переходишь на службу непосредственно мне. Будешь личным порученцем наместника.

— Давашмилость! — слитно гаркнул Джиро, обрадованно стягивая гамбезон.

Первым делом я отослал его в гильдию авантюристов, «порадовать» Суру, Фреда и Чиву известием о новом наставнике, которая будет ждать на заднем дворике ратуши в шесть вечера. Про Суру я ничего не говорил, но Кая сама так решила. Мне в общем, всё равно. Из всех брUNETок на Земле я тащился только по юной Эми Ли и Меган Фокс времен «Трансформеров». Подход к Суре у меня чисто утилитарный. Так и сказал Кае: нужна — бери, мне бы хотелось больше одаренных в городе, хотя бы для чисто защитной функции, но не думаю, что она прям великий боец будущего.

— А кто-то крыс недавно из-за неё давил сапогами, — насмешливо сказала в ответ лисичка.

— А че сразу из-за неё, — возразил я. — может во мне скрытая мурофобия процветает.

— Опять ты за умными словами прячешься, — осудила меня Кая.

— Умные слова, — напыжился я, — то, против чего у девчуль нет оружия!

— У меня есть маис, — воинственно заявила Аисаки, — защищайся!

С этими словами она кинула в меня этот средневековый поп-корн. Кукурузу здесь не возделывали специально, считали незначимой культурой. Местами растение вымахивало метров до десяти со здоровенными початками, которые крестьяне ленились подбирать, а если собирали — то в качестве корма для домашних животных. Я, между прочим, как типичный попаданец облагодетельствовал Самур, вернее, пока только свою любимую лисичку, обжаренными в сахарной патоке зернами. Получилось на мой взгляд так себе, но Кая притащенный мной из дома наместника пакет уже доедала. Вот не выдержала и кинула в меня ядрышком.

Я поймал прожаренное ядро на лету ртом и зажевал.

— Прямо в сердце попала, — поведал я Аисаки, — через желудок. У меня на маис так-то серьезные планы.

Тут у Каи сузились глаза, она резко вскочила с массивного стула.

— Там, — вскричала она, указав рукой, — там воры на крыше над твоим кабинетом!

Я обернулся и посмотрел на ратушу. Сидели мы, уже отобедав, за летним столиком таверны «Голова ВарОрка», том самом, что составлял конкуренцию Марте. Владелец то ли сбежал, то ли пропал после смены власти. Раз такое дело, я отдал таверну под управление Греты. Временное управление с выплатой 70 % процентов прибыли городу. Если выяснится, что владелец — преступник, таверна пойдет с молотка. Если вернется живым и не преступник, верну таверну обратно. Грета наработает опыт управления и получит немного прибыли. Все довольны — всем хорошо.

Так вот, я обернулся, глянул на свою крышу и спокойно прокомментировал.

— Гирк Фрейн был бы недоволен, услышь тебя сейчас.

— Это каменщики? — удивилась Кая. — Что они там строят на крыше?

— Конюшню, — не моргну глазом, соврал я, — найду летающего грифона и буду по вечерам облетать свои владения.

— Вруша! — обиделась Аисаки.

— Садись, Аисаки, — мягко взяв её пальчик, проворковал я. — Тебя тоже прокачу на своем грифоне, не волнуйся.

Она села, но почему-то не на свое место, а на мои колени («прокачу на своем грифоне

звучит в таком контексте двусмысленно» — подумал я), где, тотчас взявшись за отвороты моей рубахи несильно затрясла, приговаривая: «быстро всё рассказал, коварный грифоллюб!»

Здорово это всё, но люди смотрят, завидуют!

— Часы там башенные будут, — сказал я, капитулируя, — как в Тритикаме Сияющем.

— Обалдеть, — обрадовалась Кая, — у нас будут часы как в столице! Офигенно круто! Но это же безумно дорого: Идеирмир Бокаринский взял пятьсот золотых за сооружение механических часов на стене королевского двора, полвека назад!

— Надо были идти в часовщики, — с напускным сожалением проговорил я. — Но между нами авантюристами — Идеирмир уже устарел. Наши часы будут лучше.

Кая внимательно посмотрела в мои глаза, уверилась в то, что я не сомневаюсь в своих словах и отпустила рубаху.

— С тобой рядом так быстро всё меняется, — задумчиво сказала она, — скажи мне кто неделю назад о таких чудесах: что я буду для принцессы боевой «сеструлей», с титулом от Создателей — хохотала бы как ненормальная пока не лопнула. Сейчас ты за Самур взялся, страхово немножечко!

Я ласково огладил её огнистую шевелюру.

— Всегда можно уйти в деревню, жить с козами и тереть по утрам в ступке пшеничные зерна на кашку, — с фальшивым сочувствием поведал ей, — по вечерам хрюпать самогонку и кричать в темноту за околицей: «Самууууур!». Настоящий хиппи-энд.

Глазки Каи опасно сверкнули, ручки подобрались и во избежание ужасных последствий, я раскрыл удивленно глаза за её спину и неверяще сказал: «Аиша?» А потом пользуясь секундной растерянностью Каи, вскочил на ноги, выдал спринтерский старт и попытался убежать.

Не получилось, кто бы сомневался, но неплохо размялись перед моим заседанием с главами гильдий. У входа в ратушу разделились: я на совет с купчинами, Кая тренировать стражей.

— Итак, — сказал я сурово, прибывшим в зал главам крупных гильдий, — открываем первое в истории заседание экономического совета городского управления Самура по инвестиционной деятельности и предпринимательству. Господа инвесторы, прошу садиться.

Главы гильдий запереглядывались, а Закия Эпатерий, глава скобяной гильдии упал на колени, взмолившись: «не губите ваша милость, невмочно нам снова на подарок собирать средства, все же этому Ироду проклятому отдали за этот квартал»

Здесь фигуры в костюме с саркастической улыбкой и скрипкой в руках совсем не нужно чтобы догадаться: Закия про Гортама говорит. Дескать разорил сволочь их своими поборами. А если новый наместник говорит что-то непонятное — ясно только одно: взятки будет драть в три шкуры.

В одном он прав: после прощания с Аишей, я и Кая направились обживать особняк бывшего наместника. Его всё это время охранял Кэр со стражниками, поставленный мной сержантом первого взвода. Проявив инициативу он уже провел первые допросы слуг и эконома. Ничего ценного те не сообщили, особого смысла держать их я не видел, потому отпустил.

Аисаки очень быстро нашла в особняке тайники с золотыми, которые я честно внес в бюджет Самура, в графу доходы. Раньше там сиротливо красовались пугающие 28 золотых с копейками. Именно столько монет обнаружилось в казне города. Я тогда порядком струхнул, представив, что еще и королевскую долю отдавать надо. Самур генерировал

полторы тысячи дохода — триста золотых, вынь, да положи королю в его лопатообразную ладонь. Я с Шайредом Четвертым лично знаком не был, но отчего он мне так и представлялся — с лопатообразными, жадными ладонями.

Так вот сейчас, в казне, в угловой комнате ратуши без окон, с массивной железной дверью лежали полновесные такие золотые кругляши в количестве чуть больше двух тысяч. Попросил Каю поставить ловушку разведчика на дверь и более-менее успокоился за их сохранность. Оставалось одно: быстро их прокрутить, получить прибыль, потом снова прокрутить и по кругу.

Я вдумчиво посмотрел на присутствующих. Власть денег они понимают. Но ведь это всего лишь инструмент. Инструмент можно сломать, отобрать, ввести в оборот новый.

— Закий, сел на место быстро, — приказал я. — Короче так, господа уважаемые. Времени у нас мало, буду краток. Перимах, до завтра внесешь штраф в размере пяти золотых в казну города.

— А ну заткнулся, — шикнул я на него, увидев слабое подобие сопротивления, — далее, Неолад Профимей у меня тут жалоба на твоего бондаря. Работал ночью, шумел, жильцы не спали. С тебя золотой в казну города. Торин Глеоран, по просьбе горожан были измерены весы твоего мясника. Недовес к стандартному комплекту гирь около ста грамм. Пять золотых в казну к завтрашнему дню.

Высекание, но не розгами, а золотыми продолжалось некоторое время. Главы гильдий краснели, потели, пытались возразить, но сникали едва мой суровый взор останавливался на ком-то из них. Может «вчера» я был Сопляком, но сейчас подручный принцессы, маг, что уделал по слухам всю несостоявшуюся Ночную Гильдию в одиночку, воевал территории для королевства и вообще загадочная личность.

Для спора с таким персонажем надо разузнать побольше, выработать коллективную позицию, а потом начинать тихий саботаж и подкуп ближних.

— Итак, — резюмировал я, спустя пару десятков минут, — с кнутом всё ясно. Сейчас будут пряники. Через два месяца Шайн отмечает Подвиг Влюбленных. К этому дню, как королевский наместник, повелеваю организовать первую окружную ярмарку.

Я специально сделал паузу, чтобы посмотреть на их реакцию. Кто-то еще ничего не понял, кто-то стал прицениваться, кому-то было всё равно.

— Все купцы и простые торговцы участвующие в ярмарке, облагаются сниженным вдвое налогом и пошлинами на товары и прибыль.

Вот уже засуетились, стали прикидывать варианты.

— Всем торгующим на время действия ярмарки присваивается экстерриториальность, иммунитет от налогового и имущественного преследования, за преступления, совершенные в других местностях и королевствах. Торгующие освобождаются от солидарной ответственности за преступления своих компаньонов, совершенных в Самуре.

Это были новеллы, на которые король мог косо посмотреть. Я вроде его наместник и тут такие послабления купечеству и ремесленникам. Но если всё сложится, куча золотых с прибыли заставит его поменять свое мнение. А если нет — я пытался. Вообще, натравлю на него Аишу. Будет обижать дочку — заберу её и свалю из Шайна, буду менять мир в другом месте.

— На время ярмарки учреждается ярмарочная стража из наиболее достойных представителей силовых структур города: авантюристов и городской стражи, во главе представителя королевского наместника Самура.

— Но что, если никто не придет на ярмарку? — тихий голос Лэдри Каролинга, главы гильдии ткачей рассеял очаровательную дымку предстоящих прибылей, возникшую было перед присутствующими.

— Значит Самур потеряет прибыль, — пожал я плечами. — В ваших интересах способствовать как можно более широкому информационному охвату предстоящего события. Приходите домой, садитесь за стол, пишите письма всем знакомым купцам, ремесленникам, коллегам из гильдий других городов. В письме между делом сообщаете о предстоящем грандиозном событии. Намекаете, что будет аукцион, на котором будут продаваться уникальные боевые трофеи с монстров.

Я ловким жестом фокусника вытащил из кармана (точнее из инвентаря) клык великана и кинул на стол перед гильдейщиками.

Клык матового цвета, длиной сантиметров в двадцать, сужающийся к концу — грозно поблескивал перед удивленной компанией.

— Любой определитель покажет, что перед вами срединный клык огненного великана. — искусительным голосом продавца, сказал я, — одно из применений: истолченный в порошок и смешанный с корнем Ррея цветкового лечит мужские болезни, увеличивает, кхм, любовную силу. Идет золотыми по его весу.

Лэдри Каролинг бухнулся на колени и пополз ко мне.

— Батюшка, ты наш ясный, — как в бреду заговорил он, — позволь отпилить порцию для себя, век Создателей за тебя молить стану! За монетами сию же секунду сбегая!

Остальные главы согласно зашумели, прося и им по кусочку. Я, слегка ошеломленный их яростным напором, не возражал: у меня еще три клыка, один есть у Аиши. Чего мне их солить что ли в ожидании ярмарки?

— А и забирайте, почтенные, весь — решил я, — здесь около кило, своим по скидке, с каждого по два золотых в казну. И беспорядков устраивать не надо: забирает Каролинг, несет к артефакторам, там растирают в порошок и каждым по весу в равном количестве. Всем ясно?

Выслушав одобрительный хор, я повелел Вельгу, что сидел рядом со мной, раздать листы с госзаказом от Самура для каждой гильдии. Ткнул каждого, что гильдии обязательно придется привлекать к работам сторонних работников, иначе с объемом не справятся, потому каждому уже сегодня надо искать кандидатов. Сказал, что уже завтра жду проект решения по каждому заказу и вообще, эти заседания будут ежедневно до начала ярмарки. И уже уходящим с заседания главам ткнул финальное.

— Не опозорьтесь, на ярмарке возможно присутствие особ королевской крови.

С удовольствием увидев закаменевшие спины я вольготно откинулся в кресле: вы у меня не забалуете, всех вас, даже за шкуру, в золотой век затащу.

— Как тренировки стражей?

— Ты задержался на службе!

Я зашел в свой особняк, конфискованный у бывшего наместника, скинул Рису на руки тонкий боэмио, окаймленный панбархатом (это модный плащ, тоже позаимствованный у наместника и перешитый в тот же вечер старательной Каей под меня). Именно в этот момент на ступеньки выбежала Аисаки, так что вопрос на опережение не получился. Слишком рано для роли жены, но Кая выглядела сурово, уперев руки в бока и возвышаясь надо мной.

— Так надо, Каечка, — вздохнул я. Риса протянула мне пушистые, соболиные тапочки, по вечерам уже холодало. Вообще, зима в Самуре теплая, недолгая, от силы на месяц, но ноги мерзнут.

Риса была девочкой, которую Кая взяла для помощи по дому. Прежнюю прислугу наместника, не найдя в их действиях состава преступления я рассчитал. Так вот, Риса Саитана была осиротевшей восьмилетней девочкой из хутора, который сожрали год назад аванки — здоровые твари, типа бобров-переростков, но хищные. Крестьяне заметили их у реки, сообщили в гильдию, но, когда мы подошли, пришлых — семья Рисы была из переселенцев, только успели отстроить свой хутор — уже доедали. Сама девочка успела забраться на чердак, там и спаслась. Крестьяне перекрыть участок реки догадались, могли бы и семью Рисы выручить, но... Это простые крестьяне, не ждите что они будут рисковать своими жизнями ради пришлых.

Там, у запруженного участка, наша группа быстрого реагирования догнала аванков, мы закрыли стеной нашего Дейвоса, мага Огня, и тот, на расстоянии, быстро сжег, уязвимых к огненной стихии монстров. Девочку мы взяли с собой и пристроили к Марте. За год она освоилась, проявила хозяйственную жилку и ездила по деревням с подчиненными Марты, закупая провизию для таверны. Местным крестьянам она ничего не забыла, торговалась как сумасшедшая — не знающий её истории человек, обязательно обозвал бы скрягой.

В первый же вечер своей новой должности наместника, после службы, я заглянул за Каей в «Улыбку Фортуны», где увидел, как она дурачится и тискает приехавшую Саитану. Картина была настолько милой, что разлучить их было — словно котёнка утопить. Кто на такое пойдет, даже маньяк не подпишется.

Поначалу Марта очень не хотела Рису отпускать, хотя понимала у нас ей лучше будет. Спросили у самой Рисы, она с мокрыми глазами попросила позволения идти дальше. В общем, все поплакали, пообнимались, Марта взяла слово, что та каждый день будет забегать к ней в таверну. Такая Санта-Барбара, слава Создателю — я не видел, меня сержант Свакинг отозвал в тот момент по жалобе на гильдию мясников. Версия событий Аисаки обходится без слёзок и обнимашек, но Джерк Хилл — умный и коварный, сверил показания у самой Рисы.

Я потрепал Саитану по волосам.

— Кая тебя не сильно нагружает?

— Не-а, — мотнула та головой, — даже ужин сама готовила, мне запретила приближаться.

Я поднял брови. Так порадовать меня хотела?

— Это потому, что правильный жульен с курицей и грибами любит одиночество, — возмутилась Аисаки. — Рису он бы испугался и сдулся!

«Да ладно, жульен не пудинг — куда он сдуется?» — скептически подумал я.

— Риса очень страшная, — изображая грусть, сказала Саитана, — Рису берут с собой на торги, чтобы сборщик поштин обходил десятой дорогой.

И вот черт меня дернул пошутить, что надо бы тогда взять её с собой на день королевской фамилии. Дескать пусть от меня королевский советник по налогам шарахается. Обрадованная Риса начала виртуально примерять платье, которое оденет ко двору, сладости, что закупит в столице, а Кая строго-престрого зыркнула глазами на меня. Словно волна пламени от сковородки с маслом на которую воду плеснули.

— Эм, Риса, красотка ты наша, — неуверенно попытался я, — ты знаешь, что такое ирония?

— Полезная штучка, что продают в столице? — пуще прежнего обрадовалась она.

«Бро, сча она захнычет от кидалова, когда ты скажешь, что пошутил — подсказал внутренний голос, — Аисаки солидарно надуется и всю следующую неделю ты будешь изгоем. Не говоря о том, что я тебя схаваяю, за то, что над маленькой девочкой издеваться вздумал».

— Риса, — сказал я проникновенно, — а есть то, чего ты хочешь сильнее чем поездка в столицу?

— Ну да, — помялась она, — только это немного тайна так-то.

— Хех, — махнул я обрадованно рукой, — была тайна — стала реальна. Всё сделаю, чего ты хочешь.

Что, что такого захочет восьмилетняя девочка?! Куклу? Платье? Кулёк конфет — да хоть три кулька и банку авокадового варенья! Всё дешевле, чем хмурые лица и натужное сопение вместо доброго утра от девчат. Я понял, как меня надули только тогда, когда Риса ненадолго вышла, вернулась с деревянной шкатулкой, из которой вытащила самый дешевый усилитель импульса — да практически самодельный, старый, весь на соплях — и попросила: «Научите меня магии, дядь Джерк».

«Это фиаско, братан, — заржал внутренний голос, — тобой крутят как барабаном на «Поле чудес»».

Принимать поражение следует с достоинством. Да — поймали на слове, да — магом быть опасно, но обманывать детей в таком возрасте еще страшнее. Было у нее уже одно предательство от людей. Значит, надо постараться вытянуть магию Воздуха: там аж три скила левитации, какой-нибудь да вытянет, тогда девяносто пять процентов монстров не страшны. Остальные пять крайне редки, массовых популяций не обнаружено.

— Хорошо, Риса, — пообещал ей, — только унеси этот усилитель тому дяде, что посмел всучить тебе эту поделку и скажи ему: если он не вернет тебе деньги, через пару часов его вывезут на ближайшем обозе до первого же оврага у Белого леса. Завтра на обеде сходим к артефакторам и подберем новый.

— Урааа, — запрыгала она, — хочу магию воды, буду как Аиша Выдающаяся.

— Не будешь, — буркнул я, — та бы еще на колечко волшебное меня подрезала с новой магической палочкой. Учиться тебе еще и учиться.

Радость Рисы это нисколько не омрачило, такая комбинация сработала. Дальше играть смысла нет, надо уметь вовремя остановиться. А раз прикуп сыгран: горе побежденным, вернее — праздник. Глупого соперника надо питать надеждами, чтобы никуда не сбежал,

время от времени обувая на ништяки. Меня накормили, помассажировали плечи, напоили фрешем из лесного грейпфрута, Саитана рассказала историю приобретения усилителя магчастиц: спойлер — подкупила подмастерье, тот отдал за пол-серебрушки списанный.

— Половина серебряной монеты, — глубокомысленно произнес я, — насколько помню жалованья у тебя же не было?

— Поначалу нет, — поделилась Риса, — еда, крыша над головой, пара медных монеток на праздники, Марта очень добрая. Когда стала ездить по закупкам, половину от сэкономленных денег выдавала мне. У меня еще серебряная монетка осталась — родных помянуть на годовщину.

Сказала спокойно, а сердце защемило у меня.

— Там в леднике мороженое осталась, — вовремя вмешалась Кая, — дадим дяде Джерку отдохнуть, малышка.

Она вернулась через полчаса, когда уложила Рису спать. На веранде, — сзади двухэтажного особняка, с высоким потолками, с мраморными ступеньками и портиками, статуей основателя королевства, небольшим фонтаном — было не так уже пафосно. Просто летняя кухня, с уютной софой, лежаком перед бассейном и роскошным видом на высокие горы.

Кая подошла ко мне, бухнулась на софу рядом, накрылась накидкой — ни дать, ни взять воробушек замерзший и передала уже открытую и початую бутылку белого вина.

— Это же непрямой поцелуй получается, — ужаснулся я.

— Так сказал, будто и прямого кроме меня ни с кем не было, — намекнула Аисаки.

— Твоя правда, — признал я, — но это ты сама принцессу спасать полезла. Твои проделки.

— Ты еще скажи не понравилось, — изогнула бровь Кая.

— Необычные ощущения, — сковарничал я, — целоваться с гением королевства. Будто за спиной все жители Шайна затаили дыхание и болеют за меня\неё.

— Это была всего лишь я, — усмехнулась Кая и без всякого перехода спросила — знаешь сколько жен у Шайреда Четвертого?

— Никогда не интересовался, — сообщил я, — кто мне король? Кто я — ему? Никаких точек соприкосновения для совместного чаепития и похода по баням.

— Я с Аишей говорила, — сказала задумчиво Кая, — их три. Про двух ничего не известно, потому что ведут непубличную жизнь, не знатны, дети от них не будут наследниками, а обычными дворянами. Живут во дворце, но как обычные придворные дамы.

— Очень рад за короля, — я выдержал паузу — нет. Да мне всё равно.

— У тебя не будет трех жен, — сказала как само собой разумеющееся Кая, — только я и Аиша.

— Да я и насчет одной не уверен, — буркнул я, — вот тебе мало, строила стражников, теперь за меня взялась?

— Семпай, такой суровый, — сделала жалобные глазки Аисаки, — такой холодный и бесчувственный.

— Чего это бесчувственный, — пожаловался я, — холод вот ощущаю.

Кая приблизилась медленно, раскрывая накидку, нависла пышущим теплом телом надо мной, помедлила и укутала накидкой нас обоих.

— Р-р-р, — имитировал я звук рычания, — ты очень-очень близко, опасно близко, семпай может и не кусается, но запросто способен облизнуть.

— А когда я была против Джерк Хилл, — прошептала Кая, обнимая меня.

— Так, — сказал я, пытаюсь собрать мозги в кучу, — неконтролируемые эмоции быв..

Она лизнула мое ухо язычком, и я сосредоточился на новых ощущениях, моя левая рука куда-то выкинула бутылку белого и присоединилась к правой, активно исследующей неизведанные территории манящего тела Аисаки. Очнулся я, когда уже нависал над Каей в полусорванной рубашке. Очнулся от искорки испуга, промелькнувшей в её глазах. Какой-то миг, но мне хватило прийти в себя.

«Вторым заданием для Джиро будет сходить за шлюхой к Треске и незаметно провести в снятый номер «Головы ВарОрка», — холодно сказал внутренний голос, — иначе, бро, из тебя получится знатный крышеход».

Моральные барьеры дело такое: раз сломал, два, потом понеслось. Оправданий найти можно массу. Даже не заметишь, как в уroda превратился. Здесь секс за еду продают. Пусть дилеммой морали профессионалка мучается.

— Аисаки, — хрипло сказал я, скатываясь с нее и глотая вино из горла — клянусь, как тебе станет шестнадцать, в ту же секунду рви от меня на спринте, иначе я такое с тобой сделаю!

— Великий Джерк, Глашатай грозных обещаний, — низким голосом сказала Кая, отбирая у меня бутылку и присасываясь в свою очередь к ней, — посмотрим еще, кто от кого бегать будет.

До её шестнадцати хорошо бы дожить, мы же не в сказку попали. Я поерзал на холодной земле, даже хорошо, что так неприятно сидеть, отрезвляет: заболеть — не заболею, не простужусь, просто использую на себя лечение. Настроился на деловой лад.

— Что ты знаешь о своем титуле?

— Что там в летописях написано, — попыталась вспомнить она, — сам знаешь спецкурсы по титулам только в Академиях сейчас. У нас упор на боёвке и монстрах. Начальные титулы даются за яркие проявления одаренности, ла-ла-ла, облегчают возвышение или повышают характеристики. Последний значимый титул на поле боя получил прадед короля Ширан Благословенный. Повышал мораль воинов и магов, бившихся под его руководством.

— Почувствовала себя сильнее или новые способности? — спросил я, получив отрицательный кивок резюмировал, — скорее, твой титул процентов на пять облегчает возвышение. Но опасность от титула тоже существует, в его названии скрывается намек на неё.

Кая насторожила ушки, и я поймал свою правую руку левой, когда уже почти коснулся их.

Так, — делая вид, что так и было задумано и, пряча руки, высказался я, — Герардеска — имя Создательницы, участвующей в смертельных поединках. Была хороша с мечом, кинжалами, дротиками. Умерла от гнома, зашедшего в спину и пронзившему её трезубцем в печень.

— Особенно контролировать гномов? — спросила Кая.

— Вообще, всех мелких с древковым оружием, — сказал я, — даже крестьянина с вилами. Трезубец просто образ в твоём случае.

Кая покивала головой. Повисла странная пауза. Мне к ней приближаться было боязно — я не железный, второй раз не смогу остановиться.

Наконец Кая приняла решение или вышла из задумчивости — кто их поймет женщин?

Соскочила с софы, мазнула губками по моей щеке и умчалась к Рисе. Спали они вместе, та большая комната на втором этаже была запитана осколком камня Тафирима в системе циркуляции трубок с водой под полом. Да, обычный теплый пол в магическом средневековье. Дорогой только в обслуживании.

Я же спал у второго камина в гостевой комнате внизу, но даже не начинал еще его топить, это девчонки такие мерзляки, мне под пуховым одеялом не было холодно.

— Быстрее бы завтра, — думал я, шаркая тапочками к своей комнате. — разобраться с грабителем-бароном или монстрами не так опасно, как оставаться наедине с Каей.

Утром меня разбудили тихие голоса. Кая шепотом с кем-то ругалась. Голос, который я идентифицировал, как принадлежащий Джиро Такаши, умолял разбудить меня, по-моему же приказу. Кая рассерженно шипела, что разбудит меня завтраком в постель Риса Саитана и эту славную традицию не прервет даже Второе пришествие Создателей.

Приятно, когда о тебе заботятся.

Тем не менее я быстро вскочил, отжался и появился одетым перед почтенной публикой как раз в тот момент, когда Аисаки уже напяливала на свой правый кулачок кастет. У Джиро в глазах застыл страх, но пацан держался.

— Всё норм, Кая, просто дел с утра много, — бодро выдал я Кае, — уже уходим.

— А бенто? — сурово сказала она, — ты расстроил Рису, хочешь попробовать сделать это со мной?

— В мыслях не было, — заверил её, — Джиро, хватай бенто. Кая, встретимся на обеде, пока-пока!

— Понял, да? — когда мы отошли от дома настолько, что я не боялся быть услышанным, спросил у Джиро. — Почему девушек надо носить на руках?

— Почему? — удивился он.

— Чтобы они твою шею не сломали, — открыл ему секрет. — Сейчас дуй к мастеру Нетфису, скажи ему, что я в обед зайду, нужен усилитель импульса, для восьмилетней девочки. С обязательной подстройкой под неё.

У дверей ратуши меня ожидал сюрприз.

Представлял он собой небольшой конный отряд в плащах с геральдикой барона Недлира. У ног баронских коней вяло копошилось куча тряпья, обмотанная веревками.

— Ваша милость, — звучно доложил самый упитанный из них, — это те бандиты, что посмели ограбить почтенного торговца из Самура Перимаха. Нашли их в лесу, одного успели повесить за бродяжничество, как эти двое, — тут он пнул кучу, — поспешили сознаться в преступлении.

— Вот и славно, — бодро сказал я, — хвалю за службу, а то сегодня к вечеру Лэдри Каролинг обоз собрался с тканями отправить в столицу, охрану просил. Теперь точно сам справится. Всем по чарке водки в таверне, барону благодарность. Этих повесить!

Говоря «этих повесить», я повернулся к Джилу Свакингу, встречавшему меня у дверей с патрулем и подмигнул.

— Не извольте сомневаться, ваша милость, — браво вытянулся ветеран, — фамилии впишем в список казненных, заверим в канцелярии и повесим на площади через полчаса.

Распрощался с посланниками барона, поднялся в кабинет, проследил в окно, как те завернули в таверну, как вышли спустя пару минут, довольно ухмыляясь, вскочили на коней и заторопились прочь.

В кабинет осторожно постучали.

— Заводи, — зычно гаркнул я.

В кабинет ввели бывших пленников барона. Два молодых парня, избитых, с синяками, еле державшихся на ногах. Частично от крови их отмыли, причесали, даже выдали новые тряпки, дали видимо, что-то сожрать из пайка, судя по крошкам на небритых щеках — в общем, очеловечили бомжей. Надежду подарили.

— Я новый королевский наместник Самура, — представился я, — Джерк Хилл. Говоря правду и только правду, вы можете рассчитывать на мою защиту и место в моем городе. Если вы виновны в ограблении нашего обоза можете сдать своих подельников и надеяться на мое снисхождение. В ином случае, вы будете наказаны.

На этих слова оба бросились мне в ноги и принялись нечленораздельно завывая просить меня спасти их сестер. Пришлось прикрикнуть, чтобы привести их в чувство. Не люблю такое: парни явно в диком стрессе, понять их можно, но, если надо кого-то спасти нужны четкие вводные.

В общем это была еще одна семья беженцев из Южной Каталлии. Схватили их семью, когда они обошли Тритикам с юга. Главная водная артерия Шайна — река Трит у столицы распадается на несколько притоков: только один из них Эрайн идет до Рыбьей сопки и недалеко от нее впадает в океан. Или море, память прежнего Джерка не была точно уверена, а всем остальным было до фени, как я подозревал. Пока там водятся водные монстры — всем до моря-океана и потенциальных богатств наплевать. Так вот, остальные притоки незначительные, к югу становятся уже ручьями, перейти их вброд не составляет труда. Река Эрайн уже посерьезнее, но к югу она тоже сужается до величины, что, не особо рискуя можно переплыть. Что эта несчастная семья и сделала. Дальше их схватили люди барона. Старика-отца убили сразу, двух сестер и мать увезли, а братьев связали, избили, положили на лошадь и увезли, как оказалось, в Самур.

«Ну что, барон, — мрачно подумал я, — мало тебе ограбления, теперь убийство, обращение в рабство — даже не серваж! — подданных другого королевства, придется башку тебе оторвать».

Рабство в королевстве попадалось. Фрагментарно. Из рабов других королевств. Повинности серва перед феодалом и свободного крестьянина перед короной различались. Даже повинности серва у разных феодалов различались, но вот права собственности именно на самого человека, подданного Шайна не было. Даже подарок рабыни на день королевской фамилии — было просто данью старой традиции, когда в соревнованиях разыгрывали, скажем так, ночь любви с победителем. Это не рабыни были, а профессиональные шлюхи.

В Самуре было пять рабов. Их всех привез старый наместник. Я их освободил сразу, не попросил подписать обязательство отработать год на прежнем месте. Не, а где золотарей взять? Вот так людей освободил, а тем жить не на что. Работа непрестижная, но куда бывшего раба возьмут? А своим освобожденным я жалование положил неплохое, может и останутся, к работе уже привыкли.

— Сержант, — обратился я к Свакингу, — определи парней на довольствие, пусть кормят как стражу.

— Вы двое, — повернулся к парням, — сегодня вечером я еду к барону, если все обстоит так как вы рассказали, постараюсь выволить ваших сестер. Пока переночуете в камере. Все ясно?

Их увели, а я прижался лбом к толстому слою мутного стекла окна. Раздражают такие бароны. Раздражает такой сволочизм. Раздражает такая попытка подставы со стороны какого-то нонейм-феодала. Мелкий феодальный клоп захотел в соучастники преступления подписать. А потом еще другого торговца Самура ограбить. На мне что, табличка «идиот» повешена?

Отвесив себе пощечинки правой-левой, я придал лицу былой румянец и спустился в зал на первом этаже, к своим лучшим дружбанам — главам гильдий, обсуждать экономические

вопросы.

С главами я провозился до самого обеда. На листках, которые я им раздал, был госзаказ от города: построить каменный склад, замостить проспект и главную дорогу до Белого леса, который надо вырубить, сколотить сцену для аукциона, стенды для гильдий на ярмарку — которую предполагалась разместить за городом у главных ворот, сшить шатры, куча мелочей вплоть до артефактных светильников для освещения ночью.

Не хватало ничего: ни лесорубов, ни каменщиков, ни плотников, ни инструментов — всё это надо было привлечь в кратчайшие сроки. Эти барыги, конечно, свой шанс не упустили и выкатили ценник, подсчитав который я прослезился. Четыре тысячи золотых — почти трехгодичный бюджет Самура.

— Почтенные, — сказал я, прочистив горло, — перед нами лежит здоровый пирог, его следует съесть бережно, со всеми крошками и сказать спасибо. А вы собираетесь потратить всё на столовые приборы и напитки.

— Фрейн, какого хрена, ты собираешься заказывать телеги с известняком в Райнире?

— Так наш заброшенный карьер у деревни отступников, — неуверенно пробормотал Гирк Фрейн.

— С отступниками, — пообещал я, — мы разберемся завтра. Далее, какая плинфа? Нахрена ты склад из плинфы собрался лепить? Церковь так строить будешь! Бутовой кладкой — до гор два километра, местность мы зачистим с гильдией авантюристов. Да хоть в коробку раствором кладите. На века строить будем позже, сейчас главное завести экономику. Всех дел набрать рабочих, инструмент и телеги.

— Древодед Лесодеря! — я уткнулся в бумагу, сдерживая смех, необычная фамилия у главы гильдии лесорубов, — Какого лешего вам нужно тридцать пил? Кузнец готовит инструменты каменщикам, он занят. Будешь нанимать крестьян у них свои инструменты имеются. Чего удумал: заказать за счет города, а когда станут не нужны — выкупить за полцены? Город законтрактовал мага Воздуха, уважаемого Тектоса, — я поискал в зале глазами почтенного Мелама Тектоса, нашел и кивнул.

Мелам встал и с достоинством поклонился. Дядька был в возрасте, что косвенно говорит нам о живучести подобных магов. Да и правда, в любом непонятном случае — левитируй и монстрам остается бессильно скрежетать зубами, беснуясь где-то внизу. Еще у него была «Воздушная коса», самое то для разрезания всяких предметов. Ману только ему придется заливать промышленными масштабами. Но пару бригад лесорубов он заменит не напрягаясь, а по цене даже дешевле выйдет.

— Зигли Белдер, — я обратился к главе плотников, сминая бумагу, — да, сцену, стенды заказывает город, но вы чего, не собираетесь проводить ярмарку на следующий год? Вы о будущем-то думаете или решили сейчас урвать золотой и гори все синим пламенем? Хорошо, изготовим по вашей цене, а за день до ярмарки поставлю двойную пошлину товарам — весело вам будет? Я это заказываю только потому, что вы, почтенные двадцать восемь раз передеретесь прежде чем стандарты стендовые утвердите, а потом монеточку выгрызть друг у друга будете! Я это что, для себя ярмарку провожу что ли? Для себя — с размаху запустил в него скомканную бумажку, — я бы давно в Тритикаме винишко попивал с блекджеком и шляхами, а вы тут гнили бы дальше.

Я распекал его еще минут десять, снизив расценки на сорок процентов. Бизнес он всегда такой. Купец купцу — друг, товарищ и корм.

Под конец экономического совета я сделал несколько объявлений. Сказал, что для

будущих и прибывающих работников в городе выделяют место там, где раньше жили члены несостоявшейся Ночной гильдии, но всем главам надо помочь в размещении и возможном ремонте.

— Лэдри Каролинг, — устало под конец, выдохнул я, — все ваши платья, да вообще, мода Шайна в частности, слегка устарели. Публику надо удивлять новыми вещами. Эпатировать, если хотите. С этой целью, известной всем нам великодушной и влиятельнейшей особой, равнодушной к нашему скромному городу, было обещано некое содействие. Потому из столицы ожидается прибытие мастера из Зала портных. От вас требуется полное содействие. Модели и концепция будут разработаны лично мной. Вам ясно?

Тихий шепоток с упоминанием Аиши Выдающейся пополз по залу, Лэдри побледнел от гордости, вскочил и рассыпался в заверениях, что всё будет лучше некуда.

— Второе, — продолжил я, — нашего славного Перимаха ограбил барон Недлир. Достоверность информация близка к ста процентам. Я собираюсь восстановить порядок и законность в окружных владениях славного королевства Шайна. Не исключено, с применением летальных мер воздействия. От нашего экономического совета нужно пять свидетелей. Кто едет со мной?

Кроме Перимаха, прямо всплывшего жаждой свидетелься с бароном, вызвались Глеоран, Белдер, Древодед и Фрейн.

— Третьей и заключительное, — огласил я последний пункт, — в связи с предстоящей сильной загруженностью королевского наместника по расчистке местности от монстров, бандитов и дикарей все заседания настоящего экономического совета проходят во главе с Вельге Лекаменсгилле. Слушать его как отца родного. Всем спасибо, все свободны.

После заседания я вывалился из ратуши прямо на поджидающих меня Каю и Рису.

И если Кая была в стандартных для тренировок черном гимнастическом комбинезоне, поверх которого просто накинула новый плащ от, то Риса Саитана нарядилась в роскошное темно-синее, в белый цветочек, платье, поверх которого одела темное пальто-пончо, с белым помпошками, несла вызывающий красный бантик на каштановых волосах и красовалась в легкомысленных розовых полусапожках. Куколка, а не девочка.

— А где бенто? — подозрительно спросила Аисаки.

— Схотел в кабинете, — признался честно, — ужаснокролик выложенный рисом, был очень мил, онигири с кетой в сливочном соусе всё так же божественен.

— Кету Риса привезла с обозом из Красного отрога, — похвалила Саитану Кая.

— Кета и Риса, само по себе звучит уже вкусно, — я склонился к девочке, — вечером съем тебя!

Риса взвизгнула и спряталась за Аисаки.

— О, нет, злой волшебник хочет схватить маленькую девочку и сделать нехорошее, — донеслось из-за спины Каи.

— Чего сразу нехорошее, — обиделся я, — может на балет тебя хочу отдать. Или сразу замуж. И вообще, в это время злые волшебники еще спят после грязных ночных делишек.

— На балет? — Риса по-прежнему не спешила показываться, — это тренировка перед балами? Но это же только для знати!

— Кхм, Риса, пару лет — испытывая легкое смущение, сказал я, — и тебя пустят даже к королю, клянусь Великим Манговым Мороженым.

Её мордочка высунулась и хитро поглядела на меня. Я сделал очень честное лицо. Она было осторожно вышла, но я тут же схватил её в охапку, посадил на шею и помчался по улице с криком: «похищение злым волшебником! Всем оставаться на своих местах!»

Вцепившись в мою шевелюру, Риса радостно повизгивая, наслаждалась гонками, но потом опомнилась: «Джерк, ты же королевский наместник — сними меня и пойдем за ручку с Каей».

Я послушался. Не знаю про злых волшебников, но красивые маленькие девочки вертят любым разумным представителем человечества как хотят. Да как им можно противиться? Это же как отнять у самого себя детство.

Кая бегала быстрее меня, но специально не догоняла, дала наиграться. Вот сейчас подошла, посмотрела на небо, откуда упала первая снежинка, поправила Саитане прическу и покрыла ее голову черным беретиком.

— Голову простудишь, не быть тебе магом, — выдала рассудительно, — морозика уже на дворе.

— Зимняя дорога, замела навек, много-много-много, много человек, — подыграл я ей.

— А правда, — спросила Риса, — что снег получается потому, что наверху сидят Создатели и пилят облако?

Говоря это, она дала правую руку мне, сунула левую Аисаки, и мы закосплеили правильную семью на выходных.

«Вот так, Димон, — сказал сочувственно внутренний голос, — еще секса даже не было, а ты уже женат и с ребенком». Я мудро промолчал, дабы не нервировать глупый голос.

Можно подумать в мире Майкла Флетчера ему было бы лучше.

— Создатели себе не то, что работой, — сказал наставительно Рисе, — мыслями редко утруждают.

— Но почему? — широко раскрыла глазёнки она.

— Есть кому за них подумать, — уклонился я.

— Я бы никому не дала думать за себя, — рассерженно высказалась Саитана.

— Да! — поддержал я её, — у тебя должно быть свое мнение и сейчас я тебе его расскажу.

Во фразе был подвох и Риса затихла, обдумывая его. Достойный ответ сочинить она уже не успела, потому что за разговорами бы приблизились к Гильдии Артефакторов, где в дверях нас с поклоном встретил подмастерье. Он проводил нас до кабинета, где мастер Нетфис Рилвир ждал наше семейство за широким столом из светлого роштийского ясеня. Холеные пальцы его левой руки поглаживали изящный усилитель импульса: обточенная в круг дерево биолланта с каучуковыми трубками по числу пальцев, в центре деревяхи посверкивал осколок Тафирима. Правой рукой он нервно тискал свою седую бородку.

Завидев нас Нетфис сорвался с места, встретил нас в дверях, осторожно пожал мою лапку, чмокнул воздух в нескольких сантиметрах от ладошки Аисаки, а Рисе с ходу выдал мятный леденец.

«Да он же меня грабить собирается, подлец, — понял я, — за такую-то мелочную услугу».

— Это усовершенствованный усилитель из столичной гильдии, — вещал Нетфис мягким баритоном, — с ридиевыми нитями под каучуковыми трубками, специально для девичьих нежных пальчиков, чтобы — упаси Создатели! — не поранить их нитями. Осколок Тафирима втягивает магию из человеческого тела, непроизвольно провоцируя импульс, который сразу уловит ридиевая нить. Усилитель кладется в ладошку, ридиевые нити подходят к пальчикам и начинается таинство. Процесс занимает от нескольких минут до года, при ежедневных часовых занятиях.

— Скажите мастер Рилвир, — осенила меня мысль, — чем больше камень Тафирима, тем быстрее результат?

— Это очень большой осколок, — оскорбленно вздел брови Нетфис Рилвир, — данный артефакт один из трех специальных усилителей столичной гильдии. Я выпросил его с большим трудом. Пришлось даже, — он немного помялся, — стимулировать помощь прежнего наместника.

«Взятку дал, проще говоря», — подумал я, — «неужели так радеет за число одаренных в городе?»

— Но вы правы, — продолжал, Нетфис, — зависимость нелинейная, но больший размер влияет положительно. Только кто на ученические цели будет тратить такой дорогой ресурс. Если Дар есть, он всё равно проявится рано или поздно.

Я опустил голову вниз словно задумавшись, на самом деле, скрывая расфокусированный зрачок. Выбрал самый здоровый камень с импов в инвентаре и вытащил его в карман.

— В таком случае, — я встал и засунул руку в карман, — Риса Саитана заслуживает самого лучшего!

С этими словами я достал свой тёмно-красный бульжник.

Кая осталась спокойной, Риса не поняла ценности предмета, но удивилась — как она могла не заметить раньше, а мастер Нетфис вытаращился на камень будто палач, на

ожившую жертву.

— Это, — он сглотнул, принимая увесистый камень килограмма под три, размерами чуть большебильярдного шара, — очень дорогая вещь для ученического усилителя!

— Ха, — по-гусарски лихо отреагировал я, — всего-то там золотых сорок-пятьдесят.

Всего-то домик у моря, или лет пять безбедной, ленивой жизни. Мы же гусары. Домик захватим, а пять лет на войне живут единицы.

— Огненные горы, — сказал Нетфис, — основной поставщик Тафирима, практически в блокаде орков, поставки крайне нерегулярны. Цена на камни выросла втрое в последнюю неделю.

Он с любопытством посмотрел на меня. На моем лице не дрогнул ни мускул. Внутреннего хомяка я приложил стулом, добавил ногами и сидел с королевским лицом, выбирающего никчемную безделушку.

— Я сейчас же прикажу, вставить этот камень в усилитель, — засуетился Нетфис, правильно истолковав мое молчание.

Он нажал на кнопку звонка, вернее сказать подал импульс, примчался подмастерье и дико удивился, увидев огромный камень Тафирима. Осознав оказанную ему честь по созданию небывалого в мире усилителя малец проникся, сказал что займет это десять минут и он приложит все старания.

Затем до нас дошел Мелам Тектос, которого я попросил поучаствовать в попытке обретения дара Саитаной. Все же по феншую должно быть: усилитель самый мощный, визуализация образов с магом. Метод обретения заключался в банальной медитации с усилителем в руке, но как костыли можно было шептать ученику, вводя в транс, всякие проекции. Ну типа: «ты идешь по воде, она тихонько касается твоих босых ног, ты чувствуешь влагу ступнями, она приятно холодит твоё тело...», тут маг Воды создавал капли на ногах ученика — в общем, обычная медитативная техника, только со спецэффектами, и ученик знал, что его нисколько не дурят, он сам близок к магии.

Кая по моей просьбе подготовила Рису — никаких магов Воды. Воздух — это круто, можно летать и катать в воздухе старшую сестру. Или дядю Джерка. А этих магов Воды в Шайне как грязи — ты же хочешь быть особенной, Рисочка?

Риса подумала-подумала и согласилась. Да в самом деле, припрут тебя бескрайние поля Шайна поливать — в чем здесь веселуха?!

Мы все были наготове, когда появился подмастерье с новым усилителем.

«В тебе растёт порывом воздух
С душой смешался, втек в зрачки
В остывших небесах и звездах
Мерцают мерные толчки».

Я шептал эти слегка переделанные строчки забытой поэтессы в ушко Саитаны, даже не наклоняясь, Мелам Тектос левитировал её в воздухе. Ко мне присоединилась Кая. Порывом воздуха Мелам вздел волосы Рисы. Кая зашептала в другое ушко Рисы:

«Оружие моё, моя расплата
Мой Воздух не предаст меня
Моя судьба, моя награда
Создателями мне дана»

Можно было стандартный гимн Воздуха зачитать, но он реально скучный, суховатый, здесь нужно чтобы душу задело, и магия отозвалась. Искорка, заметная даже под каучуковым слоем, укрывавшим ридиевую нить, проскочила от руки Рисы и зашла в камень Тафирима. Я затаил дыхание. Есть!

Серебряное облачко появилось внезапно над головой Саитаны, помедлило и упало на её голову.

Мелам осторожно опустил задрыгавшую ногами Рису на пол и по-доброму усмехнулся, когда она затараторила.

— Ой, щекотно и сладко было, чувствую теперь, могу колдовать!

Это хорошо, значит она не полудар, а уже полноценный маг. У меня была теория, что полудары просто разумные с магией нулевого уровня и только этим отличаются от тех, кому Дар снизошел сразу. Эти-то стопроцентно начинали уже с заклинанием, а полударам еще пилить до первого уровня, с возможным попавшимся заклинанием.

— Так, — довольно сказал я, — что Рисочка теперь умеет?

Риса, недолго думая, вытянула руку в римском салюте. Я было напрягся — ты мне тут еще зигани перед всеми. Но это она просто без палочки пыталась колдовать. С руки Рисы сверкнуло и бахнула Стрела Воздуха. Заклинание пролетело мимо побледневшего Мелама, разбило раму дорогой картины, висевшей на стене и вышибло кучку пыли из стены.

— Ой, — испугалась натворенного Саитана.

— Нормально, — подбодрил её, — я всё видел: там детеныш амакири появился, ты его прихлопнула.

Вранье чистой воды, конечно. Детеныш амакири умеет летать, вернее планировать, а взрослое чудовище уже нет. Монстр вроде летучей рыбы, только больше, хищный и опасный. Водится в морях-океанах. Что же, как говорил один персонаж: «это была ложь во спасение!»

— Только давай потренируемся, — подбодрив, поставил условие, — там, где будет не так дорого и безопасно для окружающих. Вот тебе, — достал заготовленный подарок, — начальная магическая палочка с покрытием из scarлетита.

Кая повела Рису на полигон гильдии, я обещал спуститься к ним позже, Мелам принял извинения Саитаны и, потрепав её за макушку, выразился в том духе, что рад за столь боевитую коллегу. Риса надулась от важности и крикнув «спасибочки, дядька Мелам» умчалась с Каей. Я остался с Нетфисом — время платить по счёту. Не так чтобы помощь

была прямо бесценной, но советы он дал грамотные, усилитель подготовил.

— Ваша милость, — сказал Нетфис Рилвир, нервно потирая ладошки, — в наших рядах одаренных огромные потери. Погибла ваша команда, авантюрист отправленный с принцессой и лошадьми. Половину стражников и этого бандита-наместника забрал королевский капитан. А ведь среди них тоже были одаренные. Защитный потенциал города снизился!

— Мастер Рилвир, — продолжил я за него, — так и скажите, хочу воспитать побольше одаренных с помощью вашего камня. Ведь суть просьбы в этом? Зачем так издалека заходить.

— Ну, да, — пробормотал он, — но это полпросьбы. Мне его в столичную гильдию отдавать. В этом проблема. Усилитель привез Гортам и сказал, что смог арендовать его всего на пару месяцев.

— Раз усилитель привез Гортам, — рассудил я, — это теперь его проблема. Всё равно его повесят. Или еще что страшнее. Просто с учеников берите строгую клятву не распространяться об этом усилителе. Позже, после настойчивых просьб столичной гильдии сделаем вид, что нашли его в личных вещах бывшего наместника. Или не сделаем. Как повезет. В столичной гильдии как-то выделяют мастера воспитавшего больше всего одаренных за год?

— Десять золотых и почетная грамота, — пискнул Нетфис, — разумеется, я поделюсь наградой с вашей милостью!

Я останавливающе поднял руку.

— Ни в коем случае. Моей наградой будут одаренные. Занимайтесь спокойно своим делом мастер. Но с вас занятия с начинающими авантюристами.

Распрощавшись с Нетфисом, я спустился на полигон. Там довольная Риса бегала и жажала с магпалочкой воздушной стрелой по мишеням, а Кая умиленно наблюдала за происходящим.

— Приятно да, — подколот её. — когда дети взрослеют. Скоро монстриков будет у тебя отбирать.

— Да когда скоро, — проворчала она, — надо еще в гильдии авантюристов зарегистрироваться, пройти минимальный обучающий курс, подождать пока команда или Килтил соберется пойти на слабых монстров.

— Зачем ждать, — удивился я, — сколько у нас еще времени до засады на барона?

— Часа три-четыре, — прикинула Кая. — стражников ты отобрал. Килтилу задание выдал. Все готовы.

— Значит сгоняем на болото, — решил я, — побьем ужаснокроликов. Делов-то.

— Так быстро, — нерешительно сказала Кая, — она же ничего еще не знает о монстрах.

— Аха, — подпустил я скепсиса, — только то, что они сожрали её родителей. Вот башню ей сорвет на мести, беда будет. Лучше с нами, мы проконтролируем.

— Риса! — подозвал я девочку. Та подбежала, сверкая радостными глазёнками.

— Всё, что будет сейчас сказано, — предупредил я, — всё, что ты узнаешь — очень страшный секрет. Никому никогда не говори. Забились?

Мы хлопнули друг друга по ладошке, скрепив клятву.

Потом я велел прочитать ей текст ученической клятвы, и она замерла, вчитываясь в появившееся сообщение.

— Дядя Джерк, — спросила она, — тебя послали Создатели по просьбе папы, мамы и

братика, проследить за мной?

Версия так-то логичная. Видишь чувака типа Создателя, он же явно не просто так в этом мире.

— Это тайна, — с многозначительным лицом сказал я, — но, если ты будешь себя хорошо вести. Слушаться меня и Каю, своих старших коллег, всё-всё тебе расскажу.

Сработало. Тайны всегда объединяют и дисциплинируют. Когда на плечах ответственность перед высшими существами даже безобидная малышка становится бойцом.

Договорившись о молчании, мы собрались, распрощались с попавшими на глаза обитателями гильдии артефакторов и потопали к болоту ужаснокроликов.

По пути Риса гордо размахивая палочкой, запуливила магией воздуха в небо. Она теперь не маленькая, пусть и умная девочка — она маг, борец с монстрами, элита королевства, благородная по праву магии. Здесь я пожалел, что не пообщался плотно с Аишей потому, что феодальная система выглядела довольно запутанно. Взять Джерка — он королевский наместник. Ко мне обращаются «ваша милость». Я человек благородный: «еще какой!» — загундел внутренний голос, — «потенциальный двоеженец и знатный растратчик». Но я не шан — это же наследственное обозначение благородного. Благородному одаренному до статуса, когда он может получить, передать титул, надо отрубить десять лет на простой должности вроде авантюриста и год — за два на должностях вроде командных, в гильдиях.

Боролся я с монстрами с четырнадцати лет, сейчас восемнадцать, десять минус четыре — шесть, три года службы наместником и я шан.

Но сейчас я не шан, хотя благородный по праву магии. Служу королю — значит, дворянин и вроде даже аристократ, власть-то у меня имеется, хотя предков в камзоле на портретах за спиной нет. Значит, в теории, мой статус выше шана. Чертова феодальная дичь, напридумывали себе классовых подступенок, еще и Джерк не сечет в этом, только основы знает. Благородный по праву оружия — маг или воин, здесь составляют этакое рыцарство. Потом значит идут шаны, а сливки из них — аристократия. Но я-то уже в эту часть вхожу, по службе и способностям. Просто пока без грамотки.

Я потер лоб, потом шепотом пересказал свои мысли Кае.

— Ненаследуемый дворянин пока, — пожалала она плечами, — о свадьбе с Аишей задумался что-ли, чего распереживался?

— А по статусу выше же? — жадно уточнил я, оставив без внимания подколку.

— А это как его величество решит, — ехидно сказала она, — в каждом отдельно взятом случае. У тебя вроде в королевской семье подвязки, уточни.

— Да это же чушь, — горячо высказался я, — правила должна быть понятны и ясны всем, толковаться однозначно! Иначе злоупотребления и коррупция, столкновения, фракции и терки! Вот Риса сейчас благородная по праву магии, как мне себя вести с ней?

— А, — поняла меня Кая, — ты из-за Рисы что ли так задумался. Шанья Саитана Риса прикольно звучит, но рановато думать. Вести себя так же. Будешь наказывать учти — она теперь и королю жалобу настрочить может.

— Я детей не наказываю, — гордо отвергнул её домыслы.

— Расскажи это Аише, — улыбнулась Кая.

Если бы у ужаснокроликов были свои историки, этот день назвали бы Падением Империи, Разгромом на зеленых полях, Битвой на болоте. А рассказ начинался бы с хохочущего маленького чудовища, восседающего на своем рабе, которое обрушило гнев воздуха на беззащитные ушасто-зубастые создания.

Чтобы не запачкать нарядную Рису, я посадил её к себе на плечи, а Кая быстро пробежалась по болотцу, собрав штук пятьдесят монстриков. Дальше я использовал на них свою верную «погибель», но ничего не произошло. Извернувши голову наверх, я кое-как поглядел на Саитану, её раскрытый ротик и непомерное удивление в глазах, всё объяснили.

— Риса, — сказал спокойно, (хотя спокойно — это спорно, когда такая толпища несется на тебя) — если ты не начнешь закидывать их своей магией, я уже никогда не смогу тебе открыть свой секрет.

Она опомнилась и скоренько добила их всех. Я опустил её на землю и церемонно пожал её ладошку.

— Риса Саитана, вы самый быстрый в новейшей истории Несты маг, получивший второй уровень!

Вместо ответной благодарности она странно посмотрела на меня.

— Джерк Хилл, две магии невероятная вещь, может ли быть такое, что ты Бог Создателей?

Я сразу понял, чего ждать. Нуаче, раз бог — давай, забери моих родителей и брата с небес и верни обратно.

— Нет, Риса, — обнял её, — какой из меня бог? Бог бы первым делом создал печенье. Потом поставил чайник. И вообще, про бэкапы не забывал бы. И не посылал никаких испытаний никому. Жили бы все в райском саду, без интернета и кредитов.

Не думаю, что Риса чего-то понимала, но тут главное не смысл.

— Жизнь сволочная штука, но иногда прекрасная. А между этими гранями есть миллионы оттенков. Будь мир черно-белым какая от него красота? Главное, что сейчас вокруг и пара запасных планов на завтра.

Я взял её за щечки.

— Никого не вернуть обратно. Понимание этого поможет кому-то справиться, кого-то загонит следом. Зависит от того, что ты хочешь причинить людям, которые тебя окружают: боль или радость? Что бы ты сказала Кае? Или мне, реши ты сдать. Давай наслаждаться жизнью и создавать такие моменты — вот, что сказали бы тебе твои родные, имей такую возможность.

Вру, конечно, ее родители простые переселенцы — это Риса будто совсем не из их социума. Но речь мою поддержали бы, не сомневаюсь.

— Будь сильной Риса, — её сзади обняла Кая, — твои родители бы гордились тобой. А Джерк ни разу не бог. Бог заказал бы тебе два платья.

— А я заказал, — сказал победно, — только второе будет делать мастер из столичного Зала портных.

— Второе платьишко, — обрадовалась Риса, — никогда не думала, что у меня будет такая роскошь. Теперь можно и в местный храм сходить.

— Да, почему мы еще не были в храме, Джерк? — спросила Аисаки.

— Хочу, чтобы в случае неудач, — произнес с постным лицом, — вы твердо стояли на ногах, а не падали на колени. Вперед, Кая!

Она побежала хохоча, потом засмеялась Саитана, и мир снова расцвел красками и веселыми убивашками монстров. Я мысленно утер пот: а вы думали... эти женщины... это же ходячие слезоточивые бомбы. Мастерски обезвредил, но впереди таких моментов еще сколько? Сапер, в случае ошибки, легко может скосплестить кукушку. А мне такого не надо.

Мы зачистили болотце за полчаса, Риса взяла третий уровень и Кая остановилась у самой большой норы, у подножия гор.

— По идее надо лезть туда, — сказала она с сомнением. — Но мы же тут застрянем.

— Встаньте за моей спиной, — скомандовал я. Вытащил рельсотрон и долбанул по норе. Шмякнуло, бахнуло, столб земли окропил гору, вяло побежал огонёк и дым. Появилось сообщение, что «Болотный Глава ужаснокроликов пал».

— Тут же всё откапывать надо, — сожалеючи протянул я. Кая помялась немного, потом решила. Хозяйственная лисичка никогда не бросит добычу! Плюс она разведчик — проникновение со взломом её специальность. Испачкаться не страшно, доверие товарищей важнее.

Сказав мне отвернуться, она разделась до догола и ввинтилась в землю. Саитана сочувственно охала и ахала, я стоял, отвернувшись и догадывался только по звукам.

«Кристалл ужаснокролей уничтожен» — возникла очередная надпись.

— Я возвысилась, за уничтожение кристалла опыт дают. Еще мне из спецумений «Оглушение» попало, — донеслось радостно-глуховатое снизу.

Я медленно повернулся. Из кучки грязной земли высунулась всклокоченная грязная грива в грязных же комьях, а среди них мелькали шальные глаза.

— И пять золотых за босса, — гордо сказала грязная голова, — отвернись сейчас же!

Я снова отвернулся, а Аисаки принялась отмываться в болотце нецензурно ругаясь. Я протянул, не глядя снятую рубаху: «Кая, вытрись хорошенько!».

— С-с-спас-с-сибо, — донеслось лязгающее. Рубашку выхватили, Саитана прыгала вокруг лисодевочки, струей воздуха подсушивая волосы, а Кая верещала, что холодно. Такое чувство, что сзади не две девчули, а табор цыган на передержке. Минут через пять мы уже неслись в городские термы, а Аисаки рассказывала, что было в норе.

— Жетон авантюриста вытащила старый, — делилась она на ходу, показав сверкнувший овал значка. — Там внутри куча костей, лежат остатки вещей людей, съеденных монстрами, небольшой зал с подъемом, на котором стоял кристалл. Босс валялся, вернее его дымящиеся останки и золотые. Приложила руку к кристаллу и сеттельмент ужаснокролей исчез, а мне дали немного опыта. Больше всего меня удивило, что на полу ни царапины, ни скола на стенах из камня, как будто твоя магия убила только Болотного Главу ужаснокроликов, но не причинила вреда окружающей обстановке.

— Наверно какая-то данжевая система для боссов, — задумался я, — вроде как полигонов в гильдии авантюристов или артефакторов. Там можно колдовать любые заклинания, и любые повреждения если и появляются, то быстро восстанавливаются.

— Было бы глупо, — согласилась Кая, — убить босса заклинанием и полечь рядом от упавшей стены. Слава Создателям!

— Согласен, а чей жетон? — поинтересовался я.

— Израк Лакуджин, — прочитала она, — не помню такого.

— Серебро уже потемнело, жетону лет пятьдесят, навскидку, — поделился догадкой

я. — Но мы все равно вплавим его в Столб памяти. Этот горемыка наш коллега.

Мы ворвались в городские бани Самура, и я с порога закричал: «тайная государственная верификация защиты помещения от монстров, категория «А»! Всем покинуть помещение!» В термах было полтора землекопа, но после моего крика их завернули в простыни и полуголых вытащили из зала, усадив с кружкой пива (я проспонсировал) за столик.

Мне кажется, они даже не сильно заметили разницу в обстановке, вцепившись в благословенную пенную жидкость.

Можно было до дома добежать, но бани ближе и парилка уже готова. Про верификацию я не выдумал, бывало такое раньше. Лет триста назад, во времена начала Нашествий.

— Подожду снаружи, — сказал я, бдительно проверив помещение на посторонних, — Саитана, ты уж постарайся Аисаки отхлестать веничком и парку поддуй, ты уже взрослая магичка воздуха, состоявшаяся колдунья. На тебя вся надежда, что Кая не заболит.

Снаружи меня ждал бледный владелец баней Мойнас Лулир. Напугал я бедолагу.

— Ваша милость, неужто Нашествие монстров каких? — с испугом воззрился он на меня.

Старикан уже лет тридцать управлял банями, и про него я совсем забыл. Бассик в доме бывшего наместника имелся, как и небольшая аккуратная баня. С попадалова всё так завертелось, что продохнуть некогда было. А между тем, Самурские термы — важнейшее культурно-развлекательное место. Надо готовить к ярмарке, расширять, горку водяную поставить.

— Мойнас, как бизнес идет? — поинтересовался я. — Нашествий нет и не предвидится, всё под контролем.

— Потихоньку, — поскучнел он лицом.

Небось думает грабить буду бизнес.

— Не думал расширяться? — настойчиво продолжал «пытать» бизнесмена.

— По утрам термы пустуют, в обед человека три-четыре, вечером заполняется, куда расширяться? — философски пожал он плечами. — Город же не растет или я чего не замечаю?

— У тебя обычные термы, — сказал я, — кадушки на двоих-четверых, даже без занавесок, крохотная комнатка сауны, потрескавшаяся керамическая плитка, ржавые местами краны и старый бассейн, где воду меняют раз в два дня. Что скажет его величество посетив твои термы?

— Его величество?! — испугался Мойнас, — зачем ему мои термы?

— Станет ему скучно, захочет искупаться, размять косточки, — предположил я, — или память кому косточки. Разве его величество не вправе сам решать куда ему идти и что делать?

— Да, но мои термы и дворец его величества разделяют почти сто километров, — робко сказал он.

— Семьдесят, — уточнил я, — день пути с нормальным лошадаками. Думаешь, раз в последний раз король был в Самуре десять лет назад и не посетил термы — Создатели милуют? Подвиг Влюбленных всегда будут помнить.

— Так из-за одного раза в десять лет строить еще одни термы? — упорствовал он.

— Про ярмарку же слышал, — поддал я фактов, — кое-кто из королевской семьи будет точно.

— Да выгоним всех с бани и пригласим его величество, — гнул своё упрямый старик.

Просто не хочет напрягаться, понимание этого охладило мой пыл. Я ему ни родственник, ни кореш, ни дружбан по посиделкам в домино в сауне под пиво.

— Сколько хочешь за свои термы, Мойнас? — внес конкретику я.

Лицо его хищно заострилось, нижняя челюсть подалась вперед, редкие седые волосенки вздыбились на макушке. Не хватало сакраментального «моя прелесть» и оскала редких зубов.

— Двести золотых, ваша милость, — каркнул он.

— Создателей побойся, старик, — жестко принял его подачу, — я где-то видел жалобу, что в твоей бане прелюбодействуют.

— Эти роскошные термы видели принца Шилнагаила во всем блеске его молодости! — возмутился Мойнас.

— Припоминаю, — сурово поджал губы, — это не после твоей бани ему дали прозвище «Молниеносный»? Просто зашел, увидел клиенток мадам Трески и свалил в ужасе из терм.

— Это старинное семейное предприятие! — кипятился Мойнас Лулир, — мой прадед начинал строить его по камешку, экономя на еде и плотских утехах!

— Говорят в гильдии уличных водопроводчиков хотят поднять плату за воду, — небрежно заметил я. — А Грил Кувиантран и Визас Селдовир слишком заняты делами в гильдии.

Грил был магом воды, четырнадцатого уровня, топчиком Самура и мог спокойно заменить своими заклинаниями городское водоснабжение. Иногда его нанимал город, иногда скидывались деревни — если вот прямо много-много воды надо было наколдовать и местные не справлялись. Из магов воды был еще Визас Селдовир, десяток полударов — с водой проблем не было, как и с урожаями. Но это если с наместником королевским не враждуешь.

Мы спорили с Мойнасом недолго, всё же должность позволяла вообще выжить его из города. Старик расклад понимал, как и то, что делать я этого не стану. Новый наместник — человек чудной, утвердились горожане через несколько дней, когда я отклонил все взятки, наказал гильдии за провинности перед горожанами, а теперь начал раскручивать ярмарку. Все сходились во мнении, что виновата любовь, я пытаюсь поразить Аишу своими свершениями и финал моих деяний немного предсказуем. Наивные средневековые аборигены.

— Мойнас, — поставил я жирную точку, — вы уже старый человек. В наши дни — это большая редкость. Вот проснетесь однажды, а вы посреди улицы в одних кальсонах и забыли дорогу к бане. Думаете горожане так лояльны к старости? Уверен, среди нет ценителей антиквариата. Они и слова такого не знают. Сто сорок золотых, через неделю зайду, готовьте документы.

Через полчаса, когда Кая и Риса, довольные и раскрасневшиеся, выпорхнули из парилки и подсели за мой столик, для них уже был приготовлен «биркруг» с холодным элем, приятным дымком овевавший деревянные стенки кружки. Для Аисаки неразбавленный, для Рисы с мёдом и водой. В принципе, и неразбавленный эль градуса всего полтора-два, а разбавленный слабее кефира.

— Не то, чтобы я против, — довольно сказала Кая, прихлебывая эль, — но всё же мы за час так выйдем.

Это она намекала, что платить придется за второй час, за ничего, по сути, ни делание, просто посиделки за столиком. То есть, пора и честь знать, — за что тут переплачивать?

— Да сидите уже спокойно, — подколол их, — купил я эту баню.

Восстановив свои силы элем, объяснил Рисе про заточку умений. У нее на третьем поднятом уровне уже выпало «парение». Умение на плюс семь позволяло ей планировать в воздухе двенадцать секунд. Немного, но подпрыгнуть метров на десять она сумеет. Или спрыгнуть с немаленькой высоты. От дальнобойных заклинаний или стрелы не защитит, но мобильность повышает в разы. А там мышцу подкачает, уворачиваться наловчится — масса применений найдется полезному умению.

После терм мы двинулись к гильдии авантюристов, где сдали Рису в суровые лапы Килтила.

Саитана было что-то придумала, запросилась в таверну посидеть-поесть «на посошок», но я отечески дернул её за волосы и пошутил.

— Дайте девочке рис, и она будет сыта весь день, назовите девочку Рисой, и она будет сыта всю жизнь. Ты же понимаешь у взрослых куча дел: добро должно победить зло, забрать у него золото, еду и хороших девочек.

— И тогда зло станет добром? — спросила Риса.

— Да не то, чтобы добром, — прикинул я, — просто бедное зло экспансивно астенично, оно перестает размножаться и умирает. Сами-то мы убивать не станем, мы же гуманисты, да, Кая?

— Как повезет, — пробормотала она, затачивая свой фальшон, — даже если убьем, то не больно.

Отрывать её совсем не хотелось, но воспитательный процесс должен с участием всех родителей проходить! Итак, одной рядом нет.

Кая сидела за примитивным шлифовальным кругом. Из кварцевого камня в середине, отходили два железных прута вниз, к деревянным ножным педалям. Кая жала попеременно ногами на педальки, натачивая меч. Можно было смотреть на это вечно, если не противный звук бормашинки.

— Вот, — сказал наставительно, — Кая старательно работала и стала авантюристкой. Теперь усердно трудится над собой, чтобы стать гуманисткой. А чего добились ты?

— Дядя Джерк, — посмотрела на Каю Риса, — а можно я не буду работать и просто выучусь на волшебницу?

— Моя школа, — умилился я, приобнимая малышку за плечи, — выучишься и будешь создавать работу для остальных как дядя Джерк.

Аисаки нехорошо на нас покосилась, и я постарался увести Рису.

— Не будем мешать тете Кае, малышка, — озаботился я, — а то она и вторую сторону меча сейчас заточит.

Здесь вовремя подошел Килтил, и мы с Каей сдали ребенка в мощные, надежные руки бывалого педагога. Кая еще поделилась с ней добычей с босса в размере золотой монетки, а я пропиарил Рису: дескать дите уже трехуровневое и кое-что может. Начальные второй-третий, все одаренные берут не сильно напрягаясь, другое дело не в восемь лет, кто их в таком возрасте на монстров возьмет. Нет, если это богатые, влиятельные аристо — вопросов нет: монстров привезут, свяжут, под купол подавления посадят, но вот так заморачиваться — удел для единичных избранных. В гильдиях авантюристов таких детей не бывает.

Так что встречайте новую звезду магии Воздуха — Рису Саитану!

Выдав длинную тираду уму и сообразительности ребенку, я перешел на деловой лад. Для авантюристов я сделал тайный заказ от города на содействие в поимке грабителей обоза гильдии кожевников. Потому, ради восстановления законности и справедливости, Килтил отобрал мага воды Визаса Селдовира, мага огня Дейвосо Пирикона, лидера собственной группы Ридлтрена Хлазинга с семерыми авантюристами. Я отобрал смешанный взвод с двумя сержантами и наиболее крепкими стражниками. Еще была пятерка глав гильдии, каждый с крепким родственником или подчиненным из гильдии. Может показаться, что перестраховываюсь: ну сколько там — десятка грабителей будет, ну два. Их три мага под прикрытием сольют за несколько секунд. Да я один ушатаю их своей вундервафлей, там после первого «бума», оставшиеся в живых и не контуженные, убежать кинутся.

Но важнее проверить бойцов в деле, скрепить боевые узы, показать купцам-ремесленникам, что мы не зря хлеб жуем. Беспроигрышный пиар на бесчестном феодале, что совсем «берега потерял».

По плану Аисаки пойдет первая. С её обнаружением, которому в королевстве нет равного, она проверит местность, а затем мы сядем в засаду. После Белого леса и оврага за ним местность оставалась ровной и открытой, принадлежала баронству Недлира, шла такой километров двадцать до владений графа Редри Лавулина, там уже стоял мост через речушку Эрайн. За проезд брали серебром с повозки, дорого, но это право феодала, который построил и содержал мост. С прохожего брали медяк, с конного — пять, исключая гонцов, служащих короля и крутых чуваков, которые могли графу популярно объяснить кто он по жизни. Seriously, такие бывали и Джерк даже пару раз таких матерых убийц видел пару раз в паломничестве к горе Двоих. В сопровождении у знатных, богатых особ. Такие не делились монетой не из-за жадности, просто по их понятиям — они никому ничего не должны.

Впрочем, наметанным глазом таможенники графа различали таких «убивашек» сразу и даже не подходили к ним.

Так вот, возвращаясь к барону. На своей территории грабить — он не идиот. Это жалобы, это повеление короля прекратить безобразия и найти виновных. Вдумчивые люди в бархатных, красных кафтанах приезжающие к барону на предмет поговорить сколько существует способов завязки узлов на веревке. На территории графа — там пост стоит, всех проезжающих фиксирует. Палево.

Такая индукция диктует нам засаду в Белом лесу и разбой на условно ничьей территории: после леса, но не за оврагом.

Мы собрались, я чмокнул Аисаки в лобик, повелел быть осмотрительнее и она, порозовев щечками, выехала из города первой. Дальше шли три повозки (призванные сыграть роль каравана с тканями) с главами и наш конный отряд. Сразу скажу, отношения Джерка с коняшами были никакие с самого детства, даже две трофейные от наместника это не вылечили за четыре дня, да и не могли.

Потому я смиренно сидел на испытанном мерине, которого рекомендовал Джил Свакинг и особо не трепыхался. Ридлтрен пристроился ко мне и попытался разговорить меня о принцессе, но я замотал головой:

— Бро, давай не сейчас, мне даже дышать страшно.

Он поулыбался, но отстал. Кровь из носу — научиться ездить верхом необходимо. Или возвыситься побыстрее Рису — пусть меня левитирует вместе с диваном. Буду появляться над полем сражения и мочить вражин, не вставая с дивана. Мечта всех экспертов — диванный маг Джерк Хилл.

Так я утешал себя, размеренно качаясь на коняшке: влево-вправо. Боязнь падения не была такой острой как первые три раза, но до конца не прошла. Ладно, главное доехать до точки назначения.

Так я, молясь и трясясь, провел полтора часа, пока поля перед Самуром не сменились лесом, с накатанной колеёй и не появилась Аисаки на резвой кобылке. Кая брала уроки езды с двенадцати лет, да и у профессии разведчика есть пассивные умения на управление транспортными средствами. Как взлом замков — профумение всех разведчиков. У меня, например, как у светлого мага повышенный иммунитет к проклятиям и заболеваниям. Как у тёмного — повышенный магический урон.

Кая подъехала к нашей группе.

— В конце леса два дозорных, один на дереве, — доложила она. — Первого еще можно попробовать взять, но второй среагирует, может подать сигнал.

— В твоей группе два лучника, — обратился к Ридлтрену, — у Ласари Дадри вроде умение снайперский выстрел имеется?

Ласари был тем самым лучником, что подстрелил панд, которых потом в мятном базилике приготовила Марта. Второй — Эфан Крадор, наёмник с восточных баронств тоже был неплох, но вместо снайперского, у него было умение повышающее урон. То есть, Ласари с умением точно не промахнется, даже если соперник выше уровнем. А Эфан может. Зато урона больше нанесет Эфан, просто убьет сразу если попадет, но Ласари будет бить дальше. Не думаю, что дозорный сидит на дереве в доспехах, ему хватит попадания от Ласари.

— Пусть его подстрахует Эфан, — добавил я, на что Ридлтрен согласно мотнул головой.

— Кая, снимаешь первого дозорного, — скомандовал я, — Ласари одновременно стреляет во второго на дереве, Эфан дублирует урон, — я, склонившись с мерина, передал им маскировочный оберег, что забрал с отступника еще в начале приключений, — мы немного ждем, потихоньку выдвигаемся и ожидаем вашего доклада.

Кая молчаливо показала большой палец, спешила, её кобылку взял под уздцы Джиро. Ласари и Эфан попрыгали, убедились, что ничего не звенит, не стягивает движение из обмундирования и исчезли вместе с Каей в лесу, обходя дозорных.

Белый лес состоял из деревьев, напоминающих мне кизил. Но земной кизил чаще всего просто кустарник, как дерево встречается намного реже кустарников, да и не самое высокое. А здесь — это здоровые лесные великаны метров до двадцати, с крупными белыми листьями и такими же плодами. Плоды несъедобны, с интересной особенностью: в воде набухают, становятся как каменные. На всем материке дерево носит название Идоги, и только шайнский вариант называют Тритской Идогой, потому что в нашем королевстве вдоль главной реки Трита и её притоков деревья белые, а в других местах — зеленовато-желтых оттенков.

Я подозвал главу лесорубов Лесодерю и принялся расспрашивать про лес. Дерево плотное, рубится плохо, делают из него всякое-разное: от мебели до повозок и от веников до стрел. Создатели мастерили из них лодки и корабли. Лес покрывал весь юг Шайна, но его расчистили с великим трудом для полей. Этот вот остался и тянется на север и восток на сотни километров, вдоль реки Трит. Далеко от реки не отходит, так что уже к западу и северу Белый лес сменяется другими видами. Монстры этот лес не особо любят из-за множества пчел, привлекаемых цветущими плодами.

Вообще-то, я уже прикидывал куда девать древесину леса: что-то продам на ярмарочном аукционе, что-то пушу в гильдию — леса много, а «зеленых» в этом мире пока нет.

Минут через пятнадцать я решил, что пора, и мы легким шагом двинулись сокращать расстояние до вражеских дозорных. Где-то метров через пятьсот мы увидели Ласари на колее, призывно машущего рукой. Оставив повозки на дороге я, взяв с собой Джиро, последовал за ним.

Проведя нас до искомого дерева Ласари остался прикрывать сзади, а я подступил к связанному мужчине, в зеленой накидке, лет сорока, с редкой бородой, местами тронутой сединой, разбитым лицом и испуганными глазами. Кая прислонила его к дереву, замотав рот каким-то шарфиком с явными следами крови. Рядом же валялся неопознанный труп мужика с неестественно вывернутой шеей. В его голове застряло сразу две стрелы. Никто из лучников не промахнулся.

— Красава, — сказал я Аисаки, — ты же моя лучшая, богиня разведки и мороженок!

Кая засмушалась, пошла пятнами и что-то буркнула вроде: обычное дело, бандиту надавать по щам.

Я приступил к связанному мужику и сказал: «попробуешь кричать, звать на помощь — в следующий раз очнешься связанным в свинарнике, когда тебя начнут жрать свиньи. Усек?»

Тот истово закивал, к нему подступила Кая и сняла импровизированный намордник.

— Доброго времени суток, — суетливо сказал мужик с разбитым лицом, едва почувствовал свободу волеизъявления.

— Доброго времени, сука — сухо ответил я. — говорить будешь, когда тебе скажут. Сколько вас?

Последовал небольшой разговор из которого выяснилось: барон Недлир ни в чем не виноват! По словам допрошенного мужика. Если, виноват — только в плохой воспитательной работе в своей семье. «Шалил» его сын, юный балбес, двадцати лет от роду. Сколотив шайку таких же дебилов из десяти сыновей служивых у барона молодой Рейн Недлир грабил, убивал и насиловал.

Тут я подумал, что старый барон, на самом деле, дважды виноват. В первом случае, эта скотина, предохраняться должна была.

Жаль, что покарать я его, то есть вот абсолютно — повесить на суку не могу, хотя хочется. Все же из значимых преступлений у него только ограбление моего торговца и умысел на второе ограбление. Убийство беженцев вменить, ну такое. Подданные другого королевства, в любом другом случае — это скандал, но нынешние власти Южной Каталлии, скорее, Рейну Недлиру медальку почетную дадут за искоренение ереси.

«С рук ему это не сойдет», — поклялся себе мысленно.

— Ты ему кто будешь? — спросил мрачно.

— Дядька я его, — выпучил глаза мужик, — любимый дядька.

Челядь дворовая что ли?

— Ты что ли его грабить-убивать учил? — уточнил лениво

— Бою учил на мечях, — торопливо признался он, — но не челядь я, у меня виргата наследственная еще от деда барона на восток сразу за оврагом. Виргату моему отцу дали.

— Большая виргата? — скучаяще продолжил.

— Тогда там еще лес стоял, старый барон сказал моему отцу, сколько леса вырубить за месяц, — мужик уже оправился и отвечал деловито, — всё твое. Рубил он с края, там деревья не такие мощные, а я помогал. Получилось от оврага до графа Лавулина земля наша. В ширину маловато, да в длину хорошо получилось.

— Не понял, — удивился я, — там раньше лес что ли был, там же поле до реки.

— Лес давно сгорел, во время засухи, еще лет двадцать назад — невинно ответил мужик, но мне показалась насмешка в его словах. Скрывает что ли факт поджога? А мне это важно?

Я пронзил его ледяным взглядом бывшего кадровика, узнавшего, что соискатель без паспорта и регистрации.

— Что тебе показалось смешным в том, что лес сгорел?

— Ту землю, включая лес до реки, прошлый король деду барона пожаловал, — выдавил мужик, — в жалованной грамоте было указано лес срубить, а брёвна передать короне. Когда он сгорел, король забрал землю обратно под предлогом, что раз брёвен не было, то и грамота в той части недействительна. А мой папаша срубленные брёвна передать успел, так что земля за нами осталась. Прошлый барон под землю залог на свадьбу взял — остался без жены и денег. Слег, заболел и умер.

«Факеншит, вот это у них интриги, — подумал я ошеломленно, — да этот гусь стопудов сам и лес зажег в компании нынешнего отца барончика, которому папаня мешал на пути к власти».

— А что король сейчас землю не раздаст под аренду крестьянам? — не удержался я.

— Там теперь без леса топят по весне каждый год, — непонимающе посмотрел он на меня.

Ладно, я и не обязан всю географию Самура и округи знать. Зато сейчас интересная побочка вырисовывается

— Девки и мать вчерашние где? — подобрался я к интересующему вопросу.

Мужик вильнул глазами вниз.

— Кая, пожалуйста завяжи ему рот, — ласково попросил я. Дождавшись, когда Аисаки сделает искомое, снова попросил отвернуться и прикрыть уши. После этого я выдал четыре закла подряд светового разряда. Да, заклинание начальное, по идее слабое, но не с моими способностями и проточкой. Действует как шокер.

Мужика скрутило, стало бить, он сучил ногами и что-то мычал, выгибаясь и падая на землю. Неприятно смотреть на такое. Но времена диктуют дискурс. Девчонок-то спасать надо и побыстрее.

Дав ему отдышаться с минуту, я спросил:

— Повторить или ты осознал, что думать вредно и надо просто отвечать на вопросы?

Он без колебаний преданно закивал. Аисаки брезгливо сняла шарфик.

— В моей виргате они, дома, в погребке, — хрипло выдавил мужик.

— Попользовали уже? — уточнил я.

— Пару раз прошлись, — признался тот, — так чужие же девки-то, в чем здесь наша вина?

Ну да, ну да — всегда так было же. Раз чужие, можно делать всё что хочешь.

— Знаешь такого, Блайта «Весельчака»? — спросил у него.

— Создатель из легенд, который Шайн от Нашествия осьмокрабов спас? — удивился мужик — конечно, знаю. Он же на принцессе женился нашей.

— А знаешь откуда он был? — терпеливо справился я. Когда мужик замотал головой, просветил — из Южной Каталлии. Принцессу он спас, не зная, что она принцесса. Просто «чужая» девка, что валялась чумазая и полурастерзанная монстрами где-то на берегу Эрайны.

Что с такими уродами делать? У них в мозгу выжжено: чужое — забери, чужой — убей.

Я повернулся к нему спиной и опустил большой палец вниз. Ласари тихо «шухнул» тетивой. Мужик обвис на Идоге, пришпиленный стрелой.

— Уходим, — сказал я.

— Двенадцать негрятя собрались пообедать, — пробурчал я считалочку на обратном ходу к своему войску, — двое поперхнулись, их осталось десять.

— А кто такие негрятя? — не удержала любопытства Кая.

— Это люди, — не стал скрывать правду, — которых держат в черном теле. Но применительно к нашим оппонентам — это им так кажется. Реин Неддир встал на путь порока, потому что его выгнали из свиты графа, когда он соблазнил горожанку в столице и бросил с ребенком — ты же слышала, что говорил тот мужик?

— Подлый поступок, — согласилась Аисаки.

— Вот старый барон и злился: шпынял, гонял, не давал денежного довольствия. Отчего взбеленившись, Реин сколотил банду и стал промышлять разбоем. Репутация испорчена, в столицу не попасть, но чья это вина? Ушел бы творить подвиги во славу королевства, нет он выбрал легкое, как ему казалось, ремесло разбоя. Наше первейшее дело — доказать ему пагубность его мировоззрения. Думаю, у тебя это получится, — я покосился на правый кармашек её накидки, где, мне кажется, она прятала свой кастет.

Поймав мой взгляд, Кая улыбнулась.

— Не сомневайся Джерк, теперь его улыбка потеряет актуальность.

А вы думали, учу потихоньку лисодевочку новым словам. Но она и без этого была лучшей на курсах авантюристов. Это Джерк ленился, а исполнительная Кая зубрила и сидела над конспектами. Жаль курсы коротки: они начинаются с момента регистрации в гильдии, но последние два года идут углубленно, с наставником и лекторами от столичной гильдии, что разъезжают по королевству, обучая новые наборы одаренных. У нас всего их, получается в Самуре, пока двое — Риса и Джиро. Очень мало, к нам пришлют какого-нибудь замшелого пенька, который ничему толком молодежь не научит.

Перед глазами как-то сама возникла картинка грубоватого лица в капюшоне со словами: «нам нужно больше одаренных, милорд»! Надеюсь Нетфис Рилвир с моим подгоном Тафирима до конца года успеет хотя бы парочку подготовить, хотя бы из Фреда и Чивы. А там и у крестьян кто появится, пусть хоть захудалый полудар, но со знаниями чего-то и добьется.

— Как там у Суры, — вспомнил я брюнетку, — получается что-то с мечом?

— Она старается, — покрутила неопределенно в воздухе рукой Кая, — но может это не её путь.

— Дар благосклонен к людям, потерявшим близких или испытавшим большое горе, — вспомнил я методичку от приезжавшего из столицы лектора. — Своди её к Нетфису, может на самом деле, её путь стихийная магия. Зря только себя истязала с мечами.

— Зато не разнесло от маковых булочек, — намекнула Кая. — Вообще, двадцать для Дара уже поздно, для полудара очень рано.

— Ты наставник, — сказал спокойно, — тебе решать.

— И чего, — возмутилась Кая, — даже попыток защитить свою первую любовь не будет, если я запрещу?

— Моя первая любовь, — пафосно произнес, — это твой хвостик Кая!

С этими словами, я небрежно сделал то, чего давно хотел: схватил и провел руками по пушистому сокровищу. Ух, мягонько.

— Джерк Хилл, — запунцовела рыженькая прелесть, — что ты себе позволяешь?

— Решил сравнить с ощущениями, когда под моими руками было две с лишним тысячи золотых, — интимным шепотом поведал я. Конечно, два лучника шли впереди нас и вроде не могли слышать, но решил перестраховаться. — И знаешь, твой хвостик понравился мне больше. И потом что за дискриминация? Кто давал волю своему языку совсем недавно?

— Моим языком говорило вино, — нелепо оправдалась, дважды смущенная, лисодевичка.

— А моей рукой вело чувство прекрасного, — не моргнув глазом, нанес добивающий удар я.

Кае сравнение понравилось, но победу в словесной дуэли оставлять мне она не захотела. Последовало теплая дружеская беседа в приятной атмосфере холодающего вечера — хотел бы сказать я, но нет, мы подошли к нашему войску, и Кая ограничилась тем, что пообещала вечером мне отомстить за хвостик.

Напугала пчелу мёдом.

— Диспозиция следующая, — объявил я соратникам. — Десантно-штурмовой отряд в составе всех магов, под прикрытием воинов со щитом, грузится в закрытые тканью повозки. Трясетя до искомой банды у оврага. Узрев огромные повозки забитые, как они думают, дорогой тканью, распаленные потенциальной наживой идиоты, бросаются к нам, мы срываем ткань и являем негодяем наши суровые лица, полные интеллекта и магической мощи. Быть может, найдется дебил, захотевший испортить нам триумф своей внезапной смертью. Это не беда. Главное не убить чувака на лошади, в замотанном повязкой лице, в шляпе, богатом плаще. А, да ладно, на лошадях всего двое, всадников бьем не насмерть — убиваем, в случае чего, его лошадь.

Я оглядел их мужественные, задорные лица и понял: надо призвать сестру таланта.

— Кто не бросил оружие — труп! Всадников не убиваем, только лошадь. Второй отряд из стражников и глав гильдии поступает под командование Аисаки. Действует по её приказам. Вперед!

Мы распределились по повозкам: я сел в последнюю, вместе с Визасом, Дейвосом, Ридлтреном и еще двумя авантюристами. Лучники и еще два авантюриста в среднюю повозку, последняя была пустой. Возчик тихонько тронул, и мы неспешно двинулись за добычей.

От Белого леса до оврага метров сто, мы молчали, на тот случай если у банды есть чуткие уши, должны же бандиты компенсировать свою умственную немощь чем-то другим. Зоркие глаза, быстрые ноги, да хоть что-то. Одаренным среди них был Реин Недлир, его дядька уже покойный, еще какой-то тип по кличке «Кол», он был копейщиком, потому узнав эту информацию я сразу подарил предупреждающий взгляд Кае. На мой неискушенный взгляд они могли хоть все быть неодаренными, но должны были иметь разведчика с «обнаружением» в банде — иначе всё закончится быстро и печально.

Вот как сейчас. Прошли две минуты, послышался лошадиный топот, молодецкий посвист, страшные крики «стоять, а то зарежу», легкий матерок, а повозка развернулась боком. Это я так возницу заранее инструктировал.

Я дернул шнур, скрепляющий ткань наверху повозки, она упала и нашим глазам предстало зрелище «пацанов, бегущих к успеху». Бежали они с разной степенью интенсивности, размахивая на их взгляд устрашающим арсеналом холодного оружия, вследствие чего немного растянулись, представляя собой легкую мишень. Но я на них даже

внимание не обратил: около нашей повозки гарцевали два всадника, один уже принял решение и скачком, подняв на дыбы лошадь, ринулся прочь от нас. Его лошадь сразу поймала стрелу-вторую, захромала, заржала негодуяще и жалобно, припала направо, подломилась и упала, но он уже спрыгнул и побежал к лесу, заметив второй наш отряд, несущийся к нам.

От отряда отделилось рыжее солнышко, Кая поскакала наперерез, настигла в секунды и... я не поверил своим глазам, взмахнула боло над головой и кинула его под ноги беглецу-подлецу.

«Нет, ну кастет еще ладно, у несостоявшейся Ночной гильдии сперла, но болеадорас у неё откуда, — недоумевал я над Аисаки. — Это не лисичка — хомячок какой-то получается.»

Пока мозг бандитов осознавал поступающую в него информацию они, постепенно сбавляя шаг, дошли до наших повозок, где со страхом уставились на сверкающий огненный шар в руках Дейвоса и холодно мерцавшую огромную сосульку Визаса. Выставив щиты, рядом стояли авантюристы, готовые закрыть при малейшей опасности магов.

Второй всадник уже спешил и с бледным лицом демонстрировал пустые руки.

Я зевнул. Поздно уже, темнеет. Надо спать пораньше лечь, а тут еще Аисаки мечь мне обещала за хвостик: устроит вечернее ралли, будет за мной гоняться по всему особняку.

— Граждане подонки, грабители, насильники и дегенераты, я новый королевский наместник Самура, — хорошо поставленным голосом обратился к ним, — у меня нет никакого желания возиться с вами. В течение двух ударов сердца сложить оружие и встать на колени. Кто этого не сделает — приляжет навсегда.

Они скоренько выронили свой небогатый арсенал и дружно преклонили колени перед красотой и аргументированностью моей речи.

— Обыскать, связать, положить в повозку, — скомандовал я авантюристам.

К нам подъехала Кая и скинула со своей лошади молодого барончика передо мной. Он застонал. Я брезгливо поморщился и подлечил его.

— Тоже связать, но в повозку ко мне, — распорядился я, — Кая опять молодцом, растет добытчица в семье, с меня поп-корн в чеддере, с грибами в чесночном соусе!

Кая козырнула по-анимешному двумя пальчиками к правому глазу, я аж прослезился. Но нам еще трофеи надо забрать, людей выручить из погреба и допрос в полевых условиях провести. Не время растекаться влюбленной лужицей.

Так что я забрался в повозку, ко мне закинули барончика, залезла Кая, наш отряд тронулся на пути к виргате почившего дядьки. Я поднял ткань и начал беседу с уже вполне оклемавшимся, достопочтенным шаном Недлиром-младшеньким.

Первым дело этот негодяй заявил мне, что я не благородный человек. Дескать держать его связанным не по обычаю, последнее дело. Но всю бесчестность моего поступка он простит, если его развяжут, поднесут бокал вина и мы даже поговорим о погоде, наслаждаясь закатом.

— Просто преступников держат обычно связанными Реин, — просветил я его, — это вовсе не потому, что кто-то здесь вас боится. Но я могу пойти вам навстречу, если вы станете честно отвечать на все вопросы: не юля и не пытаюсь сбежать как из столицы.

Он дернулся, намек про изгнание из свиты графа был болезнен. Со свиным сердцем не говорят про благородство, как говорил кто-то из королей Шайна.

— Обещаю, — хмуро кинул он.

Что бы вы думали — соврал скотина. Как Аисаки срезала путы, кинулся на нее наивный, пытаясь схватить и бросить в меня.

Тут ему прилетело от лисодевочки в зубы с неприятным хрустом, меня аж передернуло, что-то блеснуло в лучах моего шара света, что я наколдовал для освещения и подвесил сверху. Барончик перевернулся в воздухе и упал на пол повозки. Походу пары зубов точно лишился. Лечить я его конечно, теперь не стану. Не задался у нас диалог. Я правда устал от идиотов, хочется на диванчик и смотреть как Кая с Рисой ужин готовят, кормя друг дружку с ложечки и советуясь по ингредиентам. Кайф же.

Кая сняла кастет и вопросительно посмотрела на меня.

— Ну, пни его ногой, — посоветовал я, — может придет в себя.

Вроде несильно пнула, но Реин-младший аж опять перевернулся. Меня пронзила догадка: видимо, титул прибавлял силы Аисаки.

— Ничего не скажу вам, скоты, — прошептал он с ненавистью.

За такое на дуэль и убивать надо, но походу барончик себя уже списал со счета и хочет умереть быстрее, избежав позора. Нет-нет, у меня вообще-то на него есть планы.

Я остановил повозку, выкинул барончика из нее, приказав охранять и беречь, а мне привести его дружка, второго всадника.

Второго звали Аксель Бафин, был он вторым сыном шателена барона, то есть, коменданта его замка. Командующий замком должность для самого боевого товарища, но этот не в отца пошел. Поплыл сразу, как увидел окровавленного барончика без пары зубов.

Если с ним такое сотворили, то что со мной сделают? — как пить дать, вот его мысли.

— Аксель, давай так, — миролюбиво начал я, — рассказываешь всё-всё без утайки, а я тебя не убью. Даже пальцем не трону. Будет самурский суд, самый гуманный в мире. Ну может на рудниках поработаешь, лет пятнадцать. Но обещаю полный социальный пакет и целый день выходных!

У королевского наместника было вся полнота судебной власти. Это сына барона я не мог сам судить, но задержать, расследуя обстоятельства, а потом со свидетелями потребовать судебного разбирательства, то бишь заседания королевского совета. Там его, — поскольку свидетели у меня хорошие, от благородных до почтенных, а за Реином плохая слава — герб палачом был бы публично разрублен. Что и для самого барона позор и бесчестье. А вот его подельников я мог бить кнутом, «сажать в тюрьму до смерти» то есть пожизненно, руки рубить — там богатый выбор по «Шайнскому уложению». И всё прекрасно, но после передачи доказательств и барончика, Реин не стал бы ждать заседания королевского совета — слинял. Проще говоря, закон есть, но мер по его обеспечению нет, кроме честного слова благородного преступника, а заключать такого в темницу нельзя, без санкции короля.

Вот оскорбишь королевскую фамилию — разговор другой будет. Или сызменничаешь.

Потому в моей голове созрел план: как наказать молодого барона, так чтобы Самур остался в плюсе, обиженные девушки смогли бы начать новую жизнь, а барон... трудно думать за него, но, главное, чтобы не мстил. Мне — пару лет спокойных, без феодальных войн, а там отправим его на свалку истории.

Аксель запел словно соловей на рассвете. Правду всегда говорить легко и приятно, когда за неё не бьют. К сожалению, ничего нового я не узнал. Типичная биография феодала в опале. Сын потерял связи, с позором покинув свиту потенциального сюзерена. Старый барон бесился. Сын бесчестил местных крестьянок, бил крестьян — одного успел насмерть.

Кто-то откупался, кто-то и уходил в бега, Самур рядом, люди там свободные. Относительно, но всё же, королю не особо до них, чтобы притеснять новыми ограничениями. Платят аренду, урожай хороший, чего лезть к людям — тут игры феодалов большую часть времени отнимают, дочка растёт, Южная Каталія с колен встает.

В общем, Реин Недлир сколотил шайку отморозков и начал процесс первоначального накопления капитала, но не преуспел. Теперь его капитал частично вернется к бывшим владельцам, частично перейдет ко мне. Ведь земля — это капитал.

«Основной капитал, основное не бывает в этом нашем с вами мрачном магическом средневековье», — оптимистично заключил я, и выгнал Акселя из повозки. Повернулся к Кае, пожаловался:

— Не люблю эти банды «золотой молодежи»: подрывают основы государства, разрушают веру в социальную справедливость, разжигают классовую ненависть. Даже отмени сословность, избирательная практика правоприменения останется, цена только вырастет. Вот что мне с барончиком делать?

Из всего сказанного Кая уловила только тезис про отмену сословности.

— Это я буду равна какому-то серву из Нижних Лопухов? — нехорошо прищурилась она.

— В плане ответственности за что-то нехорошее, — уточнил я, — да. Зная тебя, ну что ты такого сделаешь? Цветочек сорвешь понравившийся, с клумбы за ратушей?

— Всё сложно, — сказала она, подумав.

— Всё сложно бывает, когда беременна, а вариантов от кого — несколько, — сварливо выразился я.

— О, — удивилась Кая, — и такое бывает? Я сейчас умру: семпай у меня такой образованный.

— Умрешь, когда разрешу, — не сдавался я, — теперь ты бессмертная! — и быстро перевел стрелки. — боло где стырила, признавайся, хомячок?

— Хомячок?! — возмутилась она. — любишь ты рисковать, Джерк Хилл. Беляши, небось, на вокзале у извозчиков покупаешь?

— Я просто читал надпись на твоей колыбельной ляльке, — признался в этом старом, забытым давным-давно прежним Джерком, факте.

Кая Аисаки тоже была подкидышем. На орешниковой ляльке, принесенной к воротам гильдии авантюристов, спустя три года после Джерка Хилла, под соломенным матрасом, в углу была еле заметная надпись «Хомяки». Про такое село Джерк даже не слышал, из чего сделал вывод, что населённый пункт находится не в Самуре и не в баронстве Недлира. Ляльки всех подкидышей оставались в гильдии некоторое время: в хозяйстве всё пригодится, мало ли послужит для каких-то целей. Конкретно люлька Кай, сама по себе, была необычной: красивой и крепкой, дорогой на вид и прямо сейчас еще пылилась на складе. Я не сомневался, что Аисаки тоже видела надпись.

— Не дотерпел, значит до дома, — со зловещими интонациями в голосе поведала Кая, — решил на месте испытать судьбу. Готовься к поединку, Джерк Хилл!

— Это будет эпичная схватка! — гордо объявил я, — хомячок против сталкера! Раунд уан!

Тут повозка остановилась, меня, занявшего место на задней скамье, шатнуло на неё, я неловко взмахнул руками и приземлился на колени прямо перед ней, сидящей на лавке сбоку. Так меня и застал в этой позе позора Джиро Такаши, объявившей о прибытии к месту

назначения.

— Когда-нибудь ты обязательно выиграешь, — царственно потрепала меня по макушке Кая, поднимаясь с лавки.

Виргатой называли базовый участок земли, выданный феодалом в пользование своему серву, в Англии. Надел свободного крестьянина назывался там по-другому — гайда. Создатели, в этом мире нюансами особенно не заморачивались, я просто представил на этом моменте как боссу виар-компании приносят сценарий и там для участка земли несколько названий. И он такой: «в смысле, для какого-то драного надела двадцать названий по типу обременения, субъекта и страны?»

Сценарист вылетает в окно и нет в этом мире никаких доменов, ленов, гайдов, прекариев и всяких хренотеней. Король дал землю — аллод. Феодал дал — виргата. И нечего людям голову морочить. Всяко легче для людей с работы, захотевших побегать на расслабоне в средневековом мире.

А потом пранк вышел из-под контроля: Создатели самовыпилились, мирок воплотился и зажил своей тяжелой средневековой жизнью. Так что феодал жаловал, передавал с правом наследования верным друзьяшкам из своей феодальной банды или серву какому виргату, а в грамоте приписка шла на каких условиях. Вот если продавал — называлось бы это... изменой бы называлось, ведь всеми землями владеет его величество. На самом деле, зависело от обстоятельств: королю нужно золото, феодал — брат, сват, кум королю, король пришел к феодалу просить немного войска. Тысячи мелочей вплоть до статуса и размера территории влияли на решение продать землю, или одобрить продажу земли одного феодала — другому, потому прецеденты были.

Подъехали мы к окруженной деревянным частоколом виргате, Визас поднатужился и болтом выбил ворота, авантюристы скрутили оставленного шайкой на охране подельника и какого-то пацана. Я скоренько выпрыгнул, повелел Джиро составить опись найденного имущества, забежал внутрь, держа Бафина за шиворот и пинком отправил открывать погреб.

Кая пошла осматриваться, искать заначки. Сам дом был не маленьким: сделан типичной фахверковой сборкой, между прочим, из нашей идоги — видать не всё деревья на бревна королю ушли. Каркас был заложен глиной, для местного климата вполне эффективное и экономичное решение. Помещение разделено на три зоны: немаленькая кладовка, большая гостиная, просторная кухня. Сверху мансарда для главара. Погреб был в кладовке.

Бафин отпер ключом, который взял из деревянного шкафчика, здоровый железный замок, с натугой откинул крышку и отступил, опасливо косясь на меня. Мне в нос ударил кислый запах мочи, пота, немытого тела и крови. Я повесил шар света и заглянул вниз. Знал, что зрелище будет мерзкое, будет вызывать отвращение, будет вероятно сниться, но я же врач немножко — надо идти первым, возможно придется откачивать кого-то.

На каких-то тряпках внизу лежали едва прикрытые девичьи тела со струйками крови на боку, ногах. Я сразу кинул лечение, нехорошо глянул на Бафина, тот затрясся, побледнел, руки заходили ходуном, крикнул, чтобы Дейвос нагрел большой чан с водой и полез вниз.

Одна из очнувшихся девушек, еще мелкая совсем, с ужасом, закрывая небольшую грудь стала отползать от меня. Черноволосая, с большими тёмно-серыми глазами, спутанные мокрые волосы закрывали правую сторону щеки, на левой — огромный кровоподтёк, можно назвать красивой, если не обстоятельства.

— Нет, нет, не надо, — шептала она, забиваясь в стену.

— Новый королевский наместник Самура, Джерк Хилл, — представился я, прокинув на неё лечение. — Все бандиты пойманы, связаны и ожидают моего суда. Тебе ничего не грозит.

Она зарыдала, затряслась, мне сделалось не по себе. Благо тут спустилась Кая, а я думал она заначки искала, но нет, с раздобытыми где-то тканями подбежала к девушке, укрыла её, прижала, стала мерно баюкать, что-то успокаивающе шепча.

Я подошел к оставшимся двоим, — о Создатели! — троим, среди них девочка. Широко открытыми глазами она смотрела на меня, взор её был полон ужаса.

— Как тебя зовут, малышка? — мне больше ничего в голову не пришло, кроме показательного сжигания всей банды на площади Самура и черт с ней, с экологией.

Кая ахнула, оторвалась от девушки, подбежала к ребенку, накинуд что-то еще из принесенных тканей, скомандовала дать ей больше света и отвернуться. Я молча проделал нужные манипуляции и устался в стенку.

— Её не тронули, — раздалось робкое.

Я скосил взгляд. Черноволосая девчушка отошла настолько, что смогла из себя выдать несколько слов.

— Как тебя зовут?

— Эрелана Ноккурет, ваша милость, — прошелестела она.

— У тебя есть братья, один из них с родинкой на щеке, второй лопухий такой, — покрутил около уха пальцем правой руки. Надо же её как-то отвлечь от всего. Да — средневековье, да — они все знают, что в любой момент может случиться всякое, никто не застрахован, даже благородный от насилия, но это всё банальные слова.

Она оживала на глазах, все же моё лечение мага света, пусть не самое профессиональное, но дико прокачанное, легкие травмы снимает моментом. Щечки порозовели, страх и скованность исчезали, речь приобрела внятность.

— Да, что с ними? — встревоженно спросила она.

— Всё хорошо, ждут вас в Самуре, — успокоил её.

— Мы спасались от фанатиков, бежали через болота, обошли столицу, — стала рассказывать она, — добрые люди подсказали нам, что в Самуре много свободных крестьян, решили начать жизнь сначала, двинулись сюда, перешли речку и на нас напали. Все пожитки схватили, убили отца и... — она всхлипнула, голос прервался.

Я отлип от стенки и рискнул её обнять.

— Всех вылечим, — начал коряво лить бальзам на раны, — всё будет хорошо. Тебя ждут братья, скоро в городе ярмарка, бродячий цирк приедет. Бард у нас есть Фирэлатр, знаешь, как шикарно поёт — все девчули визжат. А бандитов будем скидывать с самой высокой горы и смотреть по полету куда дуют ветра. Они у нас переменчивые зимой. Утром плюс восемь и загорать можно на крыше. А вечером плюс десять, но ветер с ледников — статуи орлов на ступеньках ратуши от холода трясутся и клювами щелкают.

Эрелана несмело улыбнулась.

— А вы правда королевский наместник?

Я имитировал вид загадочный и манящий, сделал вид, что плюнул на руку и пригладил волосы.

— Сама Аиша Выдающаяся меня умоляла возглавить город!

Скетчи у меня так себе выходят, но для средневековья прямо топовое представление. Она сейчас подумала, что я шучу и дрогнула уголками губ. Но ведь это близко к правде, за

сказанное мне ничуть не стыдно.

— Джерк, с ней всё в порядке, — послышался голос Каи, — но Верлита сильно напугана, не может говорить.

Мы в общем-то, в самом начале и решили потому не набиваться в погреб всем, не пугать несчастных такой толпой.

— А чего не может, — бодро сказал я, вытаскивая пакет с поп-корном, — у дяди Джерка есть волшебное средство от немоты.

Подошел к малышке. Кая бросила на меня взгляд и повернулась к следующим пациентам, оставив девочку на меня. Вроде все живые, никто не умирает, а то что в шоке — сначала надо самой маленькой помочь.

— Ам, — закинул я горсть поп-корна себе в рот, — знаешь Верлита как я стал Великим Магом Света?

Малышка пугливо мотнула головой. Светлая головка, глазки зеленые, остальное не разглядеть — мордашка в соплях и вся чумазая.

— Однажды, когда мне было столько же лет, сколько тебе, — начал вдохновенно врать, — я тырил яблоки у фермеров с повозки по дороге на рынок. И меня поймали за этим нехорошим занятием городские стражники. Бить или не бить? Словно мастера татуажа они собрались вокруг меня, решая этот вопрос. Тогда я гордо выступил вперед и сказал, что накажу себя сам.

Я выставил вперед правую ладошку и показал древний фокус отрывания большого пальца. Джерк в этом профи, конечности давно тренирует.

У Верлиты отпала челюсть, и она удивленно воззрилась на мой якобы оторванный палец.

Я поплевал на палец и прижил его обратно. Не сложится с наместничеством всегда можно будет собрать свою трупку и гастролировать по миру. Без куса хлеба с вареньем не останусь! Протянул Верлите кулек с поп-корном и заговорщическим шепотом произнес: «вся сила в этих маленьких белых кусочках, они дают магию. Не пытайся повторить фокус в домашних условиях».

Она осторожно продегустировала сладкий кусочек и блаженно зажмурилась.

— Вкусно, — прозвучало радостно в тишине, и жалобно — у меня мама потерялась.

— Всех найдем, — пообещал я, — всех спасем, всех вылечим и подарим по домику с персиковым деревом и котиком, в деревне у моря.

Я передал ей кулек с поп-корном, попросил не теряться и попробовать стать волшебницей, пока ищу её маму. Сам споро вылез из погреба, подошел к Акселю и, не говоря худого слова, проверил пару раз его сопротивляемость светлой магии.

— Там ребенок маленький, где её мама? — спросил его, когда он восстановил способность внятно говорить.

Однако, он ничего не знал. Размазывая сопли по полу, клялся в этом всеми Создателями. Я выгнал всех из дома, где уже пошукали и вынесли все ворованные вещи. Крикнул Кае, чтобы спасенные поднимались и умылись, сам вышел во двор.

Джиро, деловито чиркая на бумажке, ходил возле вынесенных из дома трофеев, вместе с главами гильдий. Авантюристы отдыхали рядом. Лучники выдвинулись чуть дальше за дом, контролируя подходы. Царил порядок и гармония, сказал бы я, но без мамки этой светловолосой малышки получалось сплошное вранье.

По моей команде, банду пинками подняли с травы, я грозно процедил, что мне нужна

мать ребенка, которого их бывший предводитель посадил в погреб. Молчать они не стали, заговорили вперебой, но тощий пацан лет двенадцати с самого бока выкрикнул, что сын Йоргена отвез её за прядильным колесом.

По моему знаку пацана за шкуру приволокли ко мне.

— Кто такой этот Йорген? — подозрительно спросил я малолетнего преступника.

— Хозяин виргаты, — четко доложил мальчишка, — последняя мразь и негодяй в этом баронстве.

— А ты типа Робин Гуд что ли? — скептически поднял брови, — грабишь богатых, раздаешь бедным?

— Я тут живу, — понурился он, — за домом слежу, за конями. Отца сквинки убили, мать умерла от простуды, остался один. Барон посервить хотел возвратным прекарием, но я отказался.

«Это у его отца значит была виргата, выданная под какие-то условия бароном», — сообразил я. — «Но после смерти семьи барон захотел поменять условия аренды, грамота ведь на отца была писана без наследования, но малец не согласился. Да он бы, итак, не потянул аренду».

— Барон виргату забрал — я по миру пошел. Йорген взял к себе, работал за еду, — закончил пацан.

— Смотрел как они грабят купцов и насилуют беззащитных женщин, — жестко уточнил я.

Пацан потемнел лицом, но твердо ответил:

— Собирался бежать этой ночью в столицу, знаю, где Йорген прятал монеты. Думал ночью уйти, взяв с собой женщин. Говорил об этом Камии, но она только испугалась. Камия — это мать Верлиты.

— И как бы ты через мост графа Ловулина проехал? — заинтересовался я.

— За три серебряных пропустили бы, — неуверенно сказал мальчуган. — В тайнике точно больше было.

— Как зовут? — спросил я, и получив ответ, принял решение, — иди за мной, Кристер.

Зайдя в дом, я наткнулся на негодующие глазки Каи и полуодетых женщин, отмывавших Верлиту в большом чане. Детская психика пластична, та уже весело плескала водой на своих бывших сокамерниц по погребу, а дальше я не успел ничего понять, потому что закрыл правой рукой свои глаза, а левой ограничил видимость Кристеру.

— Верлита, этот пацан тебе знаком? — спросил я, добросовестно жмурясь изо всех сил.

— Это Кристер, он мне пирог с ягодами сунул, когда меня в погребе закрыли! Он хороший, дядя Джерк, — пропищала малышка.

— Ладно, мама твоя приедет скоро, — поделился последними новостями с ней, — за прядильным колесом в деревню уехала. Ждем её.

Выйдя за порог дома, изрек, что ему крупно повезло и развязал мальчишку. Разузнал, где тайник, чего он по жизни умеет. Велел не отсвечивать пока и посидеть в сторонке.

Проверил как дела у Джиро, тот составил опись большинства товара. Поотбивался от глав гильдий, все рвались внутрь — проверить остались какие вещички, подбодрил авантюристов грядущей премией — небольшой, но приятной. Поболтал с Дейвосом и Визосом о преимуществе Лусанского скипетра огня перед Огнеплетью Радуги, тема специфическая, вроде как фламберг против цвайхандера, железячники такое любят пообсуждать — маги не отстают. Мечи эти в реале на Земле вошли в обиход в конце

средневековья, но Создатели ими пользовались, в этом мире они были известны, их даже использовали редкие счастливицы. Технология воссоздания была дорогая, узко-специфическая. Равно как и магические скипетр с огнеплетью были нишевым оружием. Один разряжал здоровый шар огня, огнеплеть била лучами огня семи цветов.

В общем, грамотно поубивал время: сблизился с народом, когда показалась искомая повозка. О ней доложил Ласари с его острым зрением. Зашел за частокол, спросил какие будут указания.

Повелел Ридлтрену выдвинуться на трех коняшках вместе с лучниками, подъехать к ним, втащить мужику и связать, женщину успокоить, заверить, что с её дочкой всё в порядке. Затем вернуться к нам. Отпустил их, поглядел на небо, где собирались свинцовые тучи, погрустил было, но тут на крыльцо выбежала чистенькая Верлита, завопив с ходу, что «белые вкусняшки» кончились, а она чувствует в себе «неимоверную магическую силу!»

— Да ваше Магичество, — благодушно признал я коллегу, — наколдуйте нам уже что-нибудь, мы внемлем с трепетом ваше искусству!

Девочка напыжилась от гордости, потрясла пальчиками, закрыла глаза и... на неё упало серебряное облачко.

Одна часть моего мозга холодно принялась подсчитывать предстоящие барыши от продажи поп-корна на предстоящей ярмарке, поскольку — это же женщины! Язык у них настолько ловок, что к вечеру в столице будут знать, что наместник Самура варит магические снадобья в виде белых шариков для проявления Дара. А также приворотные и зелья соблазнения, без них точно не обойдется — принцессу кто охмурил?

Другая часть мозга как-то растеклась в попытках понять — причем здесь поп-корн? Это эффект плацебо так сработал? Может мне в педагоги устроится, через лет десять в Шайне будут одни маги.

Еще мне стало интересно, какой у неё Дар, но это выяснилось сразу, когда она счародействовала: земля во дворе пошла волной и разбилась о связанных бандитах, кого-то просто повалив, кому-то переломав конечность. Этот знак был недвусмысленен и вызвал волну перешептывания среди авантюристов. Очень уж редкая специальность Верлите выпала — маг Земли.

На этой мажорной ноте во двор завели телегу с племянником, остывающего в Белом лесу Йоргена, который испуганно таращился через борт, придавленный коленом Ридлтрена. Кроме вышеперечисленных персонажей телега была забита каким-то скарбом, прядильным колесом и сероглазой, эффектной блондой, в льняном бордовом платье и овчинной жилетке поверху. Блонда еще на ходу, подобрав платье и спрыгнув, кинулась к Верлите, ошупала со всех сторон, не обращая внимания на её повизгивания и выкрики, что щекотно, обняла и заплакала.

Кая стоящая рядом со мной выдохнула.

— Вовремя мы подоспели. Кто знает, что с ними было бы.

— Ткаческий цех, — высказал я предположение, — бандитизм — хорошо, а бандитизм плюс капитализм еще лучше. Реин Недлир так подумал.

Поймал знаки вопросиков в янтарных глазищах, уточнил.

— Сделал бы по факту из девушек рабынь, нелегальный цех по пряже, пошиву одежды. Днем работают, вечером их насилуют. Хотя может именно Камии повезло бы больше, если так можно выразиться. В том плане, что была бы единоличной жертвой Реина.

— Ах да, вспомнила — бодро заявила Кая, — этот негодяй назвал меня скотиной.

Можно мне его на дуэль вызвать?

— Давай, — печально разрешил я, — сломай мне всю комбинацию, вытри Реином этот дворик, займёй в явных врагах барона, чтобы почаще оборачиваться на дорогах, высочайшее неудовольствие, что феодальную систему шатают все, кому не лень. Будто я его нашинковать на холодец не хочу. Только если так поступать — завтра пацаны из королевского совета приедут с грамоткой, где вовсе не мое одобрение наместником будет прописано. Потерпи ты немного, кровожадненькая моя.

Аисаки упрямо поджала губы, не соглашаясь, но резать Реина на салат все же не пошла.

Молодая блонда оторвалась от дочери, обернулась, нашла взглядом представителя власти и бухнулась перед Дейвосом на колени.

— Ваша милость, нет слов выразить вам мою благодарность за спасение дочери. Нас обманом увезли из Верхних Пышек и заточили в этом вертепе. Я и нить тяну, и шить умею, дозвоьте вам моим искусством поклониться?

Я по-новому взглянул на нашего мага Огня. Да, одет он дорого-богато: сюрко из бархата, на пузе и спине с меховой накладкой, вензели «Д» на рукавах, печаточка дорогая, артефактная, да и вообще, мужчина он солидный, рожа довольная, кто если не он наместник, не юнец же какой, что рядом трется.

— Эм, — растерялся Дейвос, — вот его милость рядом стоит.

— Мама, — потянула за руку Камию Верлита, — а я теперь волшебница.

— А Реина мы повесим на площади Самура, — не преминула внести свою лепту в номинации «событие года» Аисаки.

Всего этого блонда уже не вынесла и пала в беспомощности мягкой, упругой грудью на меня. Подержав её растеряно несколько секунд, я укоризненно вздохнул и аккуратно вскинув на плечо перенес в нашу повозку. А чего добру пропадать? Увезем в Самур и замуж выдадим за хорошего человека. Дочку воспитаем в лучших традициях магического средневековья: всех убью — друзей люблю.

Посередине двора, по моему приказанию вкопали бревно, сверху прибили доску, Дейвос выжиг огнём надпись: «Королевский наместник Самура объявляет сию виргату вертепом и местом преступления». Теперь барон знает, где искать сынка.

В наших повозках пришлось сильно потесниться. Разумеется, со стояла позади дома мы забрали пару лошадей, плюс ту, на которой гарцевал Алекс Бафин, повозку на которой разъезжал сын Йоргена, но трофеев было больше, чем мы рассчитывали. Пару тюков шерсти, различный оружейный хлам, ковры, мешок сухофруктов, крестьянский инструмент, зерно — много чего по мелочи. Забили телегу и повезли в Самур. Ничего врагу, а барона я считал натуральным врагом-вредителем, оставлять не собирались.

Сам я пересел в двуколку, оставив лошадку для более здорового чувака из авантюристов. Так же поступила Аисаки. Присели мы в повозку, забрали жертв местного «Пети Нирса», те еще бандитская скотина была из реального средневековья Земли, я изобразил бессмертное гагаринское «поехали», и наша дружная команда тронулась обратно в цивилизацию.

Камия Тайлид, пришедшая в себя, всё порывалась извиниться, глядя на меня «глазами Бэмби», пока я честно не сказал, что у меня всё в порядке с самооценкой.

— Я человек простой, — убедительно произнес, — девушка вы хорошая, профессия у вас завидная. Будем дружить домами?

Кая хмыкнула, Камия засмушалась. Да, человек простой, а как наместник странный. Не погнушался с обычными подданными вместе с какими-то беженцами в одну повозку сесть.

Явно хочет чего-то от них! Не бывает так.

— Дочка у вас няшечка, — польстил ей, но она только крепче прижала Верлиту к себе, — волшебница и специализация редкая. Вы нужны нашему городу, — пронизывающим взором батяни-комбата окинул их лица.

Ей было отчего падать в обморок при известии о дочке-чародейки. Все здесь знали, что такое магия. А теперь представьте: человек овладевший такой силой — ваш ребенок. Чего, уже раздумали наказывать его за слопанную банку варенья? Да ладно, даже в угол забоялись поставить за простую шалость? Дети, люди такие... не сильно уравновешенные, гиперактивные, непосредственные. Даже в строгом средневековье, где их с детства жизни учили — инциденты случались. Много на первом уровне не наколдуюшь, но всякое-разное учудить детишки вполне могли: что там надо чтобы человека убить? Подножку поставил, тот головой шваркнулся — труп. А если шар огня в своих сверстников запустить? Раза три для надежности.

Потому давным-давно во всех странах есть свой Статут Магии, в деталях различающийся, но в основе с одним императивом: будь добр найми учителей ребенку-магу, либо в первый же день Дара бегом к авантюристам.

Не сделал такого — штрафанут на первый раз. Если что, с дитем вместе на плаху пойдешь.

Потому всё Камия понимала, но сами поставьте себя на её место: никого из нас не знает, от барончика спасли, но может я еще похлеще извращенец. Лолихантер скрытый.

— Ладно, сделаем так, — решил я, оглядев «бабское племя»: Верлиту, Камию, Эрелану, её сестру и мамку. С ними я так и не познакомился, не успел в суматохе. — у меня новый контролер гильдий в дом старого переезжать не захотел. Прикипел, говорит к своему

жилищу. Поселю вас там, обживетесь недельку, подумаете, чем городу пригодитесь, там и поговорим.

Эрелана сочла момент подходящим, дернула мамку за руку, прошептала что-то на ушко. Их матери на вид было лет пятьдесят, но вы попробуйте в средневековье больше четырех раз родить, выжить при этом и детей сохранить. Ста процентов точно не получится, так что зная о четверых детях — уверен было больше.

— Ваша милость, дозвоьте, — она склонилась в поклоне, — Тротула Ноккурет, у нас были свои термы в Блайтербурге, мой муж, — её речь перехватило звуком похожим между рыданием и всхлипом, — мой покойный муж, был аптекарем, хирургом, я цирюльничала: укладка льном, стрижка. Дочерей выучила, сыновья больше на воинскую службу смотрели.

«Укладка льном — это она про бигуди тряпичные на волосы, — сообразил я, — вытащить горожан, державших бани сейчас, после покупки самурских терм, большая удача. Сам Блайтербург близок к столице Южной Каталии, странно, что они на юг побежали, на восток ближе вышло было.»

Спросил её о маршруте, оказалось там недавно прошло Нашествие странных тварей, и они выбрали путь длиннее, но безопаснее, как считали.

— Мужа убили сразу, — рассказывала она, — как только на самодельном плоту мы переправились через речку. Выскочили бандиты из зарослей камыша, налетели, скрутили их и пинками погнали вдоль речки. Братьев отделили от них и увезли. Меня и дочерей вели весь день, до этого дома, потом...

— Как тебя зовут? — вмешалась Кая обращаясь к старшей дочери.

Что потом мы знаем, а слёз я не люблю. Благодарно стиснул запястье лисодевочки.

— Нилэя, достопочтенная, — тихо ответила она, безучастно глядя на Аисаки карими, застывшими в страхе, глазами.

— Скучаешь по братьям? — не унималась Кая, — знаешь, я наставник городской стражи Самура. Если их тянет к воинской службе, могу помочь с тренировками.

— Кая Аисаки, лучший разведчик Шайна, — представил я её. — признана на этом пути Создателями дарованием собственного титула.

Тут они все удивились. Конечно, Аише дали мировой, но то принцесса, гений королевства, с ней всё понятно, да и воевала Чудесную Долину точно не в одиночку. А здесь рядом сидит лисодевочка тоже с титулом, пусть собственным — не мировым, но большинство в пятнадцать лет и сморкаться в платочек приучиться не в состоянии.

— И тебя, если хочешь научим, — щедро пообещала Кая Нилэе, — тянет к острым штучкам, признавайся!

— Если только на кухне, — робко улыбнулась Нилэя.

Я тут вклинился, чтобы узнать, что у этой семьи было с собой. Горожане они не бедные, а тайник, что сдал пацан, оказался внезапно богат на золотые. Нет, Кая нычку Реина нашла бы по-любому, но пацан время сократил на полчаса и не соврал, за что был освобожден и трясся в повозке вместе с авантюристами, а не лежал связанный с бандитами отдельно.

Оказалось, всяческие инструменты, вроде древней плойки, щипцов вырывания зубов — а цирюльники и такую услугу при бане оказывали, — они с собой прихватили. Была и наличность: пятьдесят золотых монет, вшитых в пояс главы семейства, что бандиты забрали. Довольно много для одного, но на семейство из пятерых уже выглядело не так внушительно. В тайнике грабителей нашлось шестьдесят три монеты золотом и всяческая мелочь. Внутренний хомяк не был сукой и только порадовался за состоятельность новых горожан.

Пока я предавался размышлениям, неведомым образом Верлита из рук маманьки выскользнула и как-то бочком-бочком очутилась у меня на коленке. Где удобно устроившись, стала пытаться меня прокусняшки, магию, предыдущее место работы, предпочтения в еде и какие девочки нравятся.

«Хорошо, что она читать еще не умеет, — сдохмил внутренний голос, — так бы справку по форме НДФЛ-2 уже показывал».

Камия за бойкую дочку испугалась, но вырывать у меня из плена не стала и только робко суетилась, взывая к этике, воспитанию и прочим скучным для ребенка вещам.

— Нормально всё, — успокоил я её, — Верлита благородная по праву магии. Главное на шею не садиться, — обратился к малышке, — первое правило мага, помнить об ответственности. Быть волшебницей круто, но твое детство закончилось вместе с первым заклинанием. Понимаешь?

Она посмотрела неуверенно — по типу, о чем ты, дядь? Но вслух согласилась.

Я мысленно чертыхнулся: прокололся, здесь детства не бывает. На ногах стоишь, не падаешь — добро пожаловать на кухню, в свинарник, поле, к станку, соседу. Да хоть колыбельку младшему качать: работу тебе найдут не переживай. Магия — не просто социальный лифт для них, прыжок в стратосферу. Разменять детство на магию — пф — дайте две.

Камия набралась смелости как раз спросить о магии земли. Колдунство незаурядное, в Шайне, например, было всего магов десять Земли, как помнил Джерк. Если кого еще не съели.

Магия Земли редкая специальность, потому что с унылым качем аборигенов до нормального уровня, где появляются сильные, как одиночные, так и массовые спеллы, местным возвыситься не светит от слова совсем. В начале у них идут защитные умения, единственный атакующий удар «Дрожь Земли», тот самый, что показала Верлита — медленный, хорошо заметный, от него легко увернуться, будучи готовым. До двадцатого — это маг поддержки, очень нужный при штурме города, в строительстве и сельском хозяйстве, где в паре с магом Воды может выдавать рекорды урожайности. Но такой малополезный, на начальном этапе класс заклинателя, мало кто брал к себе в команду. Королевство помогало, в приказном порядке прикомандировывая к группам авантюристов, но на практике контроля не было и такого мага прикрепляли во второстепенные команды, где, хоть убейся, много себе опыта не наберешь. А убиться это здесь всегда запросто.

— Но за Верлитой присмотрю лично, — пообещал я Камии. — У нас будет ярмарка, много чего строиться: без работы, практики, опыта она не останется. Монеток заработает. В конце концов у нас с Каей тоже девочка есть, подружим.

Все дружно посмотрели на Аисаки. Та залилась бордовым цветом.

— Де-де-девочка, — сказала она, заикаясь, — во-во-восемь лет.

— Но тебе же пятнадцать! — изумилась Камия.

— Тебе её аист принес, да? — деловито уточнила Верлита, — а какого цвета, большой-ли аист, ты его накормила на обратную дорожку? Он еще прилетит?

Остальные ошеломленно молчали, но за мысли в их головешках было страшно. Я решил взять удар на себя. Все пацаны так делают.

— Аист принес, — поднял я указательный палец, — не отрицаю. Но не Кае, а мне. Всем мальчикам, которые себя хорошо вели, на Новый Год Санта-Клаус дарит хорошенькую девочку, которую приносит эта длинноногая птичка!

Новый Год здесь был — Создатели принесли этот праздник с собой, он прижился, стал общенародным, а кое-где в северных королевствах его растянули на целый месяц. Ну, а что там еще делать: вышел из чума, убил тюления и жрешь месяц. Тюлений сам по себе животное туповатое, а на суше так вообще беспомощен. А выходить им на сушу надо: в холодной воде у них органы размножения не работают.

Я как из памяти Джерка эти воспоминания извлек: жалко стало животное до слёз. С трудом, значит, самку нашел, соблазнил, выполз на пляж на ластах, кое-как отработал, получил удовольствие, а к тебе лениво чувак в мехе твоего сородича подходит с дубинкой, напевая «между нами тает лёд» — тюк по башке и всё. Мишн комплит. Но это я отвлекся.

— Мама, нам нужно приручить аиста, — решительно сказала Верлита. — Я же хорошая девочка?

Накликал я на себя беду.

— Это так не работает, — возмутилась Камия, — аисты не извозчики, тебя уже катали один раз.

Верлита скривила носик, собираясь продемонстрировать окружающим глубину своей решимости завести аиста, солёностью своих слез, но я не позволил. Слегка потряс за плечи, переключил на себя внимание, приобнял.

— Ты прямо как одна знакомая мне, целая страна, — сообщил я удивленной малышке. — У тебя ужасное настоящее и великое будущее. Только у этой страны всю историю парадигма не меняется, а тебя мы завтра в гости приглашаем. Если слёзы красоту твоих глазок не испортят.

— А почему завтра? — бодро принялась расширять захваченный плацдарм она, — сегодня вечер такой сказочный.

— Вечерами, — раскрыл свои карты, — я каюсь. Прихожу со службы, встаю перед цуку на колени и кричу: Каюсь, притащи мне рыбку, Каюсь, давай чаю, Каюсь, разомни мне плечи!

Женщины снова синхронно посмотрели на Аисаки, но уже с одобрением. Кормит мужика, развлекает, ай, какая молодец. Цукуэ сильно в моду не вошли, здесь вам не Япония, но в память Создателей разок-другой в год этот низенький столик сервировали и ели с него, выражая уважение, чтя традиции. А буква «э» со временем отмерла.

В общем, вот так, с разговорчиками и шутейками мы доползли до Самура. Я рассортировал добычу: женщины со мной, парней семейства Ноккурет вытащить из камеры, утереть скупую мужскую слезу, глядя как они обнимаются со спасенными сестрами и матерью. Товары Перимаха Дувина вернуть ему под расписку, пятьдесят золотых и захваченные инструменты — семье Ноккурет, остальное в казну, продукты — повару стражи, лошадей в конюшню. Затем толпой двинулись — я с Каей к своему особняку, семейства Ноккурет и Тайлид за мной. Я прихватил Кристера, малец не побоялся за женщин заступиться, спланировал побег — вины на нем нет. Топал рядом, закинув на плечи мешок с начальным провиантом для двух семейств.

Дом прежнего контролера гильдий был следующим от виллы бывшего наместника. Элитный квартал с домами глав гильдий: от алхимиков до ремесленных. На дороге освещали путь, подчеркивали статус района, два высоких столба с артефактными светильниками в железной клетке.

Дом наместника стоял на некотором отдалении от всех, идти от ратуши до него было минуты две, патруль стражи бдил, несмотря на то, что в городе у каждого квартала была своя

неофициальная стража из наиболее мощных и уважаемых жильцов. Пара-тройка крепких мужиков при криках «наших бьют» быстро превращалась в десятка два-три вооруженных и злых горожан.

Конечно, такое случалось редко и не дело горожанам формировать свои отряды, но традиции таковы: своеобразное ополчение было у каждого райончика. В нашем, элитном — распределения на охрану не было, там вида одного мясника Глеорана хватило бы усмирить любого хулигана. Не тянет шпана против маньячилы ростом под два метра, с хмурыми сросшими бровями, мощным лбом и плечами борца-тяжеловеса. Да и шпаны, как таковой, в Самуре не было. Время не толерантное: здесь у любого оружие, переходные состояния между просто дерзким горожанином и бандитом отсутствуют.

— Вот, — продемонстрировал я свой «скромный особняк», — здесь мы с вами расстаемся. Следующий дом ваш, — я ловко кинул ключ от него, что забрал из хранилища в ратуше, старшему сыну.

Их домик, располагался метров через сто, за аккуратным палисадником с абрикосовыми деревьями, крючкато раскинувшимися своими голыми ветками.

«Весной красиво будет выглядеть во время цветения», — прикинул я.

— Живите дружно и осторожно, — наказал я, — жилище для вас временное. Город будет продавать его на торгах, если не объявится настоящий хозяин. Так что не шали, Верлита.

У меня на них оформились планы: магичка Земли, бывшие владельцы бани — всё так в тему пока идет, неужели завтра принцесса пожалует? Разрушать и наводить ужас. В равных пропорциях как на жителей, так и монстров. И на меня.

«Ты просто скучаешь по Аише», — проницательно заметил внутренний голос. Ответить я ничего не успел. Из-за нашего, в отличие от соседнего палисадника, высокого забора выпрыгнула с шумным криком фигура ниндзи, вся в тёмном и с диким визгом кинулась к нам. Так же можно и удар схватить!

— А это твоя будущая подружка, — сказал я замершей в испуге Верлите, — маг Воздуха Риса Саитана, видишь уже «парение» освоила и разносит инфаркты по Самуру.

Вместо инфаркта Кая поймала в прыжке Рису и приземлилась вместе с ней. Это у неё хватательно-оберегательный рефлекс сработал. Впрочем, приземлившись с «добычей» Аисаки сделала вид, что так и было задумано — тренировка перехвата мага Воздуха, антимагическая защитная практика. Поправила прическу Рису и озабоченно спросила, как та провела время и подвела к нам.

— Верлита Ноккурет, — представил я ей зеленоглазку, — маленькая волшебница стихии Земли.

Две маленькие будущие шаньи забавно раскланялись. Смотреть как две независимые девчули знакомятся похоже на шоу из передачи про диких животных: самки осторожно принимают, ты чья будешь, можно тебе волосинку отодрать, запустить ноготочком или не стоит? Конечно, в нормальной жизни маленькие девочки не так себя ведут, но потеряв близких, повидав всякого дерьма: от смерти до монстров, к людям, с которыми будешь жить, возможно, долго и счастливо, относишься очень щепетильно и придиричиво.

Поскольку они обе — мои, в том смысле, что верноподданные его будущего величества Джерка, долго комедию тянуть я не стал, взял их за лапки, пожаткал между собой, сказал, что у меня они не забалуют, по крайней мере, сегодня. А завтра познакомятся поближе и решат о совместных хулиганствах вместе.

— Объявляю сонный час, — скомандовал я, — всем доброй ночи, не болейте.
И был таков, утащив Каю и Рису за собой, в свой милый, тёплый дом.

— Риисаааа, — протянула Аисаки, — ты что-нибудь умеешь делать быстро?

— Да, — невозмутимо ответила Саитана.

— И что? — саркастично поинтересовалась Кая, — пиу-пиу магией? Хватит корчить рожицы зеркалу!

— Оно первое кривляться начало, — возмутилась Риса и, оттянув нижнее веко правого карего глазика, одновременно показала зеркалу язык.

Наше величество и его верные миньоны собирались с утра на суд. Дело торжественное и церемониальное, потому девчули после легкого завтрака тщательно наряжались. Я с утрачка не особо хотел просыпаться, но Риса, пришедшая ко мне с подносом еды, сказала, что в таком случае съест мой завтрак сама. До моего носа донесся запах бризоля с креветками, и мозг оживился, восстал в предвкушении. Потом я отжимался, одевался, хорошо — бриться не надо. Вышел из спальни через десять минут, а потом еще полчаса ждал девчонок.

В Шайне, как и в большинстве стран материка, основной суд был сеньоральным. То есть полнота досудебного расследования, уголовного преследования, вынесения приговора ложилась на плечи феодалов. Учитывая уровень этих самых феодалов, их компетентность, желание правосудия и понятий, что «закон здесь я», очевидно, что работала система криво. Подсудность определялась сословностью. Не всякий феодал утруждал себя работой по осуществлению правосудия — вернее так, с охотой — если можно было поймать монет. Создатели правосудие успели немного осовременить, но тут всю систему менять надо, а им немного не до того было, подозреваю.

Хорошо, хотя бы обязательность вины убрали. Фишка средневекового процесса была в том, что обязательно в итоге судебного разбирательства находился виновный. А поскольку там в процессе сбор доказательств и вызывание на суд на плечи истца ложился, то представьте — не доказал ты вину обвиняемого, значит виноват ты. Штраф, плети, изгнание, повешение — смотря в чем обвинил другую сторону. Нет, если ты безрукий, хромой, слепой карлик и точно не мог убить жертву выстрелом из лука — виновным тебя не объявят, когда оправдают тобой обвиняемого человека. Ну, будет лук в таком случае виноват.

Да, в средневековом суде могли признать виновным предмет. Или само оружие. И все довольны, всем хорошо.

Хорошо хотя бы церковного суда не было, а с ними всяких ордалий, мысленно перекрестился я. Создатели из своего появления религии не сотворили, но даже наоборот запрещали такие дела. Конечно, после их ухода храмы и всякие ответвления религиозные потихоньку появились. Но публичные, и не раз, высказывания совершенно различных Создателей, в разных местах мира о том, что любую религию со своим участием они сочтут за оскорбление, — духовному окормлению не способствовали.

Прошедшие века размыли эти императивы, но слабость церкви по сравнению с королевской или феодальной уже стала фатальной. В конце концов, всегда были живые маги, что творили всякое волшебство. Храмы были местом памяти, уважения, но не поклонения. Хотя, вспоминая что творится в Южной Каталлии...

Я очнулся от размышлений, взглянув на Рису, которая напялила на себя берет с вышитой лисичкой сзади. «Вот ведь, подлиза выросла», — умилился, душевно вышло.

Риса повернулась направо, крутясь перед зеркалом и моим глазам представал вязаная

надпись «королевства уходят».

«Хм, у них уже и мода на надписи заходит», — благодушно подумал я.

Риса повернулась налево. «Короли умирают», — прочитал я, холодея.

— Кисуля, — сказал я ласково, — а повернись-ка ко мне своей моськой.

Да, по центру берета была надпись «магия навсегда».

«Нормас — сказал внутренний голос, — адепты магоголизма даже до Шайна со своей пропагандой добрались»

«Ходят слухи, что их рассадник в северо-восточной Академии Магии, но это от нас далековато» — болезненно удивился я, а вслух строго спросил.

— Риса Саитана, это что за мракобесное творчество? Что за пропаганда магоголизма?

— Магоголия как алкоголь, — независимо заявила Риса. — её нужно принимать таким, какая она есть.

«Это просто форма оммажа, — предположил внутренний голос, — знак уважения магии»

«Ты вообще заткнись!» — рявкнул я про себя на голос, а Рисе криво улыбнулся.

— У тебя шарфик есть клевый есть, — строго напомнил я, — розовенький такой, отлично смотрится с твоими каштановыми волосами и сочетается с полусапожками.

— Тебе не нравится берет с этой фразой? — неприятно удивилась Риса.

— Мы всего-то на вечер уехали, — заявила Аисаки, становясь на мою сторону, — а ты уже в политику ударилась. Что, вернемся через день, ты уже замуж выйдешь или в наёмники пойдешь?

— Магоголики посвятили свою жизнь борьбе с монстрами! — выпалила Риса.

— И че, — много убили? — спросил я, — котиков на эксперименты больше извели. Ты мне эти замашки брось. Из человек они пока на добровольцах из бедняков свои методики пробуют, но помяни мое слово, скоро там массово начнут биологические лаборатории строить. А потом не успеешь подорожник прилепить, как в монстра превратишься, только на двух ногах и в белом халате. Ставить магию превыше всего — это путь к гражданской войне. Хочешь, как в Южной Каталании?

— Но там же не магоголики всё это натворили, — надулась Риса.

— Потому что они слегка умнее сектантов, а что из этого следует?

— Что бед они натворят больше, — высказалась Аисаки.

— Вот, — наставил я указательный палец на Рису, — в Кае Аисаки нет магии, у неё Дар воина. Но она любого мага ушатает в «собачьей свалке» как энтомолог букашку. Кая умнее, хитрее, опаснее большинства магов, но из этого фетиш не делает. А могла бы.

— Один на один, не ушатает, — пробурчала Риса.

— Если у нее тихий шаг, — сказал я, — значит и стелс упадет. Всегда так было. Маг её ни перед, ни тем более, после удара не увидит. Волшебнику много не надо: детскую погремушку кинул, концентрации на заклинание уже нет. Риса, маги просто тряпки: урона много наносят в прикрытии. Без него живут один-два удара. Думаешь лучник снайперским выстрелом промажет потому, что ты воспарила на десять метров выше?

— Да при чем тут это? — вознегодовала Саитана, — зачем мне с лучником каким-то драться?

— Да потому, — устало сказал я, — что у магоголиков концепция такая. Мир для магов. Смекаешь? Места для Аисаки там нет. Так что в случае чего, при соотношении один к трем, как у магов к воинам — всех магов просто вырежут. Потому магоголики хотят получить

метод стопроцентного получения Дара магии. После этого избранных одарят, а остальные разумные станут им не нужны. Они не ради мифической борьбы с монстрами эксперименты проводят, а за власть дерутся. Вот такие, как ты, потерявшие родных, доверчивые и юные — их первая добыча.

Я её понимаю: монстров ненавидит из-за смерти родных, стала магом — надо действовать. Бороться с монстрами — удел всех одаренных, маги с их АоЕ вне конкуренции по умертвлению чудовищ. Значит, вся власть — магам, а уж там мы им покажем. Логично же. Так магоголики вербуют себе сторонников.

— Слушай, Риса, вот собрала ты всех магов Шайна, — предположил я, — вон через километр гора Подвига Двух, вынесешь големов?

Крыть ей было нечем, сколько угодно теорий придумай, а вот реальность — осилишь практикой?

— Дело же не в количестве магов, — сказал я, — в уровне, технической оснащённости, тактической подготовке. Да хоть всех в Несте в магов преврати, поможет тебе это шахту очистить? По ушам тебе проехали, лозунг вкинули про «магию навсегда» и критическое мышление у тебя отключилось. Не надо так.

Риса сорвала берет, кинула на пол и попрыгала на нём с яростью выкрикивая что-то вроде «ненавижу монстров!»

— Люди страшнее чудовищ бывают, — изрек я, — те, хотя бы людьми не пользуются и не обманывают. Но ты мне веришь?

— Да, — она подняла на меня глаза, полные слёз. Аисаки молча приобняла её за плечи.

— Шахту мы попробуем зачистить, — выдал я, — способ разработан. Если получится, теоретически все логова монстров можно будет закрыть. Только если ты помочь хочешь, надо учиться. Надо быть хорошей девочкой, иначе в команды не берут. Значит, что?

— Занимаемся спортом, правильно питаемся, учим магию и тактику её применения в группе, — пробрюзжала она.

— А что там первое правило группы гласит? — осведомился я.

— Психов в группу не берем, — тихо сказала она.

— А по-научному? — не отставал я.

— Достаточность психической устойчивости команды, — затараторила она, — определяется совокупной нервно-психической устойчивостью каждой боевой единицы. В основе этой устойчивости лежат индивидуальные компоненты нервной системы: сила, динамичность, подвижность, лабильность и их производные, такие как характер, интеллект, темперамент.

— Вот так, кисуля, — удовлетворенно заключил я. — Подняла беретик, расправила, отряхнула, положила на столик. Вернешься с занятий — перешьешь надпись.

— На какую? — удивилась она.

— Ой, да, Создатели с тобой, — легкомысленно махнул я рукой — да какую хочешь. Всё вино беру на себя. Не целуйся без любви. Ты — не ты, когда никогда.

Я подхватил Каю за руку и протянул ладошку Рисе.

— Сделали вид приличный и няшный, — скомандовал им, — Самур жаждет шоу, и мы его покажем.

Суд я организовал на площади. Вечером стража ходила со специальным профессиональным «выкликалой», человеком, зазывающим горожан к торговцам. По совести, обычный городской глашатай. Но по королевскому закону, должность глашатая

могла существовать в городе с населением от трех тысяч. Разница была в оплате и статусе города. Уж я-то всё сделаю, чтобы Самур поднять.

Выкликнула пару раз по городу прошелся вечером, покричал про суд. Так что какое-то количество жителей я ожидал увидеть: двести, триста. Но человек семьсот, вокруг импровизированной трибуны у фонтана, было увидеть странно. Пол-города приперлось.

«Наверно потому, что дел сейчас немного, сезон мёртвый для дел и горожане скучают, — решил я, — надо продумать культурные мероприятия на такой случай. Ладно я, с утра до ночи вожусь с делами, бандитами, монстрами. Горожане в это время с ума сходят от безделья. Газета нужна, клуб с домино и шашками, футбол надо бы изобрести и стадион построить.»

Я взгромоздился на сколоченную подручными главы гильдии плотников Зигли Белдера трибуну. Строго и радостно оглядел толпу, своих бравых стражников, взявших в полукольцо понурых бандитов. Оценил утреннее небо. Десять Мауна Кеа из десяти. Это если что, гора на Гаваях.

— Мои дорогие самурцы и самурки! — выдал начальную тираду я. — Скромных городов не бывает, бывает те, которым нечем похвастать. Так сказала мне Аиша Выдающаяся, повелевая взять судьбу сего славного града в свои руки. Еще она добавила, что жаждет встречи с Самуром вновь. Так можем ли мы разочаровать нашу принцессу?

Переждав гул голосов: «нет», «мы — город Подвига Влюбленных!», «костьми ляжем — город украсим». Последнее мне очень зашло, даром что не некромант, просто на юмор отзывчивый.

— В эти дни, когда мы, не щадя своих сил работаем на благо Самура, — зашелся в я праведном гневе, — находятся негодяи, что думают украсть наше богатство.

Я вытянул руку в обличающем жесте на грабителей и в них тотчас же полетели тухлые яйца.

— Они ограбили Перимаха Дувина, убили главу семейства переселенцев, хотели посервить свободную женщину, угрожая её ребенку, насильовали и сеяли хаос. Воздадим ли мы им по заслугам за их преступления?!

«На костёр их!», «четвертуем!», «разорвем лошадьми!» — жители Самура, как и все остальные, особенным гуманизмом не страдали и не наслаждались.

— Не имеете права! — вскричал вдруг шепеляво барончик, отплевываясь от скорлупы, — я благородный шан и неподсуден сеньоральному суду!

Я поглядел на него свирепо и яростно, недоумённо и с брезгливостью.

— Почтенные жители, кто готов засвидетельствовать, что это сын барона Неддира? — спросил громко.

Аксель Бафин открыл было рот, но поперхнулся мощным и быстрым тычком от Джиро Такаши. Остальные преступники благоразумно молчали.

— Пока кто-то из свободных и благородных жителей не засвидетельствует твою личность, ты самозванец, — объявил я во всеуслышание. — Дайте ему по роже, чтобы не гнусил больше.

Далее я попросил свидетелей дать показания. Вперед выступил Дувин, изложил как всё было, в конце скромно попросил простить и забыть его прежние цены на товары. Теперь они будут ниже на одну десятую. Затем в «часе суда» выступили Лэдри Каролинг, Ридлтрен, рассказавшие, что обнаружили в бандитской виргате. Джиро Такаши поведал о предварительном допросе, перечислил украденное. Тротула Ноккурет и Камия Тайлид

добавили жесты в описании деяний шайки. Затем слово взял я.

— Доблестные горожане, — подытожил я, — банда схвачена и изобличена. Слышал здесь предложения по казни: сжечь, разорвать, отрубить. Хочу спросить: вы чего такие щедрые, самурцы?

Народ недоуменно безмолвствовал.

— Наказать надо так, чтобы в веках помнили! — прокричал я злобно, — но одновременно с выгодой. Толку если их кровью всю площадь здесь залить? Отмывать неделю придется, а прибыль тут где? Предлагаю пускать их на эксперименты по пробной добыче руды из заброшенной шахты.

— Так шахта заколочена, — робко сказал какой-то горожанин в передних рядах.

— Откроем заново, — неумолимо пообещал я, — запустим пару негодяев, выживут — расскажут, что там происходит. Не выживут, Создатели наверху разберутся что с ними делать. Выживут — повторим столько раз, сколько потребуется для искупления вины.

Тезис про Создателей был неоспорим. Переложив ответственность на высшие силы народ успокоился. Я еще задвинул было им про благоустройство города, корзинки для мусора: хайтек, выставленный по моему повелению на обочинах городских улиц, но народ поскущел.

— Ладно, — смирился я, — развесить этих по перекладинам.

Пусть народ поупражняется в метании овощей. Не стоит им праздник портить. Барончика, кстати, тоже повесили — Аисаки же обещала Камии. Не стану портить имидж лисодевочки невыполненными обещаниями. Повесили бандитов, правда не за шею, за руки за ноги, буквой «ж». Народ возрадовался, активно поплеывая в негодяев и метко забрасывая помидорами.

Барончик при этом верещал так, что уши слезились.

— Да, бандиты сейчас не то, что раньше, — резюмировала Кая, подождав пока тональность его визгов понизится.

— И не говори, — поддакнул я, — сплошная химия.

Оставив первый взвод на страже, я отправился в ратушу. Аисаки с Рисой и Камией ушла регистрировать Верлиту в гильдии.

В ратуше с Килтилом и Джилом Свакингом мы разработали операцию по зачистке деревни отступников. Забирал я на это дело всех одаренных из стражи и почти всю гильдию авантюристов. Сколько там дикарей я не знал, но вряд ли можно изолированно развиваться в диком лесу. Максимум дикарей сто. Леса, уходящие на северо-восток Шайна, тянулись через весь континент. Малоисследованные, они были полны монстров, бандитами, сбежавшими от правосудия, сектантами, беглыми крестьянами, просто изгнанниками. Вот их всех коротко называли дикарями или отступниками.

Ну, а кто ты, раз бросил цивилизацию и ушел в леса.

Больше всего собравшиеся опасались ВарОрка и возможного шамана, так называли диких магов. Инициироваться Даром дети могли и в лесу, другое дело никто их там не обучал, не опекал, методик развития никаких, большинство гибли, меньшинство получало какие-то умения, но кривые. Как плоды с искаженных полян. Можно подумать, раз плоды дорогие, то и умения у них суперсильные получались, но это не так. Плоды выходили особенными один из десяти. Вот и дикие маги были так себе, но кое-кто мог и выделяться магической мощью.

ВарОрк был ступенью эволюции орков. Обычные двухметровые, перекачанные, зеленые

твари с клыками сами по себе не подарок, хотя бились регулярной человеческой армией без особого напряжения. Это один на один у людей шанса не было, строй на строй всегда решала выучка и тактика. ВарОрк выступал в роли штурмовой пехотой, был своеобразной элиткой: ростом повыше, умениями побогаче, живучее и сильнее, но горел на поле боя с такими же воплями и спецэффектами как остальные. Главное, в ближний бой его не подпускать.

— Есть у меня дальнобойное умение, не стихийное, — поведал я собравшимся. — его и огненный великан не пережил, принцесса и Аисаки в курсе, но распространяться особо о нём не хочу.

— Насколько дальнобойное? — напряженно спросил Килтил.

— Намного дальше обычной магии, — честно ответил я. — уникальное по мощности.

Они ошеломленно замерли, сверля меня не верящими взглядами. Это сильно меняло расклад. Будто выходили ковбои на перестрелку с мексиканскими конокрадами, а им базуку подогнали.

— Главную проблему вижу в блокировании деревни, — продолжил я. — сил у нас маловато, растягивать их чревато возможными потерями. Потому предлагаю всех направить на перехват возможного отступления. Я буду обеспечивать давление на главном направлении с поддержкой Мелама Тектоса, сверху бомбардируя деревню заклинаниями.

— ВарОрк на пике движется со средней скоростью десять метров в секунду, прыгает достаточно высоко, — намекнул Килтил.

«Спасибо, дружище! Будто я забыл твои уроки», — ухмыльнулся про себя. Вслух ответил, что до меня ему придется бежать несколько минут, а подпрыгнут только части его тушки.

Возражения у присутствующих еще оставались, но главный по стрелкам-перестрелкам, как ни крути, волей её высочества — здесь я. Императивно задавил своим титулом оппонентов. Мы быстро разобрались с диспозицией и маршрутом отряда, когда на окно моего кабинета на втором этаже ратуши что-то бухнулось, и через стекло, мгновение спустя, все разглядели бесстрастную мордашку Рисы Саитаны.

— Там барон приехал, — невозмутимо распахивая, не запертую на щеколду оконную створку, доложила хулиганка, — права качает на площади, сына отбивает. И в ответ на мой негодующий взгляд, вытянулась в окне по швам.

— Новобранец гильдии авантюристов Риса Саитана действовала строго по Уставу, где сказано «незамедлительно известить командира о всех передвижениях противника».

— Ты же на занятиях должна быть, — строго молвил я, — удрала?

— Никак нет, занятия ведет сегодня глава гильдии — доложила та, — проявила инициативу, решив сопроводить шана Килтила на занятия, по пути выпросив о сезонных миграциях финтиплюхов.

— Вольно новобранец, хвалю за проявленную инициативу, — задумчиво проронил я и обратился ко всем, — глянем на потенциального самоубийцу, почтенные?

Избытком энергичности можно искупить полнейшую неспособность мыслить. Именно этой тактики придерживался барон Недлир, когда въехал в Самур и увидел своего падшего сыночка на перекладине. Не знаю, как так можно: без разведки, без данных по противнику — с шашками наголо врываться в город, но барон не шахматный игрок. Бей — беги, вот и вся тактика. К счастью, жители Самура — не загонные олени. Конная двадцатка легко протаранила неготовый десяток городской стражи, рассекла мечами веревки, подхватило драгоценное тельце сыночка и ... на этом все успехи закончились.

Озлобленные горожане похватали кто колья, кто самострелы, стража сомкнула ряды, оцетинилась копьями, а подошедшая Кая Аисаки достала боло и метким броском запутала ноги лошади барона. Барон свалился, конные спешили — не бросать же им господина, завязалась ругань, угрозы, первые камни застучали по броне баронской дружины. Отборная брань заставляла алеть даже статуи водных орлов.

В общем, было весело, но как всегда я всё испортил.

— Риса, эффект усиления, — скомандовал я Саитане, и она послушно исполнила фишку магов воздуха, при которой область воздуха перед человеком сильно колеблется, усиливая звук в разы.

— Именем короля! — вскричал я нечеловечески громким голосом баронской дружине, — приказываю: оружие в ножны! Иначе вы у меня очередь за веревкой занимать будете в моём подвале, чтобы повеситься. Быстро исполнять!

Они, косясь на барона, не торопились это делать и тогда я достал свою магпалочку.

— Два удара сердца и все, кто не выполнил приказ, считаются поднявшими руку на королевского наместника. После чего все мятежники будут убиты.

Барон с побагровевшим лицом, совладал с эмоциями и не с первого раза, но попал в ножны мечом.

— Вы! Да как вы посмели благородного шана привязать к позорному столбу! — прорычал Недлир-старший.

Я внимательно взгляделся в кабанообразное лицо барона: с жесткой ниточкой наглых усов, кустистые брови, хоботообразный отросток, именуемый носом, с красными прожилками, бешено сверкающие, налитые кровью глазки. Вида звероватого, не трус, характер решительный, понимает только силу.

— Если благородный шан промышляет разбоем, его герб палач разрубает на площади, — транслировал ему позицию властей, — всегда так было в Шайне. Касательно вашего сына, в нём трудно было разглядеть благородство, когда он с шайкой своих людей попытался ограбить второго самурского купца.

— Мой сын не такой, — стиснул зубы в раздражении Недлир, — позвольте разговора наедине.

— Развяжите его, — указал стражникам на Недлира-младшего я, — и отмойте. Он поедет на суд короля.

Обратился к Недлиру.

— Ваша дружина, барон, сейчас же покинет город и встанет у стен. Иначе их безопасность я не гарантирую. С вами поговорим сразу после этого.

Барон одарил меня тяжелым взглядом, на который я ответил имитацией безмятежного

взора Будды. Мне без разницы: в свидетелях весь город. Начнет качать права, всех положим. Отойдет баронство другому по указу короля, с ним и буду договариваться. Позиция для разговора будет не такая выигрышная, но может как человек, возможный феодал покажет себя лучше вот этих «бешеных псов».

Выхода у барона не было: затеять схватку — бессмысленная глупость, силой не прорваться. Пугать меня нечем — я при исполнении. Превысил полномочия? А кому не плевать, когда результат есть? Его сюзерен в столице, после выходки Реина охладел к своему протеже. Остается только попробовать замять дело.

Хотя прокачать меня на некую уступку он всё же попытался, сказав, что пойдет вместе с сыном.

— Сын у вас еще вырастет, — молвил ему, — а новый герб уже нет. Я здесь королевский наместник, а вы даже не в гостях. Мне и разговаривать некогда: дикарей выжигать иду со своей территории.

Он на это завуалированное оскорбление скривился, но послушно зашагал за мной в ратушу.

Там за мощным овальным столом из идоги (столик на гнутых ножках переставили в уголок) я положил все листы, на которых были запротоколированы украденные вещи перед бароном, показания свидетелей, допросы бандитов, подписи глав гильдий.

— Читайте, барон, — разрешил я, — это письменные свидетельства похождения вашего сынка.

Я по его виду догадывался: больше всего ему хочется разорвать их в мелкие клочья, спалить, развеять по ветру, но делать это, когда сзади стоит Кая Аисаки — очень глупо. Она уже всем продемонстрировала свое умение оглушения на площади. Когда мы уходили, бедолага еще валялся в отключке вместе со своим конем.

Глупить Недлир не стал, как и читать папочку уголовного дела. Только оценил количество бумаги, прочитал начало, перелистнул на вторую страницу «показания злоумышленников», скривился и отложил в сторону.

— Сколько? — обреченно спросил он.

— Я взяток не беру, — огорошил его, — мне за жителей Шайна обидно. Какого хрена, барон: убийства, серваж, разбой. Ничего прощать я не собираюсь.

Он взял меня на прицел своих кабаньих глазок.

— Тогда война, — неожиданно четко и мерно сказал он. — Вы не проедете по моей земле больше спокойно. Может силы у вас больше, но на сопровождение всех торговых обозов и жителей воинов не хватит.

Аисаки при этих словах дернулась, словно собиралась ему втащить, но пересилила себя.

— Король лишит вас баронства за это, — предупредил я.

— А если герба лишат моего сына, баронство всё равно пропадет, — объяснил он. — Не сразу, года-два-три, может быть. Граф Редри Лавулин таким фактом моего ослабления непременно воспользуется. Второму моему сыну восемь, если меня убьют, захватят — он ничего не сможет сделать. Так чего мне тлеть в ожидании, я лучше умру в бою.

Я посмотрел на Каю. Чего-то подобного я ждал от старого вояки, другое дело понимала Кая? Понимала-ли семья Ноккурет, что ответить за смерть их отца я могу. Другими смертями своих горожан, баронской дружины. Тут повода большого не надо, чтобы феодальную войну начать, только теряешь при этом не чувство справедливости\законности соглашаясь на сделку, когда главный виновник избегает суда. Он его по-любому избежит,

уйдет в бега. А теряешь жизни своих людей. Политика — это искусство возможного. Принцип неотвратимости наказания даже в современных системах бывает декларативен: были бы деньги и адвокат хорош или силовик знакомый, а уж здесь...

— Кая, — спросил я, — нам нужна маленькая победоносная война?

Она удивилась, в глазах мелькнуло странное, по типу «советуешься со мной или тролишь?», задумалась, решила:

— Аиша сильно расстроится, не в этом году, точно.

У барона нервно дернулся уголок губ.

— Что же, — оперся я подбородком на сложенные в кулак пальцы рук, — война всегда плохо, барон, если можно её избежать, постараемся жить в мире. Вопрос в том, насколько вам важно сохранить герб у сына и свое баронство.

— Не только сына, — начал он торговаться, — Аксель Бафин тоже уедет со мной.

— Это исключено, барон, — сказал я сухо, — Аксель воспылал тягой к тяжелому кайлу, кровавым мозолям на руках и крепкому, спаянному общим делом, мужскому коллективу.

Он было подумал, что я шучу так неуклюже, но моим лицом можно было шифовать алмазы. Вот настолько я был серьезен.

— Сто золотых, — произнес горько барон, — чтобы вы забыли о моём сыне. Это всё что я могу предложить.

— Сто золотых и виргата Йоргена, — деловито уточнил я. — ему она уже не нужна. Гуляя по лесу, ваш старый друг случайно запнулся о спящего медведекентавра, упал на торчащий сук идоги, закатился под ядовитую манцинеллу и там умер от страха, что его злодеяния стали известны Самуру.

Он удивился, мрачная тень пробежала по лицу.

— Да, — понимающе сказал, изучая его лицо, — я в курсе о брёвнах старого леса, но мне плевать на дела вашего баронства, пока они не касаются моего города.

— Король не утвердит передачу виргаты, — возразил Неддир, — даже если я передам вам её.

— Это моя забота, барон, — срезал его я. — да и не на меня пишите грамоту — на Самур.

Деваться ему было некуда. Это городишку феодал может угрожать войнушкой. Даже простых жителей поубивать немного, купцов-ремесленников пограбить. В конце концов, на войне какие-то правила даже есть. На королевского наместника руку поднять, это покушение на святое. На власть короля. За такое вместе с семейством под корень пойдешь.

В общем, выбрал он меньшее из зол. Подписал, кривясь, грамоту прямо у меня в кабинете. Я кликнул в окно Джиро с площади, тот сбегал за баронским скарбником, то бишь казначеем феодала. Скарбник поднялся к нам, вытащил из своей сумки, мелодично позвякивающий мешочек и обогатил город на сотню золотых кругляшей.

«А барон-то подготовился к разговору, — подумалось мне. — Только увидев висящего оплеванного сынка, не сдержался. Мог на площади вместе с дружиной полечь. Но не будем Аишу так подводить, она там за мое назначение еще отдувается.»

— Последнее, заберете сына вечером на пятом километре от городских стен, — пообещал я ему, сейчас отдавать вам его чревато волнениями горожан.

Поднял руку, останавливая его возмущение.

— Клянусь словом чести, с ним ничего не случится, посидит пока в подвале. Можете остаться с ним. Вас вывезут под охраной моей стражи.

Недлир смотрел на меня не мигая секунд тридцать, я уже подумал, что он нарколепик с лагофталмом, когда барон отмер.

— Говорят, что вы лично пытали Гортама Затарийского публично, — сообщил он мне старый слух.

Я поощрительно кивнул головой.

— Гортам — креатура первого королевского советника, — выдал Недлир «страшную тайну». Думаю, он будет сильно недоволен.

— Я и первого советника начну пытаться, — легко признался ему, — если он злоумышлит на королевскую семью.

Выкуси, барон. Я вообще отморозок. Повезло тебе, что живой и не пытанный уходишь.

О чем-то таком Недлир и подумал, потому что, не прощаясь встал, и вышел из кабинета.

— Золото в казну? — проявила интерес Кая.

Она не жадная, просто любит на золотые полюбоваться. Было бы его много, как Скрудж МакДак купалась в нём по утрам. Наверно, компенсаторный механизм из бедного детства.

— Это на термы, для Ноккуретов, — решил я, — как раз хватает выкупить с их пятьюдесятью золотыми. Обстановочку поправить, пристроить зал или помещение под услуги — не хватит, но что-нибудь придумаем. Да, мы не в ответе за разбой, учиненный в баронстве, но за то, что отпустили главного злодея, считаю в этом есть несправедливость законов королевства Шайн. С другой стороны, не отпусти мы его, могло случиться так, что было хуже для всех. Ты понимаешь?

— Да, — подтвердила Кая, — думаю это самое справедливое решение королевского наместника в истории этого города. Другой бы обогатился сам.

— Я богат твоей улыбкой! — пришлось мне притворно оскорбиться.

— Если бы меня не было рядом, ты ведь поступил бы так же, — не поддержала она мой шуточный тон.

— Да, но я не чувствовал бы столько радости от своего поступка, — признался ей. — Это такой парадокс, когда разделяешь с любимой лисодевочкой чувства, они от этого только усиливаются.

Кая моргнула и на мгновение стала беззащитной крохой с глазками Хатико. Эффектный трюк.

— Мы выходим в поход, — поменяла она тему, становясь прежней собой, сильной и уверенной разведчицей, — или все же дождемся передачи сына барона?

Я помедлил. Барон человек импульсивный, но даже он вряд ли станет грабить ратушу в поисках грамоты и золотых, когда мы уйдем. Для этого надо собрать свой отряд, от которого он далеко, уговаривать на такое ужасное преступление дружину — там тоже не деревянные солдаты Урфина Джюса собрались. Ломать ворота, убивать стражу, горожан. Бред какой-то, сына он уже отмазал.

— На всякий случай усилю охрану, — решил я, — пусть Грил Кувиантран посидит в моем кабинете. Всё равно он на монстров ходит не часто и в походе не задействован.

— Грил не то, чтобы трус, — выразила Кая свое мнение, — просто любит комфорт и простые задачи.

Топовый маг воды Самура был немного сибаритом. Об этом знали все горожане. Незлобиво подшучивали, придумали пословицу: «в год полный жары, работает даже Грил Кувиантран». Я его философию примерно понимал. Тридцать лет месишь грязь, сражаешься с монстрами, видишь как умирают друзья, чудом выживаешь, получаешь четырнадцатый

уровень, до которого пилил года три. Приходит осознание — следующий кап лет через пять. А к чему это всё, если убить могут в любой момент? Когда уже можно будет пожить для себя?

— Надеюсь посидеть в кабинете с винишком ему не будет в тягость. — улыбнулся Кае, встал и проверил шкафчик-бар. Бутылки блестели матовыми боками, загадочно демонстрируя сургучные печати и глиняные таблички с описанием своей амброзии. Гортам собрал неплохую коллекцию, да и в особняке склад винных бутылей не уступал кабинету. Мы всего одну с Аисаки распробовали: белое «Радость Создателей» урожая 881 года. Выбирал специально по году: время появления Джерка Хилла в этом мире пищащим младенцем. Результат впечатлил.

Как бы Грила на приключения не потянуло. В квартал к мадам Треске, например.

Мы вышли с Каей на площадку за ратушей, где отряд авантюристов и стражи ожидал нашего появления. Я отправил Джиро за Грилом. Проверили оружие, припасы. Обсудили тактику в последний раз: впереди основного отряда шла Аисаки с её обнаружением, в центре маги с поддержкой, в арьергарде моя слабая часть: одаренные из стражи Джил, Кэр, Джиро.

Постояли, потравили байки: настрой у собранного отряда был боевой. Еще с вчерашнего вечера всем выплатили боевые: по золотому за усмирение шайки бандитов, плюс я добавил премиальные пару серебряных. Про таинственный скил внестихийной магии у меня, с большой разрушительной силой я всем сообщил. Если восемнадцатилетний наместник не боится с меньшим отрядом выступать на отступников — значит, есть основания. Не дурак же он, судя по бэк-граунду совместного похода, дружбы с принцессой и присоединения Чудесной Долины к королевству.

Подошел хмурый Грил Кувиантран, ох, любит он до обеда понежиться в постели. Мордашка его резко повеселела, когда я выдал ему ключ от кабинета и шепотом рассказал об изысканной винной коллекции в угловом шкафчике.

Распрощавшись с Грилом, я оглядел своё бравое воинство и скомандовал выдвижение. До окраины города мы шли вместе, затем Аисаки ускорила и исчезла в чаще Заболотного леса. Наш походный ордер слегка перестроился: тройка стражей чуть отстала.

Я вступил в лес в центре отряда, на мгновение остановился и втянул этот свежий, одурманивающий запах приключений. Если мир — это книга, то приключения — красивые, иногда страшные иллюстрации. Безопаснее купить книгу, но если есть шанс вести своим пером по страницам — неужто вы откажетесь? Человек настолько мал, песчинка в огромном мире, но он может и должен оставить свой след, побывать в красивых местах, оторвать голову ВарОрку, освоить и использовать природные богатства. Иначе его место займет более успешный вид.

Так, подбадривая себя философскими рассуждениями я шел часа два, пока перед нами не появилась Аисаки. Она скользила впереди, забирая то влево, то вправо «обнаружением» выискивая опасность.

— Впереди семейство Беорнингов, — тихо сказала она. Я выругался.

Беорнинги — злобные массивные твари, с вытянутым телом, зеленого цвета. Самцы весят под тонну, на задних лапах рост достигает трех метров. Похож на арктического медведя, шкура толстая, очень быстрый. И будто этого мало: тварь использует обездвиживающее заклинание.

При этом обойти их справа, значит потерять много времени. На барона ушло полтора часа, еще два часа на обход и к деревне мы подойдем слишком поздно: повышается шанс

обнаружения, начни мы ждать утра. Слева от нас в лес вдается непроходимый хребет. Не будь его, напрямую до отступников километров пять. По лесу это километров двадцать — часов шесть пути опытного отряда.

— Аисаки, я хочу от тебя... — начал было я.

— Детей? — с надеждой перебила она меня.

— Идей, — не поддался я на провокацию.

— Могу попробовать увести за собой на скорости и скинуть, — пожала она плечами, — их пятеро: самец, две самки и два детеныша. В случае неудачи, а заклинание обездвиживания может пройти от любого, сразу врублю тихий шаг и будем надеяться, что они пробегут мимо.

Идея неплохая, но потеряв её из виду, беорнинги всё равно какое-то время будут слоняться вокруг места, где Аисаки будет стоять в невидимости для чудовищ. Когда монстр случайно натывается на разведчика в невидимости, последняя спадает, там быть беде.

— Нет, — принял я решение, — рисковать так глупо. Убьем и всё. Выводи на меня, остальные встаньте сзади.

Я обернулся к отряду.

— Внимание! Аисаки выводит беорнингов на меня. Мое заклинание может не убить всех монстров сразу, подготовьтесь нанести весь урон, по оставшимся целям.

В ожидании прошло не больше трех минут. Рев, треск и в просвете среди деревьев появляется Кая. За ней по пятам мчится злобно-зеленый клубок тел, плохо различимый на фоне листвы.

Кая проскакивает до меня и становится слева с фальшионом наизготовку. Рельсотрон я уже вытащил и даю импульс сразу, как Аисаки исчезает с линии огня. Резкий хлопок, когда, раздирая воздух, подминая пространство болванка вылетает из оружия, шар пламени, распавшийся клубок тел и сразу горящая просека, уходящая вдаль.

«Не самая лучшая идея пулять из рельсотрона в лесу», — запоздало понимаю я, пряча перезаряженный сразу рельсотрон. Оборачиваюсь. Отряд в шоке от моей мощи: вытянутые, бледные лица, изумленные взгляды. Мелам Тектос вдруг пугается и резко взмывает вверх.

Я, отпрыгивая в сторону, уже вытаскиваю рельсотрон, но опаздываю. Лучники бьют стрелами, меня отталкивают, заслоня щитом, Кая рубит в прыжке — выжившая, полуобугленная самка беоринга падает, не добежав до меня всего ничего.

Вот только, это даже не начало неприятностей. Сзади раздается неприятный шмяк от которого холодеет на сердце. Снова поворачиваюсь. Передо мной валяется тело Мелама Тектоса со свернутой шеей.

Жил-был старик-маг. Всегда выходил сухим из воды благодаря левитации. На старости лет подуспокоился, жил в достатке, магичил иногда за пару золотых, учил молодежь. И черт его дернул пойти в поход уже с подзабытыми навыками выживания. Один из которых гласит: не левитируй в лесу резко.

Мелам не смотрел вверх, рефлексивно сделал то, к чему давно привык. Макушкой влетел в мощную ветвь — перелом шейных позвонков с прямым повреждением продолговатого мозга.

А «черт», который его дернул в поход, стоял и охеревал от увиденного. До чего нелепая смерть.

— Визас, туши лес, — очнулся я, — отряд, контроль зоны.

Сам подошел к старику, нащупал жилку на шее. Бесплезный жест, но что-то надо сделать. Весь план выжигания отступников летит в ... маленький городок Австрии, совпадающий по названию с русским матерным словом.

Аисаки бросила взгляд назад, нахмурилась, бросила обнаружение, выругалась.

— Отряд к бою! — скомандовал я.

Залязгали мечи, сомкнулись строем копья, но Аисаки только досадливо и обреченно вздохнула.

— Ты не поверишь, — зло произнесла она, — у кого-то мания величия и гиперактивности, попутно с полным отключением мозга.

— Да не может такого быть, — офигел я от догадки кто это.

Сверху, метров в пяти от земли, из-за ветки бальзового дерева высунулась довольная мордашка Риса Сайтаны. Впрочем, выражение проказливости исчезло сразу при взгляде на труп Тектоса. Она спрыгнула парением к нам и доложила:

— Новобранец Сайтана готова заменить павшего бойца!

— Служи без оправданий, умри без сожалений, готова к этому? — жестко уточнил я.

— Так точно, ваша милость! — не дала слабины Риса.

«Мне кажется буква «и» в её фамилии просто для конспирации», — прокомментировал внутренний голос.

«Нафига, ты, мне такой кудрявый нужен?» — обвинил я его, — «мог бы посоветовать чекать карту и смотреть за кареглазкой!» — и голос обиженно затих.

— Пожар ликвидирован, — доложил Визас Селдовир, украдкой подмигивая Рисе.

Я хмуро посмотрел на него. Тут коллега погиб, а у них вся рефлексия две минуты. Гвозди бы делать из этих людей — жилось бы в мире всем веселей. С другой стороны, стал Мелам Тектос гвоздем нашей программы на пару минут — не особо задорно вышло.

— Беорнинги целым семейством по лесу не расхаживают, — сказала задумчиво Кая, — кто-то их согнал с ареала обитания.

«Это да. Пока детеныши не подрастут — охотится самец, самка сидит в логове, охраняя малышкой. Хотя таких малышкой», — я носком кожаного сапога перевернул одного из них, — «за клык и в музей».

— Пять золотых упало и амулет воздуха, — высказался Ласари, — никогда такого не было, чудны дела твои, Создатель.

— Отряд, — бодро молвил я, — моё супермощное, не стихийное заклинание отмечено знаком Создателей. Золотые пойдут семье Тектоса. Амулет забирает Риса.

Так себе отмазочка, но не молчать же подозрительно с покерфейсом актера одной роли. Кстати, за семейство чудовищ — хоть один плюс нашелся — упало прилично опыта. По меркам начинающего мага, в команде с таким читером как я. Саитана взяла четвертый. Она мудро промолчала, но я сам всё уже увидел.

Амулет, в виде браслета, средненький, процентов на десять снижает затраты на магию воздуха, но Риса, тихонько повизгивая, напялила его на руку с гордостью настоящей «шмоткессы».

— Луи Вагон, — посоветовал я, — так и назови браслетик. Потом осколки Тафирима в него вклеим для лучшей магопроводимости. Будет первый в мире браслет со стразиками.

— Что-то пальцы мерзнут, — задумалась вслух Кая, — без колечка.

— Будет, — торжественно пообещал я, — гномы подгорные скуют, как в эпосе, зуб даю. Одно кольцо для дивной Каи, одно для величественной Аи... — я резко прервался и сделал физиономию повнушительнее, — вы чё тут устроили, ну-ка собрались все! Даже до отступников не дошли — уже двухсотый на балансе! Словом можно обидеть, а словарём — убить! На первый-второй рассчитались, приняли походный боевой порядок, разведка выдвинулась вперед!

Напинал в общем им. Помыкают как хотят бедным попаданцем. На боевом задании, а мысли только об украшениях и разврате.

Сосредоточившись, надеюсь и мысленно, мы продолжили путь, обобрав тело Тектоса на ценные вещи и магические источники: артефакт воздуха, палочку, банки маны. Тело я приказал Дейвосу сжечь. Здесь всегда так делали после парочки восстания неуспокоенных. Мертвым кости не нужны, но альтернативные мертвые другого мнения, так что такая традиция давно в порядке вещей. Другое дело, если было возможно, церемонию торжественного сжигания проводили публично. Как, например, мы вытащили для этого тело шана Марди.

Часа через четыре мы сделали привал. Риса полпути проделала парением, но несмотря на заклинания, порядком вымоталась. Густой и враждебный лес не лучшее место для прогулок. Я её подбодрил, дружески дернув за волосы.

— Трудолюбие сделает из тебя человека, новобранец!

— Трудолюбие, — кисло ответила Саитана, — когда что-то трудно любить-же, да?

— Вместо того, чтобы варить в моей голове кашу, новобранец, — сварливо сказал я, — свари её для отряда.

Она поперлась доставать котелок, а я, ухмыляясь, растянулся на накидке. Хорошего человека и обидеть всегда приятно.

— Он шутит, Риса, — рядом возникла Кая, — мы уже рядом с деревней отступников, ничего варить не станем, сухпаёк в зубы и через полчаса нас ждет схватка.

Наш отряд расположился на краю небольшой поляны, под прикрытием густой кроны дерева похожего на земной баньян. Как там по историческим хроникам? Однажды, армия Александра Македонского нашла приют под сенью всего лишь одного такого дерева. Вот настолько оно было здоровое. Но я не назвал бы это одним деревом, на мой непросвещённый взгляд это был здоровый куст растений, с корнями, уходившими как под землю, так и на высоту нескольких метров над землей. Причудливо переплетаясь они создавали некую дополнительную крышу, кроме листьев и ветвей.

Кроме нас дерево облюбовали фикусовые осы, но Риса их шустро сдула нафиг, вместе с ульем. Люблю магов воздуха, нет, я бы тоже мог от насекомых избавиться без проблем, но Саитана сделала это экологически чисто: без вони, трупиков и терзаний совести за экоцид. Настоящая Грета Тунберг подрастает! Как говорится, в семье не без эколога.

Я с гордостью оглядел развалившуюся на спине фигурку, улетающую шоколад даже без помощи рук. Так и торчала плитка из рта, и только слышалось чавканье. Притомилась творить добро, лолка.

— Рядом с деревней пост, — рассказывала Аисаки, — проверила обнаружением: трое в дозоре. С Ласари, Эфаном и Келзенем подойдем и расстреляем в упор под твоим маскировочным оберегом.

— Хорошо, — одобрил план, — оберег вернет им должок.

Аисаки серьезно кивнула. В начале истории, когда меня подселили в Джерка, именно этот оберег послужил причиной смерти большей части нашей команды. Время платить по счетам с процентами. А Келзен Майэт — это третий лучник группы Ридлтрена из Эсвании бывший военный, чуть похуже умениями и уровнем, но в целом, неплохой стрелок и дисциплинированный.

Я очень надеюсь достреливать ему придется полуоглохших, ослепленных, подгоревших бандитов. Ведь мы с Рисой, по тактикульному плану взберемся, с помощью её умения парения, на гору, у подножия которого расположена деревня. Очень удобная вроде локация: в спину, сбоку не ударить, главное дозор исправно нести. С гор текут ледники: вода всегда в наличии, спереди деревню ограждает внушительный частокол. Расположение удачное, недаром авантюристы не решались деревню искоренить. Это какие потери возможны при штурме.

Сам Ридлтрен затягивал шнуровку наколенников, саботоны он уже натянул, постепенно превращаясь в этакую консерву на ножках. Шесть часов в доспехах по лесу, конечно, можно при желании пройти, но сражаться после такого затруднительно. Еще одна причина, что заставила меня встретить беорнингов выстрелом из рельсы — доспехи парни тащили на себе, распределив по группе. Со щитами, но в поддоспешнике против таких монстров выходить грустно.

Всего в его группе было трое танков, трое лучников, маг света — мой коллега,

разведчик, пару одиночек без своей команды, но знающих с какой стороны держать оружие, чтобы не порезаться. И человек, которого можно было принять за королевского наместника, вот настолько он солидный тип. Это я про Дейвосу. Парни боевые, симпатичные, каждого хоть сейчас на плакат обращенный к монстрам «Сдохни, тварь».

Отдохнув, мы попили на дорожку настой шай-кале, тот самый из трав Чудесной долины, увеличивающий зоркость. Настроились на предстоящую схватку и выдвинулись к пристанищу негодаев.

Предстоящую миссию Рисе я давно описал, но по пути повторил кратко. Повторение — мать учения, как написал один хорватский классик. Её умение тратило довольно много маны, если маг совершал его с грузом. Я был раза в три тяжелее Рисы — примерно, раза в шесть возрастет потребление маны, но с банками Мелама — решаемо. Забираемся на склон, там я показываю дикарям свой вариант операции «шок и трепет». Они бегут из горячей деревни, их встречает мой отряд. Всё просто и канонично. Бомбардировки с воздуха, при полном отсутствии пво, еще никто долго не выдерживал. Склон этой части горы никто не охраняет, уверен. Нет в мире магов, использующих умение на дистанции больше ста метров, и такие умения редки. Так что залезь, да хоть отряд волшебников, на эту гору — смысла в этом было ноль. Пока не появился я.

— Поняла я всё, дядь Джерк, — взмолилась Риса, выслушав от меня разбор тактики в пятый раз.

— Чего ты поняла? — строго спросил я, наслаждаясь своим занудством и её беспомощностью.

— Все умрут, а мы изумруд, — выдала она коварно. Эту шутку она подслушала, когда Кая меня пытала как мы справимся с големами в шахте. Аисаки видела рельсотрон в действии, но он перезаряжается секунды три-четыре, а големов много. Каменные метают камни, ну как камни — булыжники весом под сто кэгэ. Железные могут стальным шаром приголубить — что я там один даже с суперпухой сделаю? Дадут сзади по башке каменнойгой и всё. В лучшем случае на коляске меня катать будут по Самуру, показывать народу как здоровье\молодость «за царя и отечество» отдал героически.

Я тогда отшутился, а Риса запомнила.

— Гениально, киса, — пришлось восхититься мне, — дорога твоей жизни усыпана цитатами великих людей. Но запомни, чтобы эта дорога не превратилась в выбоины — надо работать не лопатой, а головой!

Я внушительно постучал по её головке магпалочкой в ножнах. Саитана зашипела как рассерженный котёнок. Аисаки улыбнулась.

Да, киса, раз ты такая непослушная девочка — наслаждайся обществом домашнего тирана и самодура Джерка. Ты у меня этот поход запомнишь на всю жизнь!

Аисаки подняла ладонь. Наш отряд остановился, к ней скользнули три лучника. Втихаря я Каю уже бафнул, да и вообще за миссию особо не беспокоился, но некий мандраж был. У нас по дороге маг умер, а тут сейчас битва будет.

Я подпрыгнул пару раз на месте на носочках. Ничего такого, вроде баек о проверке: звякнет что-то из амуниции, нет, просто прыжки снимают психологическое напряжение. Поразминался слегка, посмотрел на гору слева. Она полого возвышалась метров на тридцать, заросшая кустарником и редкими деревцами. Еще можно было вскарабкаться, а затем уже шли порядочные скалы: с уступами, отвесами, полками, карнизами. Эта горная махина, казалось, возвышалась до бесконечности в небо.

Лучше гор, может быть только город, где в заначке таится твой нал.

«Эй, я лучшее продолжение стиха придумал, — оживился внутренний голос, — только оно пошлое, Высоцкий бы не одобрил.»

«Прибереги для короля, — посоветовал ему, — посмотрим насколько он толерантный чувак.»

Аисаки высунулась из-за дерева и очертила указательным пальцем круг в воздухе.

— По позициям, парни, — я махнул рукой, отряд выдвинулся к Кае, я обняв Рису, с любопытством ждал её колдовства.

— Вжух, — меня подхватывает невидимая сила, ощущаю плавную невесомость, полет длится секунды три. Нас переносит метров на десять выше, я покачнулся, вместе с Саитаной потеряв равновесие, но сразу вцепился в кусты. Здесь наклон и стоять затруднительно, надеюсь со скалами будет полегче. В правой руке я держу «Пронзатель», артефактный стилет с трехгранным жалом. Взял из богатой коллекции склада городской стражи. Я, когда на этот склад забрел, сразу понял откуда Аисаки боло стырила. Чего только там из конфиската не было.

Так вот пронзатель протыкает легко и непринужденно, по крайней мере пока есть заряд, неплохие доспехи, всякие неприступные для обычного ножа вещи, в том числе камни. Дальше, на конце жала, раскрываются лепестком стальные грани. Такое броневое поражение, но мне он на всякий случай, как ледоруб нужен. Хоть какая-то страховка. Не доверяю я гравитации — она не одну карьеру уже не вовремя остановила.

Риса прыгает еще пару раз, и мы достигаем первой площадки. На удивление никакой потери равновесия не происходит — просто приземляемся и стоим на ней. Дальше метров тридцать просто отвесы и предстоит самая неприятная вещь: повисеть на пронзателе. Падение — верная смерть. Саитана пьет первую банку маны.

— Как ощущения, Рисочка? — ласково интересуюсь. Мне так до жути страшно.

— Дядь Джерк, твое занудство самое страшное из всех ощущений, — парирует она, — сейчас я просто наслаждаюсь.

Эти современные дети поголовно сумасшедшие, утверждаюсь в своих предположениях я.

Риса парит, мы летим, и она спокойно говорит: «сейчас!». Я со всей дури бью стилетом, у Саитаны выключается умение и меня дергает к земле.

Ну что, всегда мечтал о карьере болдериста. Висишь такой на солнышке, вниз даже подумать страшно посмотреть, птички поют, мускулы ноют. Волосы седеют.

— Готова, — подает сигнал Риса.

Я даю импульс артефакту, освобождая его из скалы. Мы снова парим, и снова я втыкаю пронзатель в скалу. Пять секунд ноющего страха над бездной. Повторить. С Меламом Тектосом и его левитацией я просто закрыл бы глаза, пока он доносил бы мою тушку до позиции, а здесь надо взять на себя ответственность.

Наконец мы проходим полностью отвесный участок и дальше дело идет веселее. Где-то даже можно стоять или сидеть на небольших уступах, площадках. Слава Создателям — это вам не Белые скалы Дувра.

Через минут пятнадцать Саитана устает, но мы уже смотрим на деревню отступников сверху. Там отчего-то многолюдно и нас даже замечают. Смотрят, задрав головы на Бэтмена и Бэтдотэ. Некоторые несознательные личности от этого зрелища возбуждаются и даже достают луки. Но, прикинув расстояние, откладывают. Высота метров сто пятьдесят, даже

слегка кружится голова, длина метров четыреста, сколько там гипотенуза будет? Короче, больше чем четыреста, точно.

Устав считать квадратный корень из суммы степеней катетов, я присел на стульчик, вытащенный из инвентаря. Хм, а вот и знакомая зеленоватая фигура, росточком выше остальных. Даже две. Первая цель для моей болванки. Сегодня вы приляжете навсегда: снимали скальпы с моих друзей — я сдеру ваши шкуры. Жалею только об одном: плеер бы сейчас и врубить на полную «Burn motherfucker burn» от Бладахунд генг.

— Риса Саитана, сейчас ты увидишь вещи пострашнее смерти, — говорю девочке, — безысходность и бессилие перед лицом неотвратимого наказания пугают больше конца. Будь моя воля или надежда с ними договориться, такого не случилось бы. Но всем преступлениям, однажды, приходит конец.

Ха-ха, нашел кому читать мораль — боёвой лолке. Она садится ко мне на колени, я достаю рельсотрон и говорю отступникам: «Внимание, сейчас вылетит, птичка!»

— Не грусти, мразь, — я похлопал по щеке связанного предводителя «лесных братьев». Извернувшись, тот моментально попытался цапнуть мою руку зубами, но получил мгновенный тычок от бдительной Каи. Только зубы полетели.

Не, я пленных не мучаю — подбодрить хотел. Всё равно же вешать придется, так чего с такими грустными лицами на городской эшафот — никакого праздника так не получится. Что за уныние на лицах? Что за печальные, получеловеческие лица?

— Что за элегия скорби прописалась на ваших рожах? — громко спросил я, — чувствую себя словно в очереди к бесплатному дантисту. Вы смотрели на простых людей сверху-вниз, но никогда не слышали от них аплодисментов. Теперь я — ваш новый продюсер! Ничего не изменится, клянусь, вы так же будете смотреть сверху-вниз на остальных, но теперь под рукоплескания. Наш девиз: раскачаем Самур, качаясь в веревочной петле палача!

Но они только уныло молчали. Выжило пятнадцать — разной степени раненых, обожженных, контуженных, с переломанными конечностями — разумных. Сплошной бандитский Интернационал из полукровок и лауреатов конкурса имени Феди Крюгера.

Со скалы обстрел выглядел по-мультишному. Сидишь такой, как белый сахиб на охоте, травишь байки всякие Рисе. Она, повизгивая от восторга, наблюдает искажения воздуха и шар плазмы, оставляемые болванкой. Быстро исчезающие, но такие прекрасные и смертоносные отпечатки неведомого в этом мире колдунства.

Первой же болванкой я стер с поверхности двух ВарОрков. От них остались быстро испаряющиеся частицы, вперемишку с землей и дымом — столбом, поднявшихся в воздух. Рядом стоявших, невезучих бандитов куда-то разнесло в стороны. На месте, где стояли «две боевые машины по разделке человеков» остался дымящийся кратер, с задорно пляшущими огоньками.

Где-то на пятнадцатой болванке до бандитов дошло — здесь всех убьют. Со всех концов горячей деревни к выходу устремился поток беглецов. Который я проредил тремя болванками, попутно обрушив и разметав защитный частокол, дальше не стал, боялся промахнуться и ударить в лес, где затаилась моя группа.

Деревенька пылала, но целых домов в ней еще оставалось немало: я выбирал в мишени помещения побольше, вроде большого здания в круг, в центре деревни. То ли хижина здешнего главаря, то ли место для попойки и сходок местных, авторитетных пацанов, а может что-то вроде казармы.

Единственное, что я не тронул — дома с края у горы. Но не потому, что там были домики победнее. В Самур, за почти сотню лет существования дикарской деревни, сумел вырваться из плена и дойти один беглец. Случилось это еще лет тридцать назад. Выживший был авантюристом-разведчиком, в каблуке его сапог был тайник с небольшим стиллом-отмычкой.

Звезды так сошлись, что до него отступники уже ограбили купеческий караван, на севере и довольно далеко от самого Самура. На отходе дикари положили группу встретившихся им авантюристов, нашего героя взяли оглушенным. Профессию не определили, в руках у него был лук — решили, что лучник. Довезли до деревни, там на радостях нажрались, всех лиц женского пола полночи насиловали. Когда местный вариант

Хью Гласса очнулся в крови и под крики насилуемых девушек, он сумел освободиться от цепей, вскрыть дверь темницы, убить нетрезвого охранника и пробраться по склону горы, прячась под маскаридой убитого бандита. Бежал, выжил в лесу ночью, дошел сориентировавшись по звездному небу до Самура. Где оставил приблизительное описание деревни и важный факт: всех пленников держат в выдолбленной в скале пещере.

В архиве стражи лежал пожелтевший рисунок-карта. Понять по нему что-то было сложно, но не бомбить рядом со скалой — я для себя уяснил. А где там была малока вождя или вигвам местного оружейника для меня неинтересно.

— Кажись всё, — я оглядел место побоища, — цели закончились.

У края леса уже сверкали вспышки огненных заклинания, блестели водные, доносились слабые крики: наш отряд встретил недобитков. В самой деревни чадили дома, лежал микс из грязи, крови и остатков строений. Мусора было — ни одно жэу не справится.

— Появляться надо так — наставительно сказал Саитане, — чтобы это место сразу стало вечеринкой.

— Чего-то тут слишком жарко для вечеринки, — мудро заметила она, глядя на пылающие развалины от деревни.

— Малинки, Малинки, такие вечеринки, — напел я, — горящие тропинки, где дымно и тепло.

Спускаться вниз мне не хотелось. Боялся не за себя — за малышку. Не нужны мне больше такие случайности как с Меламом. Сейчас команда зачистит остатки бандитов, Визас потушит чадающие обломки, тогда и слетим вниз.

— Я себе войну по-другому представляла, — поделилась со мной боевая лолка, — ну, там носишься со всеми в команде, ничего не понятно, куда командир говорит, бросаешь заклинания и бежишь. Визас мне так про войну рассказывал.

Это да, Визас Селдовир пару раз успел за карьеру повоевать серьезно. Один раз в составе экспедиционного корпуса объединенных королевств, отражая набег орков. Второй раз — наёмничая. Захватывали графство, сражались со всеми тамошними феодалами.

— Ты маг воздуха, — рассудительно выдал я, — в условиях агрессии против королевства будешь призвана и приписана в спецвойска разведывательного назначения. И по возрасту, своим умениям, ни в одной операции не будешь, скорее всего, задействована. Визас, как маг воды, воевал в штурмовой группе. У водников по скорости исполнения самые быстрые и агрессивные умения. Их всегда бросают в самое пекло.

Я умолчал, что из элитных воздушников делают диверсантов. Да, в полете они беспомощны, поскольку уже используют левитацию и колдовать второе умение одновременно не могут. Но могут выключать умение и сразу использовать второе-третье заклинание. Вот только опять играет роль дистанция. Пикирующего мага на дистанции тоже можно поймать на заклинание или стрелу. Да и концентрация на умении в полете не та, а здесь чем сложнее заклинание, тем лучшая концентрация нужна. Зафейлил один раз умение левитации, второго раза может не быть — поцелуй-ка сыру землюшку. Элитных воздушников использовали для мобильных засад с их умением перемещений. Войны здесь не сильно были похожи на земные: огромные армии с ополчением собирали редко, вперед для кайтинга выходили группы магов и стрелков.

Как помнил Джерк по рассказам Килтила: только руководство тактике использования магов в боевых действиях насчитывали несколько томов. По стихиям, в смешанных группах, в армейских корпусах, при осадах и так далее.

— Так что, пока тебе не шестнадцать, — подытожил я, — увидела безобразие, значит пролетаешь мимо и сразу докладываешь мне. Ни о каких войнушках не думаешь. Иначе, — пригрозил сурово, — лишу ученичества.

— Дядя Джерк, — широко раскрыла свои карие глаза малышка, — я для общего развития спрашивала.

Она уперла руки в бока, чуть наклонилась вперед, пародируя кого-то.

— Правильный багаж знаний и красивая сумочка сделают из милой девочки маленькую леди!

— На сумочку я сама заработаю, — добавила Риса, — а царь знаний у нас Джерк Хилл по словам Аисаки.

— Вообще-то, Кая за меня домашку делала, — легко признался я, — а кто эта сумкина мать, которая такие советы дает?

— Сура Чариара, — выдала мне брюнетку Саитана, — неплохая девушка, всем помогает в гильдии.

— Это да, — признал я очевидное, — порхает как бабочка и пашет как лошадь. Но иногда в ней просыпается страшное насекомое. Или жалит, или развешивает на уши ювелирные украшения в виде макарон. Так что ты с ней поосторожнее!

— Она не злая, — рассудила Риса, — просто она так старается, но у неё ничего не получается, потому бывает срывается.

— Очень хорошо, — зловеще сказал я, — придется Сурой заняться лично!

И то ли я настолько умело подошел к кастингу на роль главного злодея, то ли обещания от королевского заместника сами по себе звучат внушительно, но тень беспокойства на лице Саитаны мелькнула. Она сразу перевела разговор на свой амулет воздуха, но мой внутренний отрицательный герой уже выстроил логическую цепочку: приду к Нетфису, запугаю Суру, получу еще одного мага.

Еще мне не давал покоя странный матовый отблеск с горы напротив. Как только мы обосновались на уступе, с которого разнесли дикарей, я заметил белое пятно, бликующее на солнце. Сначала я подумал на снег или ледник, но потом до меня дошло. Гора напротив была невысока, этакий отросток горного хребта и снег на такой высоте сомнителен.

Поделился выводами с Рисой. Она пожала плечами: всегда можно забраться поближе и взглянуть своими глазами. Потому мы дождались нашего отряда, прыгнули с уступа, пролетели в свободном падении весь путь, затем Саитана включила парение, и мы важно спланировали под восторженными взглядами отряда.

У них был один трехсотый в руку, мой коллега по стихии света Руди Блорин его уже подлечил. По словам Аисаки всего на них выбежала группа из сорока выживших бандитов, половина которых сразу полегла от заклинаний, еще штук десять успели застрелить лучники, остальные, побросали оружие и встали на колени. Универсальный жест сдачи на милость победителей.

— Идем пятёрками, прикрываем друг друга, — приказал я, — Визас тушит очаги возгорания, добиваем тяжелораненых, связываем остальных. У меня с Рисой важная исследовательская миссия, командование принимает Кая Аисаки.

Кая подняла вопросительно бровь, но при всех приставать с расспросами не стала. За эти качества всегда восхищался лисодевочкой: игривая в минуты отдыха, когда надо — серьезный товарищ и ответственный исполнитель.

Мы с Саитаной в три приёма добрались до вершины горы напротив, где я, вернее Самур,

стал обладателем великолепного мраморного месторождения. Грязно-серые камни, белая крошка — сразу не понять, что это такое, но местами дожди и оползни срезали поверхность, оттуда посверкивал симпатичный, дорогой и нужный ресурс.

— Это нужные камешки? — с любопытством спросила Риса, смотря как я растираю и счищаю грязь с поднятого обломка.

— Ну, тысчонку-другую золотых за тонну камушков срубить можно, — пробормотал я задумчиво, — умеючи-то. Они больше для декоративного ландшафтирования, галтовочный барабан примитивный соорудить не проблема. А вот из больших камней нарезать блоки, да распилить на плиты для отделки вторых терм, да короля туда привести...

— Круто будет? — не отставала Риса.

— Ой, — махнул я рукой, — так говоришь, будто раньше короля там не побываешь. Ты же та еще проныра. Кстати, резать на плиты блоки будешь ты. Зачту как практику по воздушно-режущим заклинаниям.

— А кто-то говорил «моя школа», «волшебники не работают», — про себя пробормотала Риса, но я услышал и сделал оскорбленный вид.

— Волшебники не работают! — патетично воскликнул я, — они творят! Представь, что через сотню веков, император Неста будет нежиться в ванной, глядя как отблики огня причудливо играют на мраморной облицовке стен со скромной гравировкой в уголке «Р.С. 1001 год от ухода Создателей».

— Император Неста, — задумалась Саитана. Против такого маленькой девочке было трудно возразить. Хотя лично я, никаких-таких императоров оставлять после себя не собирался. Несменяемость власти ведет к её деградации и сумасшествию.

Мы спланировали вниз в деревню, где наши ковбои вытащили из развалин еще пятерых, относительно целых разбойников, причинили им легкие телесные повреждения в процессе связывания и ожидали нашего одобрения.

Разочаровывать я их не стал: высказал устную благодарность, пообещал подкрепить её в городе денежной и с любопытством приступил к осмотру бандитов, пока Кая вскрывала замок, вмурованной в скалу темницы.

Пара демонических полукровок, быко-чувак, напомнивший мне Гудиша, три ящеролюда и девять человеческих особей. Их поспрашивали на предмет захоронок с монетами и оружием, но ожидаемо, от сотрудничества с официальной королевской властью в моем лице, они отказались. Обещать им жизнь в обмен на информацию я не стал — глупо же, на них клейма ставить некуда. Такие подданные Шайну не нужны.

Походил рядом с ними, пошутковал на предмет того, что смех продлевает жизнь, потому в петле на городской площади надо улыбаться, глядишь так до утра дотянут, а там мусор с площади уберут. Стендап успеха не имел, но только из-за целевой аудитории — не развита у бандитов самоирония.

Устав от них, пожелал главарю не грустить, когда меня чуть не цапнули, выручила Кая. Отпустил панч напоследок про свое продюсерство над неудачниками и, негодуя на неотзывчивых слушателей, покинул центр деревни.

— В темнице нашлись семейство свободных фермеров с графства Камилиса, средней руки купец из Васовера, его слуга, три крестьянки из деревень северо-востока, — докладывала Кая, пристроившись справа от меня. — Всех женщин, каждый вечер, в течение недели использовали. Слабы, дорогу не выдержат. Купец поведал, что провел месяц в плену — больше всех заключенных, — в ожидании выкупа. Говорит пленников было больше, но

самых слабых подъели ВарОрки.

Я поморщился. Одно дело слышать рассказы о людоедстве, другое встречать наяву. В принципе, все орки этим грешили, такая фенечка про переход силы от поверженного врага посредством поедания его частей и на Земле существовала, но они из этого искусство целое сделали.

Всех пленников вытащили на свет и уложили прямо у двери, далеко перемещать не стали. Руди Блорин суетился вокруг них, пытаясь подлечить исцелением, но я его отпустил, самолично занявшись доходагами.

Три крестьянки и молодая жена фермера выглядели хуже всех. Недельное измывательства уже повлияли на их психику: они вяло реагировали на раздражители, выглядели дезориентированными, одна из них будто отключилась, молчала, синдром онемения. До кучи у всех стопроцентно притупление сенсорных, аффективных функций и функций памяти. Жена фермера истерично просила воды помыться. Ну, лять, только навязчивых идей тут не хватает.

Мужчины были пободрее, но сильно избиты, кроме купца. Последнему тоже не сказать, что повезло. Его после поимки с обозом пытали на предмет тайников. Прижгли ноги, сломали пару фаланг на правой кисти руки. Заживало в таких условиях у него, понятно, не слишком хорошо.

На всех прокинув своё мощнейшее исцеление, я обратился к Аисаки.

— Ставим лагерь, стаскиваем трупы и сжигаем, — я повернулся к Блорину, — Руди, походный гномон у кого?

— У меня ваша милость, — отозвался тот с любопытством кося глазами на проявляющийся результат моего лечения, — ставить?

— А компас тоже у тебя? — осведомился я. Если кто не знает гномон ставят по компасу, линия 12-0 должна быть направлена с севера на юг. На земле с этим было не так однозначно из-за магнитного полюса, не совпадающего точно с севером и всяких магнитных девиаций. Как тут неизвестно, но и на Земле отклонение в полчаса: плюс-минус лапоть для средневековья, было не так критично.

— Сто сорок трупов примерно, — доложила Кая, — может просто Дейвос пошевелит булками и походит сам, испепеляя тела?

— Чего это ты так Дейва не любишь? — удивился я, — слишком долго одному бродить. Разместиться надо побыстрее, зажечь костры, выставить охрану.

— А что там на вершине другой горы было? — спросила Кая, шепотом, пользуясь тем, что рядом никого не было.

А, так это специально, понял я, вроде подводки: отказал в одном, в другом согласится.

— Там золото, бриллианты, — так же шепотом ответил я.

Аисаки было вспыхнула негодованием, но я приобнял её и многозначительно произнес:

— Бриллианты, всего лишь кусочки угля, что хорошенько поработали над собой. Если такой алмаз как ты, поработает над собой — результат будет невероятен.

— Чтобы алмаз засверкал как следует, — глубокомысленно сказала лисодевочка, — его надо хорошенько потереть... Стой! Ты куда?!

Но я уже улепетывал, сверкая пятками. Знаю я эти её «потереть хорошенько», догадываюсь. А девочки мадам Трески остались в Самуре.

— Дети, зачатые в походе, автоматически становятся авантюристами! — громко объявил я тост, — так выпьем, за гильдию, приносящую больше всего новых одаренных!

Первый тост был и последним. Напиваться никому я бы не позволил, да и с соображалкой у авантюристов нормально всё. Пригубили по сто грамм вина у костра, Кая раздала всем по порции шашлыка, что я попросил Грету замариновать еще вчера. Мой рецепт уже пошел в народ, так что Грета под это дело забила свиношкуру и килограмм десять в тазике, отдельно для меня, сготовила. Я мясо цап-царап — и в инвентарь, а после зачистки деревни бандитов, велел выложить из каменных булыжников импровизированный мангал. Шампура из орешника выстругали наши лукари.

«Так, зрелище народу я дал, — подумал удовлетворенно, откинувшись на стульчике, — теперь накормил. Где моя императорская корона?».

«А император настолько дурак оказался, что и корона у него проклятая была», — донеслось до меня. Отчего во мне немедленно заиграла классовая солидарность с неведомым императором.

«Кто дурак? Не позволю про императора такие вещи говорить!», — решил я. Тем более, какому-то купчишке!

Купец из Васовера Нергахар Кексотлол выглядел поздоровее остальных пленников, потому я разрешил ему присоединиться к нам. Остальных отвели в более-менее целый дом, вручили манную кашку, приготовленную Саитаной и флягу тыквенного сока. Пусть люди отдохнут, отойдут от несчастий. Шашлык их сейчас убьет.

Купца кормили получше, он со слугой и узниками помаленьку делился, но за месяц, по его словам, он похудел изрядно. Оглядев его стройную фигуру, могучий нос, стальные глаза чуть навывкате, ладную бороду и лицо, забывшее рабочий загар, я подумал про себя, что ему только повезло вес сбросить. Если не брать во внимание обожженные конечности и сломанные пальцы, конечно. На всё это купеческое доходяжество была напялена дырявая жилетка из меха какой-то водоплавающей крысы, которую даже бандитам стало запахло снимать.

Купец был пацаном с понятием, потому сразу предложил пожертвовать мне на печенки половину суммы от выкупа.

— Почтенный Кексотлол, — не удержался я, — это же взятка при исполнении служебных обязанностей!

— Хорошо, ваша милость, — не так меня понял он, — я отдам всю сумму, как её привезут, только прошу: оставьте мне малость на обратную дорогу до дому.

— Не, не, не — так легко ты не отделаешься, — зловеще посулил я, — у нас в Самуре завели гостевую книгу. Ты должен оставить в ней благоприятный отзыв!

— Отзыв? — Купец выглядел малость пришибленно.

— Да, поставишь лайк, подпишешься на гостевую книгу, — пошутил я, — может даже купишь экземпляр и будешь ночами зачитывать до дыр, плача навзрыд «живут же люди!» И так тебя царство благодарственного слова захватит, что, размазывая соплю по лицу, в ответ на тысячи признаний в любви к нашему городу и желаний переехать в Самур, ты сумеешь прошептать только предложение из трёх букв.

— Из трёх букв?! — изумилась Кая. — Предложение?!

Иногда думаю, что я просто её второй хвостик. Охраняет меня и бдит, чтобы не потерялся. Всегда рядом, но бывает такой незаметной. Заботливая лиська.

— Показываю, — обратился к ней, — вот чмокни Рису.

Аисаки пожалала плечами, но не споря, подошла к Саитане и поцеловала удивленную малышку в щечку.

— ЫЫЫ, а я?

Моё потешное негодование было тотчас вознаграждено хихикнувшей Каей. Торговец тоже оттаял. В общем, поболтали мы с купцом о видах на урожай, izdelке сукна, нехватке металла, и я отослал его отдыхать, а вечером пригласил на огонёк.

Отогрел бездомного, а он мне здесь императора поносит!

Я прислушался. Речь шла о печально известном каталийском императоре Герхарде Герогейне. Это после него от Каталии осталась только Южная. По летописям дело было так. Предался он пирам и неге, позабыл о государственных делах, погряз в роскоши и разврате, но не вовремя набежали орки. Со вторжениями в людские королевства у них всё ок, стабильно раз в десять-двадцать лет из своих степей наскакивают и проводят кампанию по человекозаготовкам.

За несколько сотен лет можно было уже привыкнуть. Сыграть на опережение, но плохому властителю вечно что-то мешает: народишко убогий, соседи гадят, отсутствие ресурсов, противник качественный. Вот и Герхард: крепости на границе потерял, склады с урожаем пролюбил, армию в генеральном сражении положил. Могучая империя пала, тут и соседям могло не поздоровиться, но неведомым образом орки перессорились, немного друг друга поубивали, затем вспыхнула эпидемия «ржаной чумы». Едва ли десятая часть орков вернулась из того похода и лет тридцать про них не было слышно.

Конкретно сейчас, Кексотлол упрекал императора за пьянство, дескать, тот был настолько под белочкой в решающей битве, что не держался на ногах и велел себя привязать к лошади для лихой кавалерийской атаки. Закономерно, его конницу излупили, император вызвал на бой главорка, тот его в капусту порубил, поржал над трупом и напялил его корону на себя.

— Кексоклал, — вмешался я в рассказ купца, — летопись составлял монах Страхиня Хроменко из монастыря Нового Хреноложества, церковники с императором были на ножах после того, как тот шахты к себе прибрал, серебряные, рядом с монастырем. Между тем, в той кампании участвовали сводный отряд магов нашего королевства. Об этом в наших хрониках не упоминают, поскольку результат считают провальным, в интерпретации южнокаталийцев — мы враги, помощь от нас недостойна, но давайте по фактчекингу разберемся.

— Я Кексотлол, ваша милость, — робко вставил купец.

— Так вот, Кексотроль, — «не расслышал» его я, — тот набег был одним из самых больших в истории мира. Орки прошли через еще одно королевство Усмэлая. По старому договору между Каталией и Усмэлая приграничные крепости были высотой не больше семи метров с обеих сторон. Герхард просто не успел ничего сделать: соседнее королевство пало за две недели.

— Грутов дрын — выругался я, — да орки прошли через Усмэлая быстрее, чем королевский палач вздергивает голову казненного напоказ толпе.

Грут здесь был древесным монстром без конечностей, передвигался на корнях. Орган размножения у него исполнял хватательные функции, сковывая жертву, что особой любви

людей никак не добавляло.

— Ничего Герхард Герогейн, казалось, не успел — задумчиво поведал слушателям, — но это не так. Водные маги Шайна, прибывшие по просьбе императора, успели заразить собранное после урожая зерно отравленной спорыньей на складах пограничья. Там же главное, влажность создать подходящую, да концентрацию «медвяной росы» для спор грибов создать убийственную. Наши маги справились. Хлеб у орков считается за деликатес, ржаной каравай под человечинку — кухней гурманов. На том и попались. Инкубационный период заражения чуть больше чем у людей, орки поздоровее будут, но финал в итоге одинаков. Этим император спас остальные королевства.

— Так почему к коню его привязали? — спросила переживающая Риса.

— А на этот вопрос отвечает красивейший знаток справа от меня! — провозгласил я.

— Герхарду Герогейну было за шестьдесят, — сказала Кая, — пьяницы столько не живут. В шестьдесят и в седле держаться в бою уже трудно. Ходит версия, что отказали ноги или зрение, точно мы не знаем, все участники битвы Трёх холмов со стороны разумных тогда погибли.

Это так, орков за разумных никто не считал, поскольку они остальными могли пообедать. Орк мог учудить безумство за гранью, тогда его выгоняли из племени, в таком варианте он мог прибиться к банде, как это произошло в нашем случае. Против орков на поле Трёх холмов стояли все расы, что проживали в Каталлии, но не свезло.

— Герхард знал: он и армия обречены. Тогда император намазал свою корону ядом, на поле боя он специально вызвал вождя вождей орков, насмеялся над ним, обозвал зеленой ящерицей, сказал, что тому на голову никогда не налезет его корона. Тот его убил. Плюнул на труп, надел на голову корону, поранился шипом внутри обода и через три дня умер в мучениях.

Кая задумчиво отпила из фляги апельсинового фреша.

— Отважный поступок в надежде спасти свою империю. Расчет императора на внутренние противоречия оправдался. Орки передрались из-за главенства в походе. Несколько дней на поле шли дуэли и вызовы среди лидеров «зелёных». Немного времени он выиграл, а дальше вспышка «ржаной чумы» и орки в ужасе сбежали из Каталлии.

Я оглядел внимательно слушателей, двинул пакетик с поп-корном Саитане, прикорнувшей на бревне слева: не грусти — погрызи.

— Понимаешь Кексотлол, — обратился к купцу, — один летописец тебя Кексоклалом назовет, второй Кексотролем и всё — готово. У нас история с тремя разными людьми: один купец, второй пленник, третий фальсификатор истории. Больше всего врут не на театральных представлениях, в любви или на охоте. Врут летописцы. По заказу, личным убеждениям, нехватку информации, восполняя домыслами, для хайпа. Может Герхард был трус и приказал себя привязать, чтобы не свалиться с коня от страха, может сидеть не мог из-за болезни, но полстраны он сумел спасти и вовсе не был дураком, как его представляют.

Я перевел дух, народ таращился на меня, утопая в глубине моих познаний. Джерк Хилл звезд с неба не хватал, не зажигал и даже не тянулся к ним. Подозреваю, вселённые личности в черепушку юного авантюриста нейронные клетки расшатали, заставили расти, уплотняться, образуя новые синаптические связи. Переключим внимание.

— Аисаки, — призвал на помощь подружку, — поведай народу о настоящем Квашино, а не ту псевдоисторическую байку, намалеванную для простого люда в королевском грамотнике.

— Лектор предупредил, что реальная история деревушки не для всех, — с сомнением проговорила Аисаки, — но как скажешь. Из фольклора все знают про Безумноквашино. Сумасшедшая деревенька с малахольными жителями попала в историю, когда его величество Шатийон Третий решил устроить королевский заповедник для охоты в тех местах. Вроде бы вот оно — счастье привалило деревенским. Дорогу построят, таверны откроют, монету с аристо посшибать можно. Так?

— И кошель стащить у пьяного, — под всеобщий смех выдал Кексотлол.

— Дело было лет двести назад, — объяснила Кая, — повинности строительства дороги без оплаты возложили бы на крестьян, даже свободных. Таверны для простого люда были бы слишком дороги, а леса для охоты фермеров в заповеднике бы закрыли. Сплошные убытки. И вот, в тот день, когда королевские посланники вступили в деревушку на предмет оценки удобств и предстоящих работ, они обнаружили в ней совершенно чокнутых, юродивых обитателей.

Каждый из жителей Квашино старательно отыгрывал психа и делал глупости. Например, они собрались большой толпой, чтобы утопить угря в реке, но подлая рыба всё никак не захлебывалась. Местный кузнец на глазах посланников его величества сжег собственную кузню, чтобы избавиться от осинового гнезда. Квашинцы настолько хотели лета, что построили забор вокруг дерева, на котором сидела кукушка, чтобы она не покидала свое место. Ведь по поверьям зима начинается с её улетом. Когда птица улетела, все начали реветь в недоумении. Деревенский сапожник заколол лошадь, испугавшись, что она выпила луну из ведра с водой. Собравшись толпой квашинцы скатили сыр с холма, ожидая, что он сам пойдет на рынок в Тритикаме.

Кая разулыбалась, вспоминая детали из конспекта, а я откровенно ей любовался. Ах, если бы здесь были костюмы — какая офисная леди из неё вышла. Или министр образования.

— Когда королевские посланники вернулись в дворец, — продолжала Кая, — они в смятении застыли у трона Шатийона, не решаясь даже вымолвить опасное, а потом закричали все сразу. «Они безумцы, обитель юродивых, милорд, деревню следует оградить от остальных, настолько они опасны!» К чести короля, тот довольно быстро выяснил подоплеку их поведения, но не впал в гнев, только посмеялся. Лес не стали огораживать, но байки про безумноквашинцев пошли в народ. Деревню с тех пор так и именуют, а про жителей ходят всяческие небылицы.

— Вот так, Нергахар Кексотлол, — подвел я вывод, — в зеркале летописи ты видишь только отражение истории на плоскости, в ней нет глубины. Объем придет только вместе с фактами. Вот скажи мне: какой металл сгубил больше всего людей?

Нергахар задумался, Риса встрепелась

— Скарлетит, что тут думать! Большинство магов с ним ходят!

Аисаки взглядом призвала её подумать. О том, за какой металл гибнут люди она была в курсе.

— Железо как ответ звучит слишком уныло, — пожаловалась Риса.

— В основе почти всех войн лежит золото и власть, как производная, — сообщил я собеседникам, — оно убило больше душ, чем железо тел.

Купец отчебучил следующее: встал, поклонился и поблагодарил за науку. Вогнал меня в краску, стервец. Я его просто в образовательных целях использовал, для Сайтаны. Спецкурсы у них не скоро, а она уже что-то будет знать. Честно сказать и маги не все на них

ходили, не говоря уже о воинах, но Риса Саитана станет у меня самым молодым профессором в будущей Академии магических и физических наук. В нашей профессии долго не живут, карьеру дальше надо строить по безопасному маршруту.

Мы еще посидели-поболтали, лениво потягивая чаёк и напитки под треск костра, рулады цикад, мерцающие звезды, ковром укрывшие небосклон. Ридлтрен рассказал о своём баронстве:

— Ах, какие там заливные луга и заводные девчонки, — заливался он соловьем, — охотничий домик у слияния двух рек, мельница, по вечеру, словно добрый великан, проступающий сквозь сумерки.

Нахваливал, зазывал в гости, но где я и где завтра? Королевские наместники в желаниях не особо властны, так чиновники обычные. Риса, сидя на бревне, привалилась к моей ноге, я сидел заметно повыше на стуле, и уже закрыла глазёнки. Кая, незаметно и естественно положила голову на мое бедро и смотрела искоса на огонь.

Джил Свакинг хозяйственно спросил Ридлтрена сколько мельница молотит зерна, но юный наследник себе таким голову не забивал. Джиро Такаши сказал, что помнит запах свежемолотой пшеницы на мельнице у дяди. «Это запах самой жизни», — утверждал он. Как-то незаметно разговоры разбились на беседки. Верный признак, что скоро ложиться спать.

Я тоже незаметно, но крайне коварно, проторил тропинку к Каиному ушку и на грани восприятия поглаживал, очень нежно, но так интимно, что костер переходил с лица на её шею. Или это просто блики?

— Не знала, что ты заглядывал в мои конспекты по истории Шайна и сопредельных государств, — сказала она, скрывая своё смущение обвинением.

Бумага и обычные, из дубовых яблок, чернила были не так дороги здесь, как в свое время на Земле. Хотя и там, богатые студенты писали отнюдь не на восковых таблицах стилем. До картона здесь не дошли, потому обложку выполняли из нескольких, склеенных между собой гипсом листов. Переплета никто не делал, хотя думаю у принцесски запросто мог быть из серебра и полудрагоценностей.

— Искал свой рисунок в профиль, — легко соврал её прекрасным глазам. — нашел только жалобный призыв от лектора по искусству, цитирую: «не знает Белваси из дома Аркенари. Просьба познакомить!».

— Он думал у меня есть родители, — безмятежно сказала Кая, — его ошибка, что не уточнил. А Белваси скучная, не правда-ли?

— Правда только в глубине твоих глазах, — мягко польстил ей. — за Белваси не беспокойся, зачем нам эта старушка, почившая в мире лет пятьсот назад. Я для тебя лучше стихи придумаю.

— У тебя секунд тридцать, до того, как я тебя укушу, — предупредила Аисаки.

— Горю до озноба на коже, чувствуя её дыхание, — зачитал я свою телегу, — к демонам мир и случайных прохожих, сейчас мы сольемся в сладостной дрожи, сочном экстазе объятий или... — уже не так уверенно закончил, — я получу по роже.

— Ох, словно молотом кузнеца в меня попали, — восхитилась Аисаки, — убойное сочетание: по поступкам суперхищник, а по стихам такая милота.

Она кровожадно прикусила губку. Дофамин рванулся к мозгу, но не успел. Стремительным прыжком Кая поднялась, обдав меня водопадом огненных волос.

— Рису я сама донесу до домика, — предупредила меня, немного помедлила, — а все

же почему Шайн считает результат миссии провальным? В конспектах об этом не было.

Мне понадобилось секунд пять, чтобы перестроиться.

— Потому что не посадили своего императора на престол, — объяснил я. — Государства никогда не дружили. Если при таком раскладе Шайн начинает помогать: становится понятно, расчет был либо на своего претендента, либо на очень весомые уступки. Судя по тому, что ни того, ни другого не случилось, Герхард каким-то образом вывернулся. Вот, примерно, как ты сбегает сейчас.

Она одной рукой легко подхватила Рису, мерное сопение девочки даже не изменилось.

— Кто не играет в салочки, тот никогда не догонит, — и кинула воздушный поцелуй, — семпай знает мой домик!

Я еще постоял немного, глядя на звезды, наполняясь мудрости, прошептал всем: «стала жизнь на день короче, счастье — спать, спокойной ночи!». Развернул боковую накидку, устроился у костра и сразу уснул.

— Это новый вид насилия, — прошептала Саитана не открывая глаза, я радостно заржал, а Кая водившая небольшим собранным букетом полевых трав по щеке спавшей малышки, застыла, застигнутая на месте преступления. Но быстро пришла в себя.

— Насилие было бы, если ты букет собирала сама, — возмутилась она, — лежебока! Доброго утрачка, Риса, пора вставать.

Саитана только свернулась в клубок, замоталась поглубже в одеяло, будто броненосец рассерженный.

— Не бывает добрых монстров, — донеслось откуда-то глухо, — добрых королей и доброго утра.

— Это как сказать, — не согласился я, — вот вырастешь, появятся у тебя свои поклонники, начнут своими воплями под гитару будить утром, еще не раз милую Каю вспомнишь со слезами.

Из непонятно переплетенного комка волос, подушки, одеяла показались сонные, карие глазки.

— А ты их не будешь разгонять что-ли, дядь Джерк? — встревоженно осведомилась она.

— Ну как не буду, — пожал плечами я, — одного аннигилирую, второго, но вдруг куда в поход уйду. А если он принцем окажется? Что мне, принца за ухо таскать прикажешь? К тому же, все порядочные принцы на белых конях рассекают, я просто не достану до его уха.

— Хорошо, — согласилась Риса, — тогда мы его поделим: мне конь, тебе принц.

Она откинула одеяльце, оказавшись в симпатичной пижаме в ромашку. Кая сразу набросила на нее мокрое холодное полотенце, и она, попискивая от бодрящих ощущений, принялась вытирать мордашку.

— Приводи себя в порядок, завтракай, переберемся за ту гору, доразвед�ем местность за ней, вернемся, соберем лагерь и выдвинемся в Самур. — изложил ей современную диспозицию.

— Так точно, — козырнула она двумя пальцами, буквой V к глазам.

«Жест уже становится официальным приветствием среди женской части королевства», — возрадовался внутренний голос ускоренной рецепции земной субкультуры на внутреннее общество.

Выйдя из домика женской части отряда, я оглядел сворачивающийся лагерь. Бандиты ночевали в своём же горном каземате, заботливо одетые по рукам и ногам в кандалы. Сейчас Джиро со Свакингом проводили у них разогревающие процедуры с помощью ведра воды и доброго слова.

К слову сказать, деревня если по прямой, то всего километрах пяти-шести от Самура, а земля потеплее и ветра такого нет. Если с ветром понятно, поселение словно укрыто в этакой чаше, то может где-то под нами геотермальные источники находятся? Косвенным признаком этого была «солёная пшеница» — эндемичное растение, прорастающее вот на таких почвах, как там по международной классификации? Я напрягся, вспоминая — андосоли, вулканическая почва.

У солёной пшеницы земных аналогов не было, растение мелкое, нигде не культивировалось. Но хлебушек из него сделать можно, со вкусом на любителя. На любителя

пива.

Здесь мои неспешные ботанические измышления прервала Кая с Рисой.

— Банки с маной во внутренних кармашках рюкзака, — радетельно говорила Аисаки.

— Да, Кая, — безропотно отвечала она.

— Бутерброды, я положила, — продолжала заботиться дальше Аисаки.

— Хорошо, Кая, — кивала головой Саитана.

— Перчатки, беретик, маска, там же.

На этом месте невозмутимость Риса слегка поплыла, она с некоторой паникой посмотрела на Каю.

— Ха, если там высоко, ты замерзнешь, — с превосходством проговорила она, — Джерк же сказал — доразведка. А это понятие всякое-разное включает.

— Кая права, — подтвердил я, — вчера мы просто высоту занимали для обстрела. Сегодня можем повыше пойти.

Я это сказал потому, что вчера на мраморном руднике разглядел среди гор легкую дымку. Нет. вряд ли это поселение разумных или квазиразумных — затерянный народец гор, что одарит меня могучим артефактом и провозгласит своим мессией. Дымка дрожала сплошным фронтом, это точно не костер. А что это, надеюсь вскоре узнаем.

Саитана молча прижалась к Аисаки на пару мгновений.

— Да не волнуйся так, всё хорошо будет, Кая, — рассудительно изрекла малышка, — я же с дядей Джерком, ну что может случиться? Дракон прилетит? Дядя Джерк из него колбасу сделает.

Мне такое прямо хорошечно слышать было, но Кая только рассмеялась.

— Ха-ха, дракон, — презрительно сказала она, — а если это будет принцесса драконов?

Юная и миловидная девчуля с невинными, милыми глазками, с большими ресницами?

— Ах, вот для чего маска! — «догадалась» Риса, — накидываю на принцессу драконов, пока Джерк не разглядел её красоту.

— А потом со скалы сразу толкай, — дополнила её догадку Кая.

— Барды обязательно сложат сагу, что у двенадцатилетней принцессы было двое детей и один кредит, на который она построила домик на горе, — возмутился я, — и скинула её со скалы не ты, а я. Вместе с детьми от меня. Ради домика и артефактной вазочки с бесконечным печеньем.

Аисаки притворно вздохнула.

— Но наш бюджет не выдержит еще одной принцессы, — пожаловалась она, — тебе придется найти для неё работу, желательно высокооплачиваемую. Вроде инструктора по прыжкам со скалы.

— Со скалкой, — уточнил я.

— Со скалы, — с нажимом повторила она.

Я посмотрел на Каю со сложным выражением кошмара и восхищения на лице. Воображаемая принцесса драконов уже самого меня начала пугать своим неизбежным появлением и всеми связанными с этим делом хлопотами.

Насладившись моим ужасом, Кая подскочила ко мне и бодро клюнула в щечку.

— Ну, вы там осторожнее и побыстрее, — выдала она взаимоисключающие инструкции и унеслась в рассвет.

Риса с некоторой тревогой посмотрела на меня:

— Дядь Джерк, ты только не волнуйся, — затараторила она, — не буду я толкать

принцессу в пропасть, спрячем её в таверне у Марты, выучится на разносчицу пива...

— Риса Саитана, — перебил я её, смахнув несуществующую слезу, — Создатель не видел более доброй девочки. Но драконов не существует, а единственную принцессу, которую я знаю, спасла сама Кая, послушавшись меня. Пока Аиша далеко от нас и не может, в свою очередь, использовать твои ушки для пропаганды ужасных вещей — давай уже, расколдовывайся!

Я обнял Рису и мы «попарили» на вершину горы. На этот раз путь был раза в два длиннее. При этом Риса неуверенно поделилась со мной ощущением, что исполнение заклинания стало чуточку быстрее и немного, но продолжительнее по действию.

Аха, — открыл я её статьи в своей «учительской» таблице, — так тебе интеллекта добавили единичку.

— О, за что? — удивилась та, — всё как обычно было, никаких подвигов не совершала.

Я глянул статьи лисодевочки. Пожалуйста, тоже единичка интеллекта капнула.

— Видимо, вечерняя лекция по истории Неста, — предположил я, — может сделать такие поучительные посиделки постоянными? Конечно, когда я свободен, а не за всякими негодьями гоняюсь.

— Не дело это королевского наместника за бандосами гоняться, — заявила Риса.

— Так натренирую стражу и перестану, — заупрямился я, — кого-то дома еще накажут, кстати, за самоволочку с боевым походом. Ты чему молодежь учишь?

— Не уныло сидеть в комнате перед конспектами, — независимо сказала Риса, — а брать судьбу в свои руки и превозмогать.

— Даже самую унылую комнату украшают маленькие девочки, — пригрозил я, — красиво расставленные по углам.

Так, препираясь и запугивая друг дружку, мы добрались до нужной мне горы. В принципе, уже на подходе я понял: да, Создатели просто скопировали с Земли озеро природного битума в котоловане между гор, по типу такого же озера в Тринидад и Тобаго или Венесуэле. На солнце битум разогревался, отчего легкие фракции улетучивались, создавая такую дымку.

Встав на уступ внешней стенки, мы молча глазели некоторое время на черную поверхность, тоже застывшую в непонятном ожидании. Я так просто охреневал от увиденного: альтернативная геология сбивает с ног. Ну какая нефть рядом с вулканами? Температурные условия являются взаимоисключающими. Нефть осадочная порода, вулканы состоят из магматической. Вулканические извержения обычно происходят на краях плит, где происходит либо субдукция, либо столкновение тектонических плит. Нефть оттуда вытечет задолго до того, как порода даже начнет нагреваться. Да, можно вспомнить подводные асфальтовые горы, на первый взгляд похожие на вулканы, где битум образует потоки, точь-в-точь как вулканические. На самом деле там нет сейсмической активности, просто горячие углеводороды просачиваются в воду.

Есть некое исключение: в бассейне Неукен, Аргентина, есть несколько вулканов с нефтью под ними. При извержение ничего особенного не произошло, кроме того, что нефть подверглась избыточному давлению и закачалась в трещины породы. Гореть-то она без кислорода не может, внизу. Когда нефть чрезмерно нагревается, она теряет легкие компоненты, которые испаряются, оставляя только остатки смолы, называемые асфальтитом. Но здесь нефть наверху. Это похоже на то, как некто просто тупо заказал себе немножко битума и реалистичность его нахождения не сильно загадочного типа волновала.

— Ого, «земляная смола» и как много! — восхитилась Риса, — что будешь с ним делать дядь Джерк?

— Строить дороги, больницы, школы, — пафосно произнес я, — но это не точно.

— Почему не точно? — не поняла она.

— Потому что металла столько нет на трубы, кислоты и технологий, — признался я. — Легче из нефти битум делать. Если ты сейчас ничего не поняла, просто сделай вид лихой и жутковатый.

Я погрузился в раздумья: и на Земле-то природный битум не использовали, неэффективно выходило, добыча затруднительна, транспортировка тоже. Но, между прочим, запасы битумов больше разведанных запасов нефти. И они, сука, разные. Я поглядел на котлован: да здесь не меньше кубокилометра битума.

Вообще, по идее снизу он менее вязкий же, да? Дренажные скважины снизу горы пробурить, в смысле магом Земли пробурить тоннели и само всё вытечет! Я опять поглядел на котлован: да, вытечет, прямо автобаном на другой край континента.

«Ты мне еще тут природную катастрофу устрой.» — встрепенулся внутренний голос, — «маньячила техногенный, что тебе нейдет всё: живи как все и не кричай.»

«Походу эти две единички интеллекта Кае и Рисе с тебя перегнали», — сделал я вывод. — «сам по нормальным тротуарам ходить хочешь или по бульжной мостовой? В Париже уже двести лет асфальт кладут!»

«В Париже — цивилизация! — важно заявил голос, — а у тебя профанация».

Меня аж скривило всего. Без сомнения, внутренний голос полезен. Не будь его все человеки друг друга бы поубивали еще обезьянами. Но какой же мне мерзкий экземпляр попался.

«Я — абстракция высшего порядка, — заважничал он, — читал про теорию типов?»

«Я же тебя сейчас убью, — сказал ему почти ласково, — по статье Бертрана Рассела за незаконные обобщения. И плевать, что эту шутку поймут только полтора математика».

«Да тут сама порода, — торопливо тут же сказал внутренний голос, — этим битумом пропитана, надо посмотреть, где процентное соотношение повыше и вырубать, да скалывать, да на тележки. А прямо здесь завод поставить асфальтобетонный»

«А типа вот этот километр битума пусть так и стоит?», — не понял я.

«Пока, да: изучай, наблюдай, понимай», — ехидно ответил он, — «может потенциальный владелец озера объявится. Вроде принцессы драконов».

Это был настолько подлый и безобразный удар по-большому, что на некоторое время я выпал из реальности. Когда я оправился от него, гнусный голос уже исчез.

— Так вот, Риса, — сказал я как ни в чем не бывало, — будешь себя хорошо вести, обещаю сделать в Самуре невиданные дорожки: удобные, большие и ровные. Таких, которых нет ни в одном королевстве. Будешь гулять по ним и говорить: «эти дорожки я увидела первой, еще тогда, когда они лежали лужицей, высоко в самурских горах».

— Сначала ты говорил, что расскажешь всё, — обвиняюще высказалась она, — а теперь просто обещаешь построить дорожки. В тебе пропал дух авантюризма!

— Ладно, ладно, — сдался я, — обещаю грамотку выдать, за содействие в боевом походе по усмирению дикарей, от имени администрации

Но по лицу Саитаны не сказать, что она была счастлива. Грамотки, медальки — дети не понимают ценностей настоящих вещей! Это же мечта, оформленная в металле или бумаге. Настоящие схватки начинаются за их получение, а не за всякие геройства до.

— Лекция в гильдии от тебя, — непреклонно потребовала Саитана, — обязательно с интересной историей.

— Какие там истории, — пробормотал я, — выжил, убежал до повышения в должности. Догнал, убил — после. Одно и то же, концепция только слегка поменялась.

— Вот может остальным эту концепцию привьешь, — попросила Риса, — хотя бы первую часть. Основы очень важны, да и я конфеции всякие люблю.

— Концепция, Риса, — поправил я её.

— Конфеции, — с нажимом повторила она.

Выглядела она потешно, как и Кая, когда думает, что мной командует. Ради таких милых и забавных моментов мужчины и живут. Все остальное — тлен. Интересно, Аиша тоже так будет делать или у нее другая политика доминирования? С другой стороны, она как самая умная будет инвертировать отношения, пытаясь выделиться. Откроет раздел манипулятивной семантики?

Я на некоторое время впал в размышления, отчего принявшая это на свой счет Риса заволновалась.

— Эй, да приходи без всяких условий, дядя Джерк, — она потрясла меня за рукав накидки, — пофигу на конфеции.

Я очнулся от размышлений. Просто ребёнок, просто хочет внимания. Это в двадцать первом веке подсознательные страхи несостоятельности самозванные гуру монетизируют в свои движения.

— А и приду, с конфециями для всех, — решил я, — как только дела утрясу. Тему для лекции сама подбери, чтобы всем интересно было.

— Урааа, — она подпрыгнула, отчего капюшончик немедленно свалился ей на личико и пришлось её ловить, чтобы она не свалилась.

— Давай уже обратно, — попросил я её. — Кая заждалась, ребята. Бандиты там без нас скучают. Кто им дух поднимет? Вешать под мои шутки почти не больно, работает как анестезия.

— Я бы их на месте и повесила, — взроптала она, — тащить еще за собой, время тратить.

— Так надо, кисуля, — решил я, — правосудие оно бесстрастно должно быть. Может среди них есть не пропащий человек? Проведем допросы, сверим показания, когда жертвы придут в себя. Пока это невозможно. Лучше оправдать десятерых виновных, чем повесить одного невиновного.

— Так эти десять столько дел натворят, — не поняла она, — когда их отпустишь.

— Никто их не отпустит, — заверил я, — принципы гуманности будут применяться мной избирательно, пока общество не вырастет из коротких штанишек нищеты и предубеждений.

Мы «пропарили» обратно в деревню, где нас встретила в черном гимнастическом комбезике Аисаки.

«Это она разминалась со стражей и авантюристами», — понял я. — до чего же секси выглядит рыженькая очаровашка.

— Нот джаст э кьюти, — вырвалось машинально у меня.

— Принцесса драконов вырвалась и улетела, — понимающе сказала Кая, — но перед этим успела шарахнуть тебя по голове хвостом. Ты по-каковски сейчас заговорил?

— По милашечьи, — не моргнув глазом ответил я, — твой родной язык, раскрыт Кая!

И, воспользовавшись служебным положением, тут же обнял свою красавицу.

— Девчули, к бронепоезду! — скомандовал я, — у нас век пара на носу, возможны, социальные потрясения!

Мы выстроились колонной, поставили впереди своих неудачливых бандитов, Кая накинула маскнакидку и скользнула вперед. Я оглядел деревню, ненадолго, но ставшую ареной жестокой бойни разума с варварами. Скоро вернусь и место освою. Бригаду лесорубов перебросим с Белого леса. Магов Земли выпишем из столицы. Верлиту подкачаем, големов забьем наукой. Термы построим, заводик, дороги. Но не сразу, после гарантий, вроде грамоты королевской о моём наместничестве.

— Ничего на свете лучше нету, — тихонько начал я,

— Чем бродить друзьям по белу свету. — подхватила Кая. Ей уже я песенку спел на пляже.

— Тем, кто дружен, не страшны тревоги, — продолжили мы вместе звонко, — Нам любые дороги дороги. Нам любые дороги дороги.

— Кто мы?! — взревел я неистово на импровизированной трибуне у городского фонтана.

— Жители Самура! — вскричали инструктированные мной граждане, стражники и приближенные.

За ними клич подхватили и остальные. Я выждал минуту.

— Чего мы хотим?!

Какой-то забулдыга успел радостно выкрикнуть «пива!», но его быстро зашикали.

— Справедливости! — взревели ободренные жители, словив еще одну подсказку.

— Когда мы этого хотим?! — потряс я кулаками.

— Всегда!!! — бешено заорали мои подда... ладно, пока просто жители.

На привычном месте у фонтана, за сколоченной трибуной королевского наместника было тепло и радостно. Небо не такое и хмурое, несмотря на зиму. Птички-синички поют, солнышко светит, воздух мягко ласкает кожу, бандиты понуро ждут своей участи. Рисе на зрелище я смотреть не разрешил, да она и не рвалась. С утра отправилась с Каей на занятия в гильдию авантюристов.

Вчера по приходу я собрал производственное совещание с главой лесорубов. Перебросил с охраной пилить лес к бывшей деревне отступников. Шесть бригад с магом воздуха круглосуточно, хлыстовой заготовкой валили по три кубокилометра леса. Ночью трелевку делали и раскряжевывали. За неделю до деревни дойдут.

А вот потом её надо будет отстроить и заселить с прицелом на мраморные заготовки, а в будущем асфальтный заводик. То есть жителей надо набрать.

Я посмотрел на бандитов, на виселицы. Одного из отступников мы отделили. По словам жертв этот никого не насиловал, не бил, выпекал хлеб из «солёной пшеницы». Пару раз просовывал краюшку счастливым из пленников, случайно оказавшимся рядом.

Нормальные люди даже в дерьме найдутся, надо только поскрести основательно.

Он немало интересного рассказал, в частности, то, почему неожиданно бандитов было больше. Деревня временно объединилась с какой-то пришлой бандой с северо-востока. И вообще-то, они сами намеревались нагрянуть в город, посеять панику, пограбить, а может и захватить, если повезет. Так что мы вовремя на огонёк заглянули.

— Вот голос народа, — благостно поведал я насильникам, убийцам, разбойникам. — теперь мой приговор: обернуть крепкую веревку вокруг их шеи и отпустить. Да рассудят их по делам Создателя!

Они повисли, закривлялись, заплясали на веревках, но мне это было не особо интересно, потому что я уже ушел с площади.

После разбора нового задания лесорубам, не откладывая, я навестил вчера же семью Мелама Тектоса. Дети его, уже взрослые, не отмеченные Даром, обретались в столице. Сумел вывезти, обучить, пристроить у купца какого-то. Сам с женой жил, зарабатывал в Самуре, «здесь он родился — здесь и помрет» — по его словам. С последним нехорошо получилось, надо какие-то основы выживания повторять, у долго не ходивших в боевые миссии, магов.

Зашел, жена его еще не старая, лет сорока женщина, всплакнула у меня на плече, потерянно попросила зайти в дом, рассказать, как так случилось. Честно всё поведал, не

скрывая что погиб Мелам по глупости, но добавил: в отчете для королевского совета, куда все документы по боевым потерям уходили, будет как надо для положенной выплаты. Передал магический посох Мелама, все вещи, сказал приходить завтра, когда в ратуше мой бюрократический аппарат выплату оформит.

Кстати о нём. Его я не менял: руки не дошли, да и технические специалисты, занимавшиеся документами, сами ничего не решали. Как прежний наместник говорил, так и оформляли бумаги.

Поскольку Самур — этакая личинка города, было их всего пятеро: рекордер, человек отвечающий за проекты решений по обращениям жителей, административным поступкам и штрафам; чемберлен, типа городского казначея; архивист, отвечал за оформление и сохранность бумажек вроде завещаний, бумаг о покупке земельной собственности, домов; и два коллектора. Да, время профессии не щадит, но вот коллекторы вроде еще с античности обретались и незаметно даже до современности добрались. Собирали они пошшины и штрафы, отвечали за санитарное состояние улиц.

В свободном городе городские чиновники распоряжались городской казной, следили за сбором торговых пошлин, раскладкой товаров, вывесками и штрафами, регулировали цены на рынке. Устанавливали и изменяли внутреннюю организацию ремесленных и торговых гильдий, компаний и других корпораций, осуществляли контроль за качеством продовольствия и товаров, отвечали за городские дороги и стены. Но власть здесь я, потому как наместник, распоряжался всем, а эти пятеро, так сказать, простые подручные.

Была ли среди них коррупция — несомненно. Бытовая, низовая коррупция — она неизменна в слабых государствах, уж про феодальное, где она существовала узаконено, смешно даже говорить. Все эти чиновнички свои должности купили у прежнего наместника, на секундочку. Гортам Затарийский целый аукцион негласный устроил по продаже должностей.

Естественно, их первая цель была свои вложения отбить.

Всех их в первый же день я собрал в зале ратуши, запер дверь на ключ и устроил им «Судный день».

— Я человек простой, — сказал им грозно, — кто ворует при должности, вылетит впереди визга. Не факт, что целым. Вполне возможно без некоторых частей тела. Как вы эти должности заняли я в курсе. Что же, желающим работать со мной — монеты за должность я верну. Но взамен потребую честности!

Остальные могут отправиться в столицу за Гортамом и жаловаться на него королю.

Моя позиция в следующем. Мы все работаем на благо Самура. Самур — это его жители. Мы все работаем на богатство города. Своё придет за ним. Не в процессе, не перед, а после. Я так хочу и никому из вас не позволю хотеть по-другому. Работать вы будете не по обычаям или традициям — работать вы начнете с этого дня, по-моему. Усекли?

Переждав нестройный и жалобный хор согласных голосов, продолжил.

— Каждое решение, оцениваем точки зрения эффективности для города. Не законности — вы поняли? — эффективности. Четких критериев законности не существует сейчас практически нигде. Пример: Торин Глеоран в своей лавке торгует рошгийской белой олениной. Приезжают купцы из Роштии, заходят в его лавку, клеймят обманщиком, потому что это не олень, а лань хохлатая. И не рошгийская, а эсванская. Купил Торин оленину у купца, который уже в Тритикаме присел за мошенничество, документов по сделке нет, провели по обычаю, свидетели далеко. Ваши действия?

— Так это, — сказал робко городской рекордер Сент Просанус, — купцу штраф максимальный в пять золотых, оленину сжечь.

— Я тебе, полудурок сожгу, — разъярился я, — дом твой вместе с палисадником, меня законы ваши придурочные мало волнуют, Лекаменсгилле их в соответствие еще приведет. Торин конечно дурак в таком раскладе, но лань ту и оленя различить трудно даже специалисту. Обман есть, но неумышленный. Значит, порицание городское и наставление следить за подлинностью товара. Штрафовать не надо: он в следующий раз вообще ничего из столицы не привезет, чтобы не обжечься. А оленину конфисковываем, частично возмещая Торину затраты и раздаем бедным. Вернее так, вы у меня сейчас сядете и городскую Хартию о сиротах будете писать. Так вот, оленину — детям. Всекли?

Они усердно сделали вид понимающий и верномыслящий, но я не обманывался. Что же, Вельг Лекаменсгилле с этим крапивным семенем разберется и вымуштрует.

Дал им задание написать три Хартии: о детях-сиротах, о порядке обращений в городской совет и определить названия городских улиц и площади с нумерацией домов с прибавлением табличек. Обещал, если мне понравится повысить им жалование в три раза. Но при этом запретил подношения, подарки, посулы, почести и поминки. Это всё легальные виды взяток и коррупции, причем даже с регистрацией в городской книге. Мне такого не надо. Эти не справятся с соблазнами — других наберу. Так им и сказал: мол, если вы дураки и не хотите дальше по карьерной лестнице вверх ползти со мной — до свидос, никого не держу.

Сейчас, после казни негодяев, я собирался посмотреть на их потуги законотворчества.

Зайдя в зал ратуши, я уселся в свое кресло, посмотрел на притихших чиновников, взял бумагу с Хартией городских улиц и принялся рассматривать их каракули. Улица Гончаров, Мясная — так всё понятно, традиции не изменяем. Кто живет, чья лавка стоит — так и назовем.

— Так, — выдал я свое резюме, — площадь Самура будет носить название Площадь Влюбленных, дорога к горе, так же будет улицей Двоих, улица Высокопочтенная — нафиг не нужна, мелко плаваает. Будет улица его величества Шайреда Третьего.

Это я говорил про главную улицу квартала, где располагался мой особняк и дома всяких глав гильдий. Поскольку мой стоял отдельно, то её — улочку с одним домом, чиновники хотели назвать Милостной, но я только поржал.

— Это будет улица её высочества Аиши Выдающейся, — закрыл я все споры. — Заодно, сразу рядом присмотрите улицу для Шилнагаила Молниеносного. Не хочу, чтобы его высочество обижался.

— Еще, улица Четкая звучит сногсшибательно, — сказал я, — но поскольку там жил Мелам Тектос, то улица будет названа в его честь, как павшего на поле сражения. То, что там четками торгуют — факт меня мало волнующий. В принципе, здесь и принц был бы доволен вашей работой: заказывайте деревянные таблички у Зигли Белдера с названиями улиц, нумерацию проводить с запада на восток. Жителей предупредить: порча табличек повлечет за собой выходные в заброшенной шахте.

— Что по детям?

Мне подсунули другую бумагу, которую я, просмотрев, отчеркнул сроки постройки дома, уточнил детали по камню — а строить мы собирались каменный. Посоветовался с Вельге Лекаменсгилле по месту размещения, не хотелось его засовывать в трущобы юго-запада. Велел позвать выкликалу и дать объявление на конкурс по эконому дома сирот и

воспитательному контингенту. Беспризорных детей в городе хватало. Убегали из деревень, были, потерявшие родителей, не всем везло пристроиться по работе. Дом для сирот собирались строить после ярмарки, там уже с какой-то прибылью я надеялся остаться.

— Так, с домом сирот пока всё, вернемся чуть позже, что у нас по порядку обращения в королевское управления города Самура?

Эти олухи подсунули мне бумагу по которой устанавливались часы обращений, сроки рассмотрения и всё даже выглядело прилично, но не было никакого ответственного лица и документооборота.

— Понятно, — скептически произнес я, — считаете себя самыми умными. Я вас насквозь вижу без заклинаний! Завести журнал обращений, фиксировать под роспись факт жалобы, обращения, выдавать просителю квиточек с номером жалобы и своей фамилией. Ответственный — архивист Дэнри Теннир.

Седой, благообразный дядька, раньше занимавшийся геральдикой, покорно кивнул.

— Так, — хлопнул я в ладоши, пугая этих канцелярских мух и придавая динамичность обстановке, — Сент Просанус к тебе зайдет вдова Мелама Тектоса, документы по боевой выплате за смерть при исполнении боевого долга готовы?

— Да, ваша милость, — робко ответил городской рекордер, мужчина сорока лет, с восемью детьми, скопивший работой городского писаря монеты для взятки на должность.

— Красавчик, — отметил его работу, — следующее, грамота для Рисы Саитаны с формулировкой «за похвальное магическое содействие при усмирении отступнической деревни, в результате которого сто сорок дикарей были отправлены на суд Создателей сразу и четырнадцать предьявлены жителям Самура»?

— Тоже готовы, ваша милость, нужна только ваша печать и подпись, — подсунул он мне большой лист с завитушками.

Я вчитался в него — не дай Создатель фамилию или имя переверт, Риса будет надо мной неделю потешаться. Но всё было хорошечно.

— Последнее, — я обвел глазами присутствующих, остановившись на городском чемберлене. — Доклад по трофеям из деревни отступников.

Вчера разбираться было лень. Я сдал пару сундуков с барахлом, что нашла Кая в деревне своему контролеру. Вельг, как мне доложили потом, полночи сидел с этой братией и считал золотые-серебряные, всякое барахло из товаров. Содержимое мельком я видел, не впечатлило: ну монеты, ну много, так это медные и серебряные, считать даже не стали.

— Ваша милость, — подскочил колом городской казначей, толстенный мужик, за пятьдесят, бывший глава гильдии, по слухам, с северо-востока королевства. Переехал еще лет двадцать назад, потому что климат здесь получше, по его словам. — разрешите?

— Давай Агнар Маруда, — поощрительно кивнул ему, — порадуй меня.

Последнее было некой издевкой, от гоблинов особой наживы не было, от отступников я тоже ничего не ожидал. Товары если награбленные по мелочи. Вряд ли много золота, купцы его в больших количествах редко возят. Только если с крепким отрядом наёмников.

— Триста сорок медных, восемьсот серебряных, сто двенадцать золотых, книга магии Земли, артефактный щит вампиризма... начал он перечислять и меня приятно удивило такое начало.

Книга магии Земли давало магу по своей специальности возможность выучить заклинание. Какое — было рандомом. Мог и взрыв выпасть, и земляной шип. Дело случая. Артефактный щит возвращал хозяину принятый урон в виде очков здоровья в процентном

соотношении. Был очень востребован у всяких танчиков.

— Хорошо, — принял я решение, — все товары, не принадлежащие пленным, вызволенным нами, раздать на реализацию соответствующим гильдиям под роспись. Книгу магии Земли забираю я, артефактный щит и монеты принять в городскую казну. Ответственный — Вельг Лекаменсгилле.

Вельг встал и стукнул кулаком себя в грудь. Да ладно, я же не его ярл. Не надо так грозно.

— На сегодня всё, — отпустил я их. — подготовить распоряжение о повышении жалования в три раза служащим городской администрации.

Это не от особой любви к чиновникам. На самом деле, содержались они на взятках, жалование их было раза в два меньше обычного ремесленника. Хочешь профессиональную работу — плати. Иначе, хоть обколи их пропагандой внутривенно — результата не будет.

Зашел в свой кабинет, приложил печать к грамоте для Рисы, полюбовался средневековой каллиграфией. Надо бы еще рамочку заказать и повесить в комнате.

— Джиро! — зычно я позвал своего «адъютанта».

В дверях возник Джиро Такаши, преданно поблескивая, овальными зрачками нечеловеческих глаз.

— Сгоняешь к Белдеру, скажешь, чтобы срочно в рамочку оформил грамоту, подождешь и приходи с грамотой в гильдию авантюристов.

— Так точно! — выдал он и умчался.

Я выглянул в окно. На гномоне тень падала к двенадцатичасовой отметке. Заберу Каю с тренировки и навещу Рису, как и обещал.

Во внутреннем дворике ратуши рыженькая бестия ловко металась между строем увальней, раздавая пинки и подсечки, ловко скользя между копий и небрежно отводя тычки мечом.

Я помахал рукой, подходя ближе, и она, отвесив прощальный шлепок последнему противнику, обратила ко мне раскрасневшую мордашку.

— Когда тело красивейшее оружие, а ножки словно идеальные ножны, — придумал я на ходу комплимент.

— Нормальный заход, — оценила Кая, — а знаешь, что оружие не будет другом, а вот друг может стать оружием.

— Аха, — сказал я, улыбаясь, — а еще хорошо иметь оружие, но не нуждаться в нём, чем нуждаться, но не иметь.

— С такими «меткими» выражениями, — поддела меня Кая, — во френдзону-то и попадают. Уйдут они и без возврата, года пригодные к разврату!

— Сила героя в его невинности, — принял я оскорбленный вид.

— Ох, — закатила глазки Аисаки, — мы не заслуживаем такого героя!

— Взгляда на тебя хватит, чтобы забыть о всех недостатках остальных, — польстил я.

— Любишь меня только глазами, — жалобно сказала Кая и коварно добавила, — но взгляд-то при этом твёрдый-же, да?

— Десять стальных големов из десяти, — подтвердил я, не моргнув взглядом. — Пойдешь со мной грамоту Рисе вручать? В восемь лет сходить в боевой поход не каждому герою удалось.

— Разумеется, — тотчас согласилась она, — я вот тут ночью вдруг подумала одну вещь.

Я мудро промолчал. Когда девушка думает одну вещь — это может быть что угодно. От

попытки научиться игре на укулеле до купания в фонтане верхом на бонгурунгу. А это, та еще натуральная дикая свинья со скверным характером, зубастая и кусачая.

— Если ты просто рассказывал истории нам, и я получила единичку интеллекта, что будет если мы займемся этим самым?

Кая взглянула серьезно, хотя смешинки пульсируя в глубине её глаз, выдавали легкомысленность вопроса.

— Через годик узнаем, — я был невозмутим, — у меня было всего лишь одно сердце, и оно давно стало игрушкой в чьих-то ловких, умелых ручках.

Занятия для начинающих авантюристов вели обычно за зданием, во внутреннем дворике. Но зимой, хотя и в Самуре зима — понятие относительное, молодежь не морозили. Была учебная комната, с большой аспидной доской из сланцевой пластинки, покрашенной в зеленый цвет. Писали на ней обычным мелом: благо добра этого было рядом с горами Самура завались. Умельцы варили даже цветной мел, смешивая рассыпной кальцит с мареной или войдой. Эти растения, из которых делали краску, существовали и в этом мире. Краску перемешивали с рыбным клеем, формовали и продавали непризнанным гениям из уличных художников или желающим облагородить интерьер дома, двора. Продукция на любителя, но некий спрос существовал.

Бумагу делали в графстве Лавулина, рядом с Самуром, там у графа была бумажная мельница. Стоила она недешево, но десять листов выдавало в начале обучения гильдия. Считалось основы в такой формат влезут, а там, если дальше монстры не сожрут, подработка позволяла монеты на бумагу при желании выделить. Знаю, что Кая даже рисовала в своих конспектах. В реальном средневековье человек писал свои заметки, мысли в купленной книге, настолько бумага ценилась. Это в музее вы увидите средневековую книгу с чистыми полями. На самом деле, попав в гости и разреши вам хозяин взглянуть на свою коллекцию, вы непременно обнаружите на листе, среди разукрашенного рукописного текста и художественных миниатюр — каракули владельца. По типу: «вчера с корешами метали с крепостной стены барсука из баллисты, было весело.»

В Тритикаме была гильдия либрариев: переписчиков, изготовителей книг. Проводя параллели с современной Землей, книга была по стоимости и по статусу дороже айфона. Конспекты Каи, у самого Джерка записей было на порядок меньше, можно было продать по цене небольшого домика. Другое дело, сама Аисаки о таком бы даже не подумала.

Перед вручением грамоты Рисе мы заглянули в кабинет к Килтилу. Встретил он меня и Каю приветливо, с новым наместником гильдия за пару дней уже неплохо наварилась на заданиях. Про участие Рисы в походе он знал: событие уникальное, есть исторические факты героев-детей из числа Создателей, принимавших участие в боях и походах. Но это боги мира и сравнивать с местными некорректно. На мой неискушенный взгляд, раз этот мир был создан, как игровой вариант у какой-то цивилизации, просто персонажа таким создавали: фича такая, а не баг. Может у Создателей это игра была с 18+, однако, если была функция реального отображения, кто-то пользовался инфантильной внешностью, воплощая себя в персонажа с детской внешностью. Но за рулем или отыгрывал от первого лица, всё равно взрослый индивидуум. Не допустил бы Создателькомнадзор детишек в такой мир.

Так вот, в гильдии собирались устроить торжественный обед в честь Рисы, но моя грамота как признание заслуг котировалась выше, потому Килтил, уже подготовленный Саитаной к моему появлению и лекции, изъявил только желание тоже присутствовать.

— Было бы оскорблением не пригласить главу гильдии, шан Килтил, — выразился я.

— Надеюсь, ваша милость, еще не раз заглянет нам на окормление знаниями новичков, — хитро сказал Килтил.

Вот ведь жук! Было бы чему их учить еще такому юнцу как я... хотя... пару фокусов Джерк должен выдать.

Мы ввалились на занятия новичков, будто орки в набеge. Такое сравнение пришло на ум,

потому что в классе было четыре сублильных ученика на трех известнейших авантюристов этого округа. Сразу подавили авторитетом и мощью, но ненадолго: я как сказал, что грамоту Рисе буду вручать, она начала тихонько повизгивать, шально блестя глазами, ерзать за скамьей, слюнки пускать — редкое зрелище. Весь авторитет и мощь растеклись при виде такой милоты.

Сура Чариара, полу-ученик, работник гильдии, как старшая вела занятия, передавая свои небогатые знания. Она с некоторым ошеломлением смотрела на меня, не понимая — вот я еще ладно, как-то извернулся, охмурил принцессу, стал наместником. Набрал авантюристов, побил барона. Деревню зачистил, ну ок, значит даже талантлив. Но как, из какой-то девочки за неделю, героя вырастил — такое было для неё ненормальным. Мне кажется, я даже увидел слезинку, блеснувшую в её глазах.

А слезы я не люблю. Придется позже заняться этой вредной особой, пока руки на себя не наложила в порыве отчаяния.

— Дорогие Сура, Фред, Чива, Риса, Верлита, — обратился к ученикам, — вы наше будущее, те, кто сменят нас на боевом посту. Пусть меня назначили королевским наместником, я всегда буду с теплотой вспоминать годы обучения в гильдии, то братство меча и заклинаний, из которого мы выросли и продолжаем идти по жизни вместе.

Я покосился на Каю.

— Сегодня я хочу выделить Рису Саитану, оказавшую большую услугу городу в зачистке преступной деревни на северо-западе нашего региона. Отмечая её храбрость, магический потенциал, волшебные навыки, что оказали нам неоценимую помощь, одновременно хочу предупредить. Не повторяйте её ошибку! Только волей рока, из-за погибшего товарища, она сумела заменить своим волшебством, выпавшее боевое звено, наконецник, так сказать, нашей бронебойной стрелы.

Я угрожающе потряс пальцем в сторону Рисы. Верлита с обожанием смотревшая на меня, хлюпнула носом.

— Наша группа могла справиться без неё, но с возможными досадными потерями. Используя её умение мы смогли обеспечить необходимую тактическую внезапность и подавляющую концентрацию магического давления. Потому, я выдаю в знак признания её заслуг официальную грамоту как представитель его величества. Но знайте! За свое самоуправство Риса наказана лишением сладкого на целую неделю! А из её роскошной прически, мною лично, была вырвана прядь волосинок!

Ну как вырвана. С утра, Кая зная о вручении грамоты, готовила Рисе сложную красивую прическу и попросила меня помочь с укладкой. Но факт существует, а его интерпретация уже детали.

Детишки зашептались с обожанием глядя на своего кумира. Саитана сидела бледная и гордая, как подобает национальной героине. Небось и прозвище ей придумают по типу «Самурская Дева» или «Девочка с Косой». В смысле заклинание у магов такое: «воздушная коса»

— Так встань же и прими знак своих заслуг, не возгордись и оставайся верной пути магии, очищения мира, идеалам добра и борьбы против монстров, Риса Саитана.

Она слегка запинаясь вышла, бессмысленно посмотрела на меня, взяла трясущимися руками грамоту и подняла над собой.

Я захлопал в ладоши, Кая и Килтил немедленно присоединились, с некоторым опозданием подключились остальные.

— Все же хочется тебя отшлепать, — шепнул я Саитане на ушко, не размыкая губ и сохраняя восторженное лицо.

— Победителей не судят, — так же тихо прошептала она в ответ.

Доволен, что у молодежи критическое мышление и никаких авторитетов.

Далее, Килтил толкнул минут на пять речь о гильдии, городе и короле, но интересного там было только вступление, когда он оговорился в начале, спутав местами две лексемы: вместо дикарской деревни выдал дикарей деревенских.

Затем мы, в свою очередь, вежливо похлопали, Килитил предложил лекцию от королевского наместника, сел в сторонке с Каей, а я остался наедине с пятью парами внимательных глаз.

— От вас зависит новый мир! — сделал я заявочку на прыжок в вечность. — Именно молодежь рождает новую культуру, традиции, формирует следующее общество. Она без проблем усваивает новые технологии, новые взгляды на старые проблемы, у неё нет предубеждений, ей не нужно время на адаптацию. Что ей нужно — знания и востребованность. Никто в мире пока не понимает её силу, можно было сказать несколько дней назад, но сейчас я стою перед вами и убеждаю вас — верьте. В себя, меня, её высочество и короля. Все меняется и очень быстро если есть цели, есть желания и знания. Потому никаких остановок на пути познания мира и повышения вашей силы. Упорство и настойчивость — ваш ориентир, а государственная цель в том, чтобы помочь вашей самореализации. Только счастливые жители придадут ускорение для стартового рывка превращения Шайна в гегемона нашего мира, в сверхдержаву с глобальными интересами, способную менять контурную карту даже не войнами, но культурой.

Я перевел дух. Кая поднесла мне фляжку с соком. Глотнул. Благодарно подмигнул ей. Пафосно выходит, но для этого времени просто верх ораторского искусства. Даже Килтил, выпучив глаза и открыв рот, внимает словно простой серв его величеству, забредшему на огонёк в неказистую таверну.

— Я выбрал для вас историю Бертрана Короткурокого. До двадцати лет его называли ублюдком, после — Святым Копьеносцем Дорифора Эсванийского.

Бертран был национальным героем Эсвании, один из считанных единиц жителей мира, которого взяли в группу сами Создатели. С ними он конкретно нагибал всех не разумных: от зеленых, до красных. То есть от орков до боссов чудовищ. Известная легенда с традиционной моралью. Захотелось показать её новичкам с другой стороны.

— Все знают, что с ним было до двадцати? — спросил их. Легенды тут с молоком матери усваивают. А если это сироты, то с колодезной водой. Особо заняться вечером нечего: старожилы за столом рассказывают всякие мифы. Это работает как у простых детей — им рассказывают родители, так у детей при гильдии. Им даже предания более полно рассказывают, с подтекстом и смыслами.

Они знали, история на самом деле простая. Буллинг за внешность, одичавший ребенок, не своя профа, вернее даже — попытка выдать себя за одаренного, усиление травли. В итоге Бертран положил детей шесть, своих одногодков, наглухо, ушел в лес, прибил к банде со всеми вытекающими. Грабил, убивал пока их банда не нарвалась на команду Создателей. Те их лениво настругали на лучок, а этот убогий выжил. Лидер группы Создателей Дорифор то ли профу ему присвоил по приколу, то ли саб-класс копейщика тыкнул. В общем, переродился мальчонка, раскаялся и принялся творить добро.

— В чем мораль истории детства Бертрана Короткурокого? — требовательно

поинтересовался у них.

Ответили они традиционно: типа Создатели посылают испытания, наказание за гордыню — Бертран, не выдержав насмешек над собой, соврал всем о прокнувшем у него Даре лучника, о необходимости контроля, смирения. Бертран был четвертым сыном герцога Мессарийского, с этим у него плохо было.

— Вижу историю вы знаете, — удовлетворился я, — давайте в деталях покопаемся. Руки у ребенка отличались от сверстников: жилистые, мощные, даже по меркам детей, при том заметно были короче. Его ли это вина?

Все молчали. Аче, если не его вина — тогда Создателей. Такое озвучь — доской учебной по башке взрослые и дадут сразу.

— Он себе руки выбирал разве? — не отставал я. — Таким родился по воле Создателей. (Моё мнение было банальнее: герцогиня согрешила с кем-то с капелькой зверолюдской крови) Замысел нам их не всегда понятен, но раз сотворили его короткоруким, значит необходимость существовала. И по его деяниям поздним, становится ясно для чего. Но сверстники его о таком не думали. Им этого не объясняли. Дети — это обезьянки со стадными рефлексам. Усматриваю в этом вину общества, вину родителей, не воспитавших своих детей должным образом.

— Если долго тыкать палкой финтиплюха что случится? — задал коварный вопрос.

Риса встрепенулась, подняла руку.

Финтиплюх — забавный монстрик, типа мохнатой слизи. Социальный, держится стаями. Безобидный, но, когда начинаются сезонные миграции может собираться здоровыми кучами и лопают по пути всякое-вкусное. А жрет он всё. Горит монстрик весело, с искорками, иногда его поджигают и запускают вместо фейерверка, исконно-посконное развлечение детворы. Есть только один нюанс. Если его долго пинать, тормозить, агрессивировать — то вот из такого куса мохнатой слизи сантиметров двадцать в диаметре появляется элитный плюхофинт, метко отвешивающий фаерболы. Такое обычно заканчивается летально для кого-то из окружающих.

Озвучив детали, Сайдана выжидательно глянула на меня.

— Хорошо, Риса, — похвалил, — возможно, сроки наказания без сладкого сократятся.

Она скорчила довольное личико, и с видом королевы уселась за парту. Пока возраст позволяет, будем снисходительны. Это сначала ты просто любишь сладкое, затем тянешься к белому, а потом углеводы в твоём теле строят свою цивилизацию, ударяются в религию липопротеинства и начинают жертвоприносить печень во славу Бога синтеза.

— Коллеги, — повысил их статус, — плюхофинт выдает до пяти огненных заклинаний ранга эксперт. Они самонаводящие. Уходят объекту, причинившему больше всего агрессии. Если объектов много, уровень вреда примерно одинаков — уходит пятерым сразу. Результат: пять обугленных трупиков. Но разве это плюхофинт виноват? Он результат мутировавшей защитной реакции организма. Виновато невежество.

Я потряс кулаком у носа каждого из них. С особым наслаждением сделал это перед Сурой. Она поджала губки, надувшись, исподлобья посылая фиолетовые молнии. Вот так, глупышка, тебе еще повезло, что в Джерке не проснулся плюхофинт после твоих «квестов».

— На мой взгляд, — повысил я голос, — здесь кроется большее, чем стандартные мерил морали испытания, наказания, смирения. Почему мы не оцениваем мораль другой стороны? Невежество не позволяет? Почему мы должны молчать о морали поведения детей в этом случае? Кто дал им право травить, а мы знаем о навозной куче в рюкзаке Бертрана, о

подложенном сапожном гвозде в его сандалях и других издевательствах, включая обидные клички.

— Вы знаете как его называли?

— Лохом, — ответили они грустно.

— А после того, как он сказал о Даре лучника?

— Косым лохом, — протянули они хором.

— Сбиваешься в банду, травишь сверстника за физические особенности, — произнес хладнокровно, — потом делаешь гадости, бьешь исподтишка, заставляешь врать, а когда тебе стрела разносит лицевую кость, удивляться становится некому. Он их конечно связал всех, попадал, даже в неподвижные цели не с первого раза, и здесь я вижу еще одну неосвещенную часть легенды.

Я развел руками

— Почему мы должны быть рабами традиции? — поднял я тему. — Почему если твой отец лучник, ты обязательно должен быть с Даром лучника? С чего вы и сам Бертран, в данном случае, такое взяли? Обратных примеров масса.

Они притихли непонимающе. Традиция же святая, патриархальная, сквозь века такая! Батя — маг воздуха, значит он тебя с детства фокусам всяким учит. Ты всяко станешь магом воздуха. Бред какой-то. У Мелама Тектоса дети не стали и мне даже было интересно, а могли из них маги появиться других стихий, если Мелам был не так настойчив в своей мании. Как же, дед был магом воздуха и дед его деда — колея магическая всосет и детей. А нет, не всосала.

— Я не разбираю двадцать подвигов искупления Бертрана сейчас, — начал подводить итоги, — с этим у него всё хорошо было. Но кто довел его до убийства и стези бандита? Безразличие и невежество общества. Кто заставил его врать о Даре лучника? Издевательства и собственное невежество. Наш враг — это традиция принимать профессию вслед за родными. Дар не предопределен. Но об этом вам расскажут на спецкурсах, мельком, в две фразы. Понимаете иронию? Вы все здесь одаренные уже, кроме Суры, но я думаю она тоже добьется. У вас есть Дар, он вас выбрал, но вбей вы себе в голову желание получить искусство меча, вместо магии огня, к примеру, посвящая ему все тренировки, насколько долго Дар огня станет вас игнорировать? Может всю жизнь? Мораль такая: не можешь лететь — планируй. Профориентация по степени Дара должна проходить как начальное образование у всех детей. Но это в будущем.

Я постоял, глядя на них. Дети как дети. Розы вообще из таких сорняков растут, что отворачиваешься.

— Не позволяйте чужому мнению подменять ваше, — заявил я, — будьте терпимее к остальным, тянитесь к знаниям. Это главный урок, что стоит пронести через всю жизнь. И еще: очень важно вовремя кушать, поэтому быстренько встали все, сказали «было круто» и пошли жевать печеньки!

Они заулыбались, запереглядывались, поразминались, встали, вежливо обозначили поклоны как младшие коллеги — старшему, двинулись на выход. Кая поймала за руку Рису и что-то говорила на ушко. Я погладил по голове Верлиту, поинтересовался как у неё дела и вечером пригласил к нам забежать на игры, отчего её мрачная, недовольная мордашка расцвела небесным светилом. Все ученики уже выходили, когда я преградил путь Суре Чариаре и с наслаждением отчеканил ей:

— А вас, Сура Чариари, попрошу следовать за мной!

— Нет, — неуверенно сказала она, — ваша милость, это точно была не я.

— Странно, — не упустил случая поиздеваться я, — все свидетели показывают на тебя.

Сура сжалась, затравленно смотря на меня искоса.

— Какие свидетели?

— Стража говорит, — строго показал я, — в полночь, девушка в костюме кролика, завернувшись в королевский флаг Шайна прыгала с городской стены на западных воротах, крича при этом: «вот такого покрывала, вам для секса не хватало!».

— Ах, ты подлец, Джерк Хилл! — вспыхнула она моментально, фиолетовыми разрядами прекрасных глаз.

— Мы очень похожи, — пошутил я и выдал цитату. — хочешь жить — иди за мной.

— Куда? — испугалась она.

— На следственный эксперимент, — пояснил я, — сейчас выдадим тебе костюм кролика и флаг, будешь прыгать снова.

Её аж заколотило от гнева и я сжалился.

— Сура, почему ты в моих поступках вечно ищешь подвох? — спросил мягко. — Да, люди часто поступают так же по отношению к другим. Зеркалят реакции. Но я в этом случае предельно рационален и не вижу в этом никакого смысла. Ты уже выросла, не ребенок, учить тебя отношениям поздно, социум у нас разный и пересекаться мы не будем.

Она отчего-то обиделась и язвительно сказала:

— О да, ты же теперь с принцессами водишься.

— У нашей принцессы королевский вкус, — лицемерно кротко сказал я, возведя глаза вверх.

Крыть ей было нечем, но и вот так сразу мне верить, не хотелось. Такое типичное поведенческое: ой, поугovarивайте меня, цацу такую неземную, повысьте самооценку. Я в такие игры только со своими девчулями играю. Прождав пять секунд, пока она сверлила меня недоверчивыми глазками, я развернулся и было уже отправился прочь, как она торопливо попросила:

— Хотя бы скажи куда мы идем?

— К Нетфису Рилвиру, — говорил я уже уходя, потому она засемила рядом, искоса вглядываясь в мое лицо.

— К главе гильдии артефакторов, — удивилась Сура, — а зачем?

— Будем спасать человека, — торжественно предъявил я убойный аргумент.

— Мы будем спасать человека? — не поверила мне Сура, — причем тут я вообще?

— Спасение людей — тяжелый труд, — вздохнул я, — особенно, когда они упираются.

Не буду же я тебя на руках нести. Кая меня не поймет, Аиша поймет не так.

— Её высочество не против, когда ты так запросто называешь? — проигнорировала она мой сарказм, но потом до неё дошло и она обиделась уже в который раз. — Не надо меня спасать!

— Аиша тоже так говорила, — поделился с ней наболевшим, — а потом разок её спас, второй. Принцессе понравилось, и она втянулась. Теперь у нас секта.

— Какая секта? — заинтересовалась она.

— По обнимашкам, — поведал ей нашу тайну, — только настоящие обнимашки спасут

мир.

— Да ты издеваешься, — дошло до Суры, — никуда я не пойду!

Я остановился и участливо сказал:

— Либо следственный эксперимент в костюме кролика, либо магический с обнимашками. Что выбираешь?

— Ненавижу тебя! — раздувая бешено ноздри тонкого носика, воскликнула она.

— Обычно, так говорят, — констатировал я, — когда нет ничего хорошего в жизни. В таком случае человек выпускает немножко ненависти для ощущения своего существования.

Губы у Суры скривились будто она собиралась заплакать, и я пустил в ход убийственное обоснование.

— Слезы старят девушек. Я могу легко уйти, но проблема останется.

— Нет у меня никаких проблем! — выкрикнула она. — и не было пока ты не появился!

— Ну ка, дай руку, — с фальшивым сочувствием обратился к ней, — пульс твой пощупаю.

Здесь Сура остановилась и даже руки за спину спрятала. Вот настолько я ей неприятен был. Или просто хотела так показать.

— Сдался тебе мой пульс, — немного спокойнее, но по-прежнему с нотками истерики в голосе, бросила она мне.

— Эй, у всех живых есть проблемы, — заметил я, — у меня с монстрами и поголовной нищетой, у Каи с воспитанием одной девочки, у Аиши подростково-гормональные, у тебя с реальностью. Твое благо, что я могу решить твою проблему, но ты упираешься словно корова, которую волочат на бойню.

— Я не хочу, чтобы именно ты решал какие-то мои мифические проблемы, — потемнела Сура лицом.

Да ок, хочет правды-матки в лицо, я всегда могу нарезать её кубиками и засыпать кастрюлю с бульоном истины доверху.

— Конечно не хочешь, — благодушно сказал я, — после годика бессмысленных издевательств в тебе проснулась совесть и ты такая «воу, вот я сука конченная, паренька динамила, за человека не считала, а теперь он здесь власть. И власть неплохая, умная, все восхищаются, а я ненавижу. Его за удачливость, себя за то, что оставила в нём и себе только разочарование, всех остальных — потому, что среди них не нашлось никого лучше этого паренька.»

Она неверяще смотрела на меня, слёзы моментально собрались в глазах, брызнули, потекли солёной дорожкой, а я продолжал безжалостно.

— На это всё накладывается падающая самооценка, ощущение бессилия, потому что тебе уже девятнадцать, а Дар всё не прокает, хотя стараешься как проклятая. И ты такая, «ну всё — это конец, время взойти на гору Двоих и отдаться на волю Создателям».

Она напряглась, бросилась на меня, но я был наготове, потому пригнувшись, сделал проход в ноги, взвалил её тушку на плечо и шустро завернул за угол дома. Все же улица главная, пусть не очень оживленная, а мы уже почти дошли до гильдии артефакторов. Не хочу сцен на проспекте Влюбленных. Наверно кто-то даже успел увидеть, хотя горожан в обед не так много, но это не та проблема, которая меня сейчас тревожила.

За домом я опустил Суру, сразу выставил вперед левое бедро, которым заблокировал удар колена, плотно прижал эту сумасшедшую к себе и стал мерно говорить.

— Нападение на королевского наместника карается шестью различными видами казни,

по усмотрению его королевского величества. По окончанию казни прах осужденного развеивается на ближайшей помойке. Не тот это путь для такой красивой девушки как ты. Потом, перед казнью, палач с подручными не раз над тобой позабавится. Ты же не одаренная, значит суд будет скорый и неправый. Да и будь правый — на людей бросаться нельзя, на представителей его величества прямо вообще нельзя-нельзя. Пришла в себя?

— Да, — хрипло каркнула она.

Я рискнул поднять свою голову, до этого вжимаемую ей в подбородок, а то мало ли, взбредет ей сечку мне сделать лбом. Приемчиков авантюристы много знают.

Глаза Суры блестели от слез, но первый шок осознания — что терзающие её мысли кому-то известны — прошел.

— Данные у тебя неплохие, — грубовато-изучающе выдал я, — упорная, терпеливая, красивая. Стерва немножко, но это потому, что вечно искала принца. Ну откуда ему в Самуре взяться? Для того в столицу ехать надо, а без Дара в Тритикаме делать нечего, сама же понимаешь. Так чего уперлась, сейчас процедуру попытки инициации проведем в гильдии, возможно получишь свой Дар, свалишь в Тритикам и забудешь городишко несчастный этот как страшный сон.

Она молчала, со странной ненавистью, глядя мне в глаза.

Я рискнул чуть ослабить хватку.

— Рисе мы проводили инициацию, с особым артефактом, — мягко продолжил, — почему тебе не попробовать, монет за это никто не возьмет, с Нетфисом у нас договоренность.

— По какой причине тебе это делать? — спросила она, буравя в упор фиолетовыми зрачками.

— А почему не сделать если могу? — пожал я плечами. — мне комфортно, когда кругом счастливые лица, богатые горожане, красивые живые девушки. Красивые мертвые девушки или симпатичные городские сумасшедшие мне не нужны. Ты всё понимаешь: сама себя кроешь внутри за упрямство, но продолжаешь тянуть время. Зачем?

— Я просто набираюсь мужества, — выдохнула она.

Вслед за словами эта сумасшедшая, впилась мне в губы неистовым поцелуем.

Я драмы всякие смотрел в кино, ко всему был готов, казалось, но тут чего-то растерялся. Что за заместительная терапия? Как это в мозгу у девушек работает? Сначала динамишь пацана, он уходит, вроде всё ровно, а потом её колбасит, и она на всё готова. А судя по степени жаркости губ, работы язычком и тесным прижиманиям — Джерку недолго оставалось стоять столбом. Сейчас этот столб потечет, оплывёт, жесткость перетечет в другой орган, руки примутся шалить, а тело примет комфортную позицию. Действовать надо!

Из последних разумных сил я откинулся назад, выставил ладонки между собой и Сурой, на которые она немедленно налегла своей немаленькой грудью. Тот самый случай, когда возможное лекарство оказалось хуже болезни. Но не за горло же её хватать.

— Успокойся, Сура, — принялся увещевать сумасшедшую, — у тебя совесть есть вообще?

— Да, Джерк, — кротко ответила она мне, продолжая напирать, — просто с собой не ношу, боюсь потерять.

— Ты पहले всего здоровье потеряешь, — пообещал я, — у меня две девушки: одна злее другой. Долго они не разговаривают, потому что насилие предпочитают словам. За плечами

у них кладбище размером с нашу городскую площадь. Представь, что я памятник и трогать меня нельзя!

Глазки у неё потухли, а вот нижняя губка упрямо выпятилась вперед. Нехороший знак.

— Как может её высочество терпеть Каю, — пробормотала она, — это невозможно.

— Спасешь её высочество от огненного великана, — легкомысленно сказал я, — может и тебя она назовет своей сестрой.

Кажется, я ей сейчас стимул дал. Просто поднял выбитое оружие, подул заботливо от пыли, передал обратно и такой: Дар магии! Мечты сбываются! Просто нагибай монстров вдоль и поперёк. А это неплохая идея, только надо Суру переключить на настоящего принца.

— Да, — важно продолжил я, — Аиша тебя познакомит с Шилнагаилом, Шайредом Четвертым. В люди выбьешься. Твои скульптуры заполнят парки, а руки станут просить зарубежные принцы. Вот зачем тебе какой-то Джерк Хилл?

Я сделал вид глупый и неказистый, сторбился, перекосил лицо и прищурился.

Она изучающе посмотрела на результат этих метаморфоз и даже чуть отступила назад. Я мысленно вытер пот.

— Хорошо, я согласна, попробуем Дар инициировать, — решила Сура, — какую стихию лучше выбрать?

— Начнем с огня, — торопливо сказал я, делая шаг в сторону гильдии и маня за собой жестом. — Самое то, для быстрого возвышения, да и Дейвос Пирикон в курсе и ждет нас.

Она послушно пошла за мной, задавая вопросы по Дару, я же старательно закидывал информацией. Миновал кризис. И чего так с девчонками трудно-то всегда?

В кабинете у Нетфиса, нас ждал сам глава и Дейвос. Привычно вложили усилитель в её руку, Дейвос подвесил шар пламени, попросил смотреть на огонь, я встал сзади Суры, старательно притворяясь бревном. Она покосилась на меня, но ничего не сказала. Волосы её приятно пахли травами. «Хороший бальзам», — отметил внутренний голос, — «диковата она немного, но в общем ничего деваха, я бы... ну ты понял.»

«Я бы пнул, — отбрил его, — тебя и не раз, свали в туман».

— Сосредоточься на огне, — зашептал ей на ухо. Дурацкий элемент интимности раздражал, но так надо для концентрации. — Ощути мощь пламени, растворишься в нём.

Выждав немного, зачитал ей:

— Живи огнем, дыши огнем\ пусть видят, ты горишь и гениальна\ случайный каст, но враг сожжен\ всех остальных сожжёшь ты неслучайно...

Увидев наконец пробежавшую искорку, а затем серебристое облачко, я испытал невиданное облегчение. Точно гору какую с плеч спихнул, а не девчулю — дальше будет полегче. Ничего не слушая: слов благодарности со слезинками счастья от Суры, поздравлений от Нетфиса, растроганных слов Дейвоса, обретшего коллегу по стихии я, самым подлым и быстрым образом, от них всех сбежал.

Надоели, честное слово! Каждому платочек поднеси, нос вытери, достань карту и покажи путь к светлому будущему. Вот Кая у меня не такая. И Аиша не такая. У них и платочек свой, и карту просить не станут — отберут. «Не виновата курочка, коль родилась не на той улочке», — всплыл мерзкий внутренний голос. «Одним остается наследство, другим наследственность», — хмуро срезал я его и поспешил в ратушу.

Там я провел несколько часов в делах, потом попросил Джиро заказать мне ужин в «Голове ВарОрка», сам забрал Каю и свалил отдыхать в особняк.

— Выглядишь потрепанным, — метко заметила Кая, — словно рукопись о деяниях

Создателей из королевского собрания документов и письменных свидетельств истории Шайна.

— Этой рукописи девятьсот лет, — ужаснулся я, — не считая того, что каждую неделю её мусолят на публичных чтениях.

Она изогнула бровь, зная, как меня это бесит. Я сделал неловкую попытку кинуть в неё подушку, с которой лежал в обнимку у камина, бездумно тараща на огонь.

Кая небрежно схватила подушку, аккуратно уложила и исчезла где-то в кухонной зоне. В отсутствии яркого раздражителя я позорно задремал на ковре и проснулся только под шумные возгласы, вернувшийся с занятий Рисы. С собой она притащила Верлиту, и будто два шмеля, жужжа и наскაკивая на коробку из таверны с ужином, что притащил Джиро, они кружились вокруг, создавая хаос и детерминируя реальность. Но появилась Аисаки и ловко погасила несанкционированные магические возмущения юных любительниц суши и сладкого, заведя их в ванную.

— Скучная девчуля — ошибка природы, — пробормотал я, зевая. Когда я уже закрывал рот, мне поднесли дымящийся крухан ароматного чая.

— Спасибо, Кая, — поблагодарил её. Отхлебнул и пожаловался, — шутка про рукопись была лишней. Будто я хотел, чтобы кто-то мусолил меня своим языком!

Никакого секрета в том, что она была рядом для меня не было, негласно Кая взяла на меня функции телохранительницы, если я выходил за пределы ратуши. Отвела Рису на торжественный обед, затем ускользнула за мной. Дар у неё подходящий, ничего против я не имел, был только за. Хоть какого великого мага можно проткнуть любым известным способом с помощью острого предмета.

— Особо ты тоже не сопротивлялся, — ответила она, забирая кружку у меня и делая свой глоток.

— Это был лучший способ остановить её приступ, — вяло оправдался я, не желая спорить, принимая чай обратно.

Умелые ручки Каи легли на мои плечи и начали торить дорогу наслаждения.

— Не думай, что я не понимаю, — её язык лизнул мочку моего уха, — но река обиды легко смывает гору доверия.

— Эта рукопись только твоя, — пообещал ей, — и твоей сестренки. Все картинки в ней будут нарисованы вашими руками.

— А неплохой был проход в ноги, — сменила она тему, — где ты так научился обращаться с девушками?

— Вельг научил, — сказал я сущую правду, — еще в детстве. Говорит, будешь рюкзаком по голове бить, девочку понравившуюся — дурой вырастет. Так что, проход в ноги, на плечо и в пещеру. И показывал.

— Интересно наверно, когда тебя на плече уносят в пещеру, — задумалась Кая.

— Ты уже в пещере, — сварливо напомнил ей, — а если хочешь на плечо, так я устрою.

Я развернулся к ней лицом и набросился на неё аки лев. Ну или бойкий воробушек, учитывая её скрытые физические параметры и профу разведчицы. Некоторое время мы ожесточенно барахтались на ковре, я пытался провести полунельсон с захватом её головы, но Кая только хихикала, легко выходя из захвата и дерганьем хвостика за мою ногу, выводя из равновесия. Хвостик в борьбе — ваще имба! Фиксить такое надо!

Наконец то ли удача мне улыбнулась, то ли Кая поддалась, но мы шумно упали на пол. Здесь я завладел полностью инициативой, половая борьба — мой конёк. Вжавшись губами,

мы нашли друг друга и вечность замерла в ожидании, как вдруг сзади раздался недоуменный голос Верлиты:

— Вы чего тут делаете на полу?

Я оторвался от Каи и взглянул на умытых и переодевшихся детишек. Надо спасти ситуацию.

— У нас соревнование: кто кого заборет, — нагло заявил я, — победителю достается весь торт из таверны! Каю я победил — остались только вы! Держитесь!

С этими словами я агрессивно провел захватнические действия с девочками, путем прыжка, не вставая с ковра, под громкий боевой клич «славься Шайн!». Схватив их за ноги, я попытался повергнуть их наземь, но меня быстро запинали, оседлали, задушили, накинули сверху какое-то полотенце, лишив зрения и стали угрожать расправой, если я не сделаю круг почетной коняшки по гостиной, как побежденный, с девочками наверху. Стоило бы отказаться, но цепкие ручонки ухватили мое нежное ушко и пришлось сдаться.

Где-то на шестом перебирании ладонь-пол, колено-пол я услышал шум открывания двери. Внезапно наступившая тишина меня озадачила, и я жалобно проржал, намекая что ухо надо отпустить. Тишина стала вязкой и недоуменной. Я торопливо сорвал с глаз полотенце.

В дверях стояла ее высочество Аиша Выдающаяся и с каким-то сакральным ужасом смотрела на меня.

— Я, в общем, всего ожидала, — сказала она, трагично заламывая руки, — землетрясения, роскоши и разврата, восстания ужаснокроликов, закона, обязывающего ходить в нижнем белье горожанкам от двенадцати до сорока. Но ради всех Создателей, объясни мне Джерк, как за неделю у тебя появилось двое детей?

Больше книг на сайте - Knigoed.net